детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

3/2011

Искатель, 2011 №3

Владимир Соколов, Константин Кривчиков, Андрей Ивахненко, Е. Ковалов

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 3
Содержание:
Владимир СОКОЛОВ. ОБОРОТЕНЬ
Константин КРИВЧИКОВ. ЛИСЬЯ УСМЕШКА
Андрей ИВАХНЕНКО. ВЫРОДКИ
Андрей ИВАХНЕНКО. СНЕГ
Е. КОВАЛОВ. МЕДОВЫЙ ТКАЧ
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 3

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

3/2011

(386)

2011

*

© «Книги «Искателя»

Содержание:

Владимир СОКОЛОВ
ОБОРОТЕНЬ
повесть

Константин КРИВЧИКОВ
ЛИСЬЯ УСМЕШКА
рассказ

Андрей ИВАХНЕНКО
*ВЫРОДКИ
повесть
*СНЕГ
повесть

Е. КОВАЛОВ
МЕДОВЫЙ ТКАЧ
рассказ

Владимир СОКОЛОВ
ОБОРОТЕНЬ

Владимир СОКОЛОВ

ОБОРОТЕНЬ

Изощренные убийства, изнасилования, отличающиеся исключительным цинизмом и нечеловеческой жестокостью, встречались во все времена, но преступление, которое произошло в шестидесятые годы в провинциальном городе Вольске Саратовской области, ни в какие ворота не лезло.

Поздно вечером в июле месяце в городскую милицию обратилась молодая девушка, назвавшая себя Аникиной Галей, ученицей десятого «Б» класса средней школы, и заявила о том, что ее только что на пустыре нового микрорайона, за котельной, изнасиловала группа молодых парней.

Школьница находилась в шоковом состоянии, одежда на ней была разорвана, на лице ссадины и царапины. Она горько плакала навзрыд и приговаривала: «За что? Что я им сделала? Сволочи! Паразиты!»

Дежурному, капитану милиции Кирееву Игорю Николаевичу, с большим трудом удалось выяснить у потерпевшей, что они с подругой Верой Гуриной возвращались домой из кинотеатра после вечернего сеанса. Девушки наткнулись на ребят, которые сидели на бревне и распивали спиртные напитки. Подростки, увидев девушек, повели себя вызывающе и стали делать им

непристойные предложения. Подруги от греха подальше бросились бежать. Вере удалось унести ноги, а Галя споткнулась о камень и упала на землю.

Парни напали на нее, стянули трусики и начали по очереди насиловать. Когда жертва стала кричать и звать на помощь, насильники принялись ее зверски избивать со словами: «Молчи, сука, а то убьем!» При этом один из преступников вытащил из кармана финский нож и приставил ей к горлу. Закончив свое черное дело, во влагалище потерпевшей изверги засунули: пустую бутылку из-под водки и арбузную корку. Потом они хотели жертву прикончить, но помешал мужчина, выгуливавший на пустыре большую черную собаку, которая стала неистово лаять.

Позже в ходе следствия выяснится, что, увидев происходящее, мужчина стал кричать: «Что вы делаете?! Сейчас милицию вызову!» В ответ услышал тонкий голос: «Вали, дядя, отсюда, пока цел, а то кишки выпустим! И пасть своему псу заткни!» — «Ах, вы так?! А ну, Рекс, фас!» — хозяин отпустил поводок. Овчарка, злобно рыча, бросилась на парней. При лунном свете тускло мелькнула холодная сталь ножа, раздался душераздирающий визг раненой овчарки, которая, суча лапами,

снопом повалилась на землю. Отморозки бросили девушку и убежали в сторону хлебозавода.

Киреев позвонил дежурному следователю прокуратуры Силкину: «Иван Иванович! Тут изнасилование. Что делать?»

— Где потерпевшая?

— Здесь, у меня.

— Она в состоянии показать место?

— Да вроде сможет это сделать, хотя сильно возбуждена и расстроена.

— Высылай за мной машину с оперативником, кинологом и потерпевшей. Пусть по пути захватят судебно-медицинского эксперта.

Оперативная группа быстро прибыла на место происшествия. При лунном свете пустырь хорошо просматривался. От эксперта Рудака Павла Николаевича пахло свежим водочным перегаром, но речь его была внятная и на ногах он держался хорошо. Все уже давно привыкли к тому, что медик редко был трезв, а потому не обращали на его состояние никакого внимания. Свою работу он в любом виде выполнял профессионально.

Служебно-розыскная собака Мирра нетерпеливо скулила, натягивала поводок, пытаясь первой попасть на место, где было совершено изнаси-

лование. Однако кинолог Миша придерживал ее и не пускал: «Фу, Мирра! Сидеть!» — так как первым в таких случаях всегда должен быть следователь.

Оперативник Васькин Вася в машине отвлекал разговорами Аникину, так как его время еще не наступило.

Следователь в месте, указанном пострадавшей, нашел две пустые бутылки из-под «Московской». Одна из них была вся в крови. Рядом повсюду валялись корки от арбуза. Больше ничего Силкину найти не удалось. Он натянул на руки резиновые перчатки, упаковал в картонную коробку бутылки и корки, после чего разрешил пустить по следу ищейку.

Мирра обнюхала землю, взяла след и побежала в сторону хлебозавода. Кинолог едва успевал за ней, давая собаке ценные указания: «След, Мирра, держать след. Умница!»

— Бутылки я забираю на исследование. Сейчас поеду в больницу, возьму содержимое влагалища потерпевшей, кровь, остригу ногти с подногтевым содержимым, освидетельствую ее на наличие телесных повреждений, — заплетающимся языком сказал эксперт.

— Хорошо, Павел Николаевич, бери хлам, заод-

но и арбузные корки, на них видны отпечатки зубов и может быть слюна преступников.

— Ладушки! Потом передам Аникину врачам. А подругу Гали пока найдешь — время упустишь.

— Вылазь, Васькин! Догоняй кинолога, а нам срочно нужно Аникину в больницу отвезти. Заодно там людей поспрашивай, не видел ли кто группу подвыпившей молодежи. Они всегда привлекают внимание посторонних. А мы тут же и назад. Ждите меня около хлебозавода.

— Сроду на своих на двоих, — заныл оперуполномоченный уголовного розыска.

— Волка ноги кормят, Васькин. На то ты и «опер», санитар леса. Не видишь, в каком состоянии девица?

— А что с ней сделается?..

— Дуболом ты бессердечный, Васькин, — рассердился Силкин, — тебе в заднее место бутылку засандалить, посмотрим, как ты запоешь петухом гамбургским.

— Ладно, езжайте, умные все стали следователи. На участковых да на операх отыгрываетесь, — гнул свою линию упрямец.

— Меньше разговаривай, Васькин, а займись сыском, тебе деньги не за разговоры с девушками платят, а за раскрытие преступлений и задержа-

ние злодеев. Вперед и с песней!

Васькин, бурча себе под нос, направился в сторону, куда убежали кинолог с собакой, а Силкин отвез медика и потерпевшую в больницу, а затем вернулся к хлебозаводу. У проходной скучал кинолог с собакой. Миша уныло доложил: «Сюда добежала, а за насыпью след потеряла».

— Как всегда, — отметил следователь, — зря только мясо на нее переводите.

— Не скажите, Иван Иванович. Мирра в этом году уже два преступления раскрыла...

— А мяса двести килограммов слопала, — перебил собаковода Силкин. — А где Васькин?

— По домам пошел, обход делать, должен скоро прийти.

Опер скоро не пришел, и ждать его пришлось около часа.

Наконец в конце улицы показалось мордастое лицо Васькина. Силкин с кинологом поехали ему навстречу.

— Ну что? — спросил работник прокуратуры.

— Да ничего! Никто ни хрена не видел и не слышал. Один бухарик шел домой, встретил пьяную компанию парней. Они шли со стороны пустыря, гомонили, мимоходом дали встречному гуляке пендаля под зад и пошли дальше в сторону насы-

пи. А за ней новые дома микрорайона. Жители уже спали. Завтра с утра участковый Спирин прочешет этот участок, сделает поквартирный обход. А на ночь глядя зачем людей булгачить? Лучше помотаемся на машине по микрорайону, поищем пацанов.

— Давно бы уже мотались, да тебя где-то черти носят без толку. Поехали! — скомандовал Силкин, и опергруппа ринулась на поиски злоумышленников. Но тех уже и след простыл. По всей видимости, они уже разбрелись по домам и видели третьи сны. А на улицах микрорайона не только подгулявших компаний, но и одиноких гуляк давно уже не было видно. На лавочке у одного из домов сидела парочка, но она была так увлечена поцелуями, что ничего вокруг себя не видела и не слышала. На вопрос сыщиков: «Не проходила ли группа пьяных ребят?» — парень с девушкой лишь глупо улыбались и разводили руками: «Нет, не видели».

Среди ночи оперативная группа приехала в райотдел милиции и до утра не сомкнула глаз, составляя план оперативно-следственных мероприятий на следующий день.

Васькин по приметам, которые сообщила потерпевшая, занялся розыском преступников,

а Силкин поехал в больницу, чтобы подробно допросить Аникину. Больная чувствовала себя неважно — похоже, что она находилась в прострации. С учетом совершенного изнасилования, лечащий врач Лукин разрешил допрос: «Матери сообщили еще вчера, она ночью приезжала, а рано утром ушла на работу. Аникина Полина Сидоровна работает в школе поваром. Если не придет — ребятишки останутся голодными. Обещала к обеду подойти. В семье еще есть сожитель Полины — плотник Федор. Но он постоянно в запое, воспитанием падчерицы не занимается, дома не ночевал, и неизвестно, где он находится в данное время. Состояние Галины удовлетворительное, но психическая травма дает о себе знать. Девочка еще долго будет приходить в себя. На восстановление нужно время. Тяжких телесных повреждений на теле ее нет, но имеются многочисленные ушибы и ссадины, повреждена матка, но оперативного вмешательства не требуется. Гинеколог и хирург назначили лечение».

Иван Иванович торопливо прошел в палату. Из-под тонкого одеяла на него тоскливо и отрешенно смотрели серые печальные глаза жертвы вчерашнего преступления.

— Здравствуй, Галя. Как самочувствие?

— Нормально.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов.

— Задавайте.

— Ты запомнила лица или приметы парней, которые тебя насиловали?

— Запомнила... первого... Лицо у него смуглое, волос на голове черный. Еще помню синюю вельветовую куртку. Глаза... какие-то ненормальные, злые. Все командовал. И ножом грозил убить. Его все называли Аркан. Другой — худой с писклявым голосом. Еще двоих я не запомнила. А всего четверо их было.

— Кто тебя бил?

— Били все четверо, но особенно старался Аркан. Даже ногой в живот меня пнул один раз. А так били по лицу и по голове. И еще в грудь.

— Помнишь, кто тебе бутылку... туда... засунул?

— Помню, это сделал Аркан. При этом ржал, как лошадь. А остальные смотрели и тоже смеялись. Худой говорит: «Может, Аркан, ее замочим? Зачем свидетеля оставлять?» Черный отвечает: «Ты прав, Зеленый». Потом снова достает нож и отводит руку вверх. Я испугалась. Но в это время слышу мужской крик: «Что вы делаете? А ну прекратите!» Парни убежали. Около меня на земле лежала собака, которая жалобно скулила, а ко

мне подошел мужчина и спросил: «Девушка, вам помочь? Может, домой отвести или в милицию?» А я сказала: «Не надо, сама дойду». Мужчина сказал: «Вот сволочи, Рекса ножом ударили. Пойдемте — я вас провожу». Он взял на руки собаку, и мы пошли в сторону милиции, но мужчина сказал, что ему нужно спасать Рекса и понес его домой, а я сама дошла до милиции.

— А мужчина? В какую сторону пошел?

— А он пошел к новым домам.

— Как он выглядел?

— Лет тридцати, высокий, одет в белую рубашку, на голове кепка с длинным козырьком.

— Не сказал, как зовут?

— Нет, а я не спросила, не до этого было.

— Скажите адрес Веры Гуриной.

— Дубинина, 28, квартира 9.

— Ну все, до свидания. Выздоравливай, Галина, — закончил Силкин допрос и направился к выходу из палаты. Сзади его догнал тяжелый глубокий вздох несчастной девушки. В груди следователя шевельнулась жалость к жертве циничного надругательства пьяных отморозков.

...Дома Веры не оказалось. На звонок дверь открыла ее мать.

— Вера в школе, а мне во вторую смену. Зовут

меня Пелагея Ивановна, работаю в больнице медсестрой.

— Я — следователь прокуратуры Иван Иванович Силкин, — показал посетитель хозяйке красное удостоверение. — А скажите, Пелагея Ивановна, в котором часу вчера вечером пришла ваша дочь и в каком она была состоянии. Что вам рассказала?

— Вера пришла поздно. Я смотрела на часы — время было десять минут двенадцатого. Они же с Галей на девятичасовой сеанс в кино ходили. Дочка была возбуждена и чем-то сильно испугана. Я спросила ее: «Что случилось, Верка?» Она запыхалась — видно, бежала, торопилась, но ответила: «Там... там... Галку пацаны поймали, могут что-нибудь с ней сделать. Надо сообщить в милицию». Верка порывалась бежать в милицию, но я не пустила. «Сиди дома, — говорю, — и никуда не ходи! Добегалась уже. Они и убить тебя могут...» А она спрашивает: «А как же Галка?» — «Что — Галка? — отвечаю. — Ты о себе подумай. Не ввязывайся в эту историю. Благодари Бога, что ноги унесла».

Хозяйка нахмурилась, поджала тонкие губы, на которых гуляла недобрая усмешка, и продолжила:

— Я закрыла дверь на ключ, спрятала его и никуда дочку не пустила.

— Как же вы, Пелагея Ивановна, медицинский работник, в этой ситуации проявили такое бессердечие и бездушие? Там же действительно в это время глумились над Галей Аникиной и могли ее убить?

— Гражданин следователь! Будут у вас дочери, тогда посмотрим, как вы поступите. А Верка у меня одна, кровинушка. — Хозяйка неожиданно заплакала и стала подвернувшимся под руку полотенцем вытирать мокрые глаза. — Но Верка меня не послушала, через час нашла ключ, открыла дверь и убежала из дома. Я следом за ней бросилась в милицию.

— И что дальше?

— А там нам сообщили, что Галю отвезли в больницу, а ребят ищут. Дежурный снял с нас показания и отпустил домой.

Следователь поехал в школу, куда в кабинет директора была вызвана Вера. Девушка испуганно посмотрела на чужого посетителя.

— Я — следователь, — представился Силкин, — а вы, как я понимаю, Гурина Вера, подруга Гали Аникиной?

Девушка молча кивнула.

— Расскажи-ка, Вера, я буду на «ты», что случилось вчера вечером?

— Мы с Галкой шли из кино, — начала рассказ свидетельница, — на пустыре пацаны пили водку из горлышка и ели арбуз. Их было четверо. Один высокий, черный, в вельветовой куртке говорит нам: «Куда торопитесь, девочки? Идите к нам в компанию, может, потрахаемся?» Все засмеялись. Мы с Галкой испугались и побежали. А пацаны за нами. Галка упала... Пацаны набросились на нее, а я убежала домой. Обо всем рассказала маме и хотела идти в милицию, но мама меня не пустила. Когда мама легла спать, я нашла ключ, открыла дверь и убежала. А мать примчалась в милицию следом за мной. Милиционер сказал, что Галку увезли в больницу, а пацанов еще не нашли. Как там Галка?

— Нормально, все образуется, Вера, — ответил Иван Иванович и задал вопрос: — Приметы ребят запомнила, Вера? Как выглядели? В чем были одеты?

— Какие приметы? Все же произошло очень быстро — в течение минуты. Я запомнила только одного, «черного», глянула на него, когда он заговорил с нами.

— Сможешь его опознать?

— Наверное, смогу.

— Нож у кого-нибудь видела?

— Видела. Большим ножом «черный» резал арбуз, когда мы проходили мимо бревна, на котором сидели ребята.

Поквартирный обход участкового ничего нового не дал. Лишь один житель «хрущевки» с третьего этажа вышел около двенадцати ночи покурить на балкон и видел, как со стороны пустыря пробежала группа молодых ребят. Но эти показания никак не могли помочь в раскрытии тяжкого преступления. Милиция, как обычно, несколько дней суетилась и бегала в поисках преступников, а потом активность упала, наслоились новые преступления. В лесу у реки нашли труп мужчины с перерезанным горлом, обворовали сберкассу, убили инкассатора. Что уж тут отвлекать силы и средства на поиски насильников? Потерпевшая жива и здорова, тяжких последствий изнасилования не наступило. Пусть опер Васькин в общем порядке и занимается розыском. А у опера, кроме изнасилования, еще десять нераскрытых преступлений. Мелкие размотать легче, чтобы увеличить процент раскрываемости на участке. Вот Васькин мелочевкой занимается в первую очередь, а до розыска насильников гражданки

Аникиной просто руки не доходят. А прокуратура, как известно, розыском преступников не занимается. На это есть уголовный розыск в системе МВД, а прокуратура ведет следствие, констатирует факты, фиксирует доказательства, предъявляет обвинение. То есть работает с живыми, а не с мифическими преступниками, которые бегают из угла в угол, как крысы на тонущем корабле. Мангуст-опер вначале должен поймать крысу-бандитку, а потом капитан-следователь прокуратуры решит, что с ней делать. Выбросить за борт или отдать тем же крысам на съедение. Вот такая получается «картина маслом».

Поэтому и следствие в городе Вольске по делу об изнасиловании шло ни шатко ни валко. Следователь прокуратуры Силкин ждал, когда опер Васькин наконец найдет насильников, а Васькин в это время искал пьяницу Дуньку Кулакову, которая сперла белье с веревки гражданки Культяпкиной Татьяны.

С момента изнасилования прошел месяц, а в жиденькой паке по этому делу и конь не валялся. У Силкина было еще с дюжину громких дел об убийствах и крупных хищениях, по которым обвиняемых искать не нужно было, а требовалось предъявлять им обвинения и спихивать

дела в суд. А для этого нужно много времени. До дохлого дела об «изнасиловании» руки не доходили. Найдет Васькин подозреваемых, вот тогда прокурорская следственная машина заработает на полную мощность. А пока Силкин перекладывает кипы папок, доходит до тонкой папочки об изнасиловании, тяжело вздыхает, для порядка перелистывает бумаги, а потом засовывает папочку в самый низ стопки. Зевает, потягивается и обреченно говорит: «Завтра срок по делу заведующего торговой базой Тяпкина заканчивается. Опять ночь не спать — обвинительное печатать».

...Тем временем Аникина Галя выписалась из больницы, сидела дома и медленно приходила в себя. На бледных щеках несчастной появился румянец, но в глазах по-прежнему стояла бездонная тоска и безразличие. По ночам ее мучили кошмары. Ей снилось, что стая мерзких чудовищ с огромными клыками, слюнявыми пастями и окровавленными мохнатыми лапами набрасывалась на нее, терзала ее тело острыми когтями, а внизу живота Галя чувствовала нестерпимую боль. Она во сне пыталась закричать, но не могла этого сделать, голова гудела, как раскаленный шар, и девушка просыпалась, дрожа от страха и омерзения. Она находилась под наблюдением

психиатра, который выписал ей таблетки, от которых еще больше болела голова и все время тянуло в сон. А заснуть-то она долго не могла, и сон переходил не в отдых, а в мучение.

Как-то вечером забежала подружка Верка Гурина.

— Галка, ты все киснешь? Так и крыша поедет. А ну пошли на танцы, развеешься немного. Тебе отвлекаться надо, а ты все лежишь, уже весь диван продавила. А ну вставай быстро!

— Какие танцы, Верунь? Не хочу. Сходи одна, — ответила подруга.

— Одна не пойду. Одевайся. Сегодня на танцплощадке духовой оркестр из Саратова будет играть.

Вера нехотя согласилась:

— Ладно, пошли!

— Ну вот, умница, давно бы так, а то все киснешь, как капуста в бочке.

Галина оделась, подвела брови, и подруги отправились на танцплощадку. Там встали в сторонке, поджидая кавалеров. Заиграл оркестр на мотив песни: «Ландыши, ландыши, светлого мая привет...» Задвигались пары, елозя подошвами обуви по деревянному полу. В углу площадки стояла группа нетрезвых парней, среди которых был чернявый парень в вельветовой курточке.

Галя посмотрела в его сторону, и в голове у нее помутилось: «Это он, это же он, сволочь...»

Вера, увидев, что подруга не в себе, спросила:

— Галя, что с тобой, тебе плохо?

— Нет, Верунь, все в порядке, — сказала Аникина. — Вон посмотри туда, — кивнула она в сторону группы молодых людей. — Они же на нас напали на пустыре. Узнаешь?

— Да, вроде бы они, «черного» узнаю, и в этой куртке тогда был, — ответила подруга.

— Вера, я побегу в милицию, а ты оставайся. Понаблюдай за «черным», вдруг он уйдет. Посмотри, куда намылится.

— Ладно, беги. Это точно он — я уже не сомневаюсь. Попался, гад, теперь не уйдет.

Дежурный капитан Киреев узнал в посетительнице потерпевшую Аникину.

— Тебе в двенадцатый кабинет, к лейтенанту Васькину. Он еще у себя. Опера вечером домой не уходят...

— Знаю, знаю, он ко мне в больницу приходил.

— Тем более. Поднимись на второй этаж и налево, — подсказал дежурный, а сам проверил, на месте ли оперативная машина.

Аникина постучала в дверь с номером «12» и мышкой юркнула вовнутрь помещения.

Васькин стука не услышал и посетительницу не увидел. Он сидел за столом и левой рукой тряс дырявые кальсоны перед носом Дуньки Кулаковой. В правой руке у опера был зажат пистолет «Макаров», которым лейтенант стучал по столу и орал на задержанную:

— Признавайся, лярва! У Кольки Вшивого подштанники сперла?

Дунька от страха уже надула в штаны, робко отстранялась в сторону, язык ее не слушался, заплетался. Она бормотала что-то нечленораздельное, не поймешь что.

После очередного удара рукоятки пистолета о стол, неожиданно раздался выстрел, пуля прошила Колькины кальсоны, образовав в них еще одну дырку, и змеиным жалом впилась в стену.

Опер опешил, а Дунька благим матом закричала:

— Не убивай, начальник. Все расскажу. И кальсоны я украла, и шубу у Клавки Мотькиной свистнула, и...

Пришедший в себя Васькин положил пистолет на стол и сообщил:

— Кальсоны — твоя работа, Дуня, а в краже шубы у Клавки уже до тебя признался Вшивый. Так что лишнее на себя брать не надо, Дуня. За

тобой другие хвосты имеются.

Лейтенант забыл поставить пистолет на предохранитель, но, к счастью, не забыл главное правило, что никогда нельзя направлять ствол оружия на человека. Это-то и спасло похитительницу ношеного белья Дуньку Кулакову от неминуемой гибели в стенах кабинета оперуполномоченного уголовного розыска.

Васькин наконец обратил внимание на перепуганную насмерть Галю:

— А, это ты, Аникина. Видишь — занят, подожди в коридоре!

— Там, там... — затараторила девушка.

— Что там? Говори, телись быстрее...

Не успела Галя открыть рот, как в кабинет забежал с перекошенным лицом капитан Киреев:

— Кто стрелял? Почему стрелял?!

— Я стрелял, потому что колол, — кивнул Васькин на Дуньку, которая ни жива ни мертва сидела на стуле, с сиденья которого почему-то капала жидкость. — Выстрел непроизвольный, я не специально, так получилось.

— Ты доиграешься, лейтенант! Сколько раз я тебе говорил, Васькин, не разбирать пистолет при посетителях. Это к добру не приведет. Не послушал меня, вот теперь ЧП в мое дежурство: опер,

видите ли, «колет» подозреваемых и из «пушки» палит. Придется начальнику рапорт писать. А что прикажешь мне делать? И что ты рваными кальсонами трясешь? Вон Аникина насильника опознала на танцплощадке. Дорога каждая минута. Езжай на задержание с моим помощником. И пистолет не забудь. Вот там и стреляй. Стрелок хренов! А ты, Дуня, иди, завтра придешь.

— Как это «иди»?! Она в краже раскололась. Ее на нары надо, а ты — иди. Сам в дежурку иди и там командуй.

— Я тебе покомандую, молокосос! Недолго тебе осталось в милиции штаны протирать, всех позорить. Выполняй приказ! И будь осторожен, преступник может быть вооружен.

Васькин с помощником дежурного старшиной Куровым, водителем сержантом Митиным и потерпевшей приехали на танцплощадку. На выходе их встретила Гурина Вера, которая сказала, что пьяные парни не выходили. Аникина указала оперу на чернявого парня. Три милиционера подошли к нему с целью захвата, вся ватага бросилась врассыпную, а «черный» неожиданно выхватил из кармана нож и со словами «Не подходи — убью» стал медленно отступать к перилам площадки. Васькин направил на преступника пи-

столет. «Стой! Брось нож. Стрелять буду!» — при этом хотел произвести вверх предупредительный выстрел. Нажал на курок, но выстрела не прозвучало. Молодой оперативник еще ни разу в жизни не применял оружие и просто-напросто в спешке не снял его с предохранителя. Это дало злоумышленнику возможность выиграть драгоценные секунды. Он перемахнул через ограду и молодым сайгаком бросился бежать в глубину парка.

Однако работники милиции тоже были не лыком шиты, стали преследовать беглеца, догнали его около старого дуба, повалили на землю и надели наручники. В кармане у него нашли финский нож, который задержанный не успел выбросить.

Злодея доставили в милицию и усадили в обезьянник за решетку. Парень был пьян, вел себя развязно, нагло ухмылялся и грозил: «Я вам устрою, козлы вонючие. За что повязали? Вы еще ответите!»

Капитан Киреев не выдержал: «Заткни поддувало, мерзавец! Отвечать тебе придется за свои подвиги! Сволочь!» — и решил срочно позвонить на квартиру следователю Силкину.

— Иван Иванович. Это Киреев. Тут только что задержали насильника... Ну, который Аникину изнасиловал. Она его на танцах узнала, а Васькин

произвел захват. Что делать будем?

В трубке ответа не последовало, слышна была музыка и громкие голоса людей, потом послышался недовольный баритон следователя:

— Вот что, Игорь Николаевич. Пусть задержанный посидит у вас, а завтра разберемся. Тут, видишь ли, такое дело — у жены день рождения, гости. Неудобно как-то бросать... Давай отложим до утра...

— А на основании чего я его держать буду?

— Тебе ли, капитан, объяснять — как? Оформи на пятнадцать суток административное задержание, составь протокол, а потом я разберусь и решу вопрос с арестом.

— Ладно, уговорил... А с потерпевшей что делать?

— Что, что... В камеру вместе с насильником посади! Шучу! Домой пусть идет. И обяжи явкой на завтра к девяти утра. Ну все... Пока!

Наутро Иван Иванович с больной головой с небольшим опозданием приехал в отдел милиции. Киреев уже сменился с дежурства и уехал домой, а в коридоре его поджидала Аникина Галя.

Силкин поздоровался с ней и велел ждать, а сам прошел в свободный кабинет замполита Ключ-

кова, который находился в отпуске, и приказал доставить задержанного.

Конвоир Метелкин привел административно арестованного и столбом встал у дверей.

Посмотрев на доставленного парня, Силкин побледнел как мертвец, руки у него задрожали, хотя тремором он не страдал. В глазах появились удивление, недоумение и озабоченность одновременно.

В задержанном насильнике следователь узнал... сына прокурора города.

Силкин машинально махнул рукой конвоиру — иди, мол. Тот незамедлительно удалился.

— Вадим. Ты что тут делаешь? Что это все значит? — недоуменно спросил Иван Иванович.

— Вот, загребли, а за что — не знаю. Волки позорные. Под дых еще вчера врезали, до сих пор болит.

— Все ты знаешь, Вадим, и врезать тебе надо было не под дых, а немного пониже, чтобы знал, как девушек насиловать. Как же ты до этого дожил, ума не приложу? Не могу поверить, что это ты, Вадим, сын прокурора! Отца опозорил, его же с работы уволят, а ты в тюрьму пойдешь, Арканов Вадим. Вот почему потерпевшая называла кличку «Аркан», волос черный, высокий рост,

вельветовая куртка — все сходится.

...Иван Иванович работал следователем в прокуратуре восемь лет. Его шеф, прокурор города Арканов Петр Николаевич, был уважаемым человеком. Он являлся участником войны, имел кучу наград и в дополнение к ним тяжелое ранение в ногу, полученное при взятии Берлина. Депутат, член бюро райкома партии. Со своей женой Настей Петр познакомился в конце тридцатых годов, перед самой войной у них родился сын, которого назвали Вадимом. Когда отец воевал, мать Арканова Анастасия Михайловна работала в госпитале, а маленький Вадик находился у бабушки. После войны, когда отец вернулся с фронта, Вадик ходил в детский сад, а потом в школу, которую закончил с золотой медалью. Мальчик был одарен от природы, все науки давались ему легко. Больше детей у Аркановых не было, вся родительская любовь и ласка доставались единственному сыну, который начал мнить себя гением, стал эгоистом, считающим, что ему в этой жизни все позволено. Так часто в семьях, вполне благополучных и интеллигентных, вырастают уроды и изверги рода человеческого. Есть пословица: «Яблоко от яблони недалеко падает». Но это не всегда так. С хорошей яблони

может упасть червивое с гнилым нутром яблоко, Вадима сразу после школы без экзаменов приняли в Саратовский юридический институт, где он учился только «на отлично». В настоящее время студент перешел на третий курс и находился в Вольске на каникулах.

Иван Иванович был на дружеской ноге с Петром Николаевичем, а жена прокурора и жена следователя Люба были подругами. Часто вместе собирались в компании, вместе встречали праздники, выезжали за город. Арканов и Силкин ездили на рыбалку, так как оба были заядлыми рыбаками, в свободное от работы время просиживали часы за шахматной доской, Карты и лото в семьях почетом не пользовались. Женщины занимались вышиванием, ведя между собой неторопливые задушевные беседы. И все это не мешало совместной служебной деятельности по расследованию уголовных дел.

С тяжелым чувством безысходности Силкин смотрел на сына своего товарища, на человека, который превратился в негодяя и насильника. Душу следователя раздирали противоречия. С одной стороны, он, будучи порядочным человеком и соблюдая закон, должен был привлечь Вадима к уголовной ответственности, арестовать

и отправить за решетку. А с другой стороны, порядочно ли это будет сделать в отношении своего товарища по работе прокурора Арканова? Как он переживет арест сына? Потом Петра выгонят с должности прокурора и из партии. Ведь «отец за сына отвечает»! Хотя в чем Петр виноват? В том, что недостаточно воспитал сына? Или в том, что просмотрел в нем эгоиста с гнилым нутром? А сколько горя будет Анастасии Михайловне? Переживет ли она крах карьеры любимого сына, в котором души не чает? Сможет ли вынести то, что сын вместо института поедет в тюрьму кормить на нарах клопов? И это сделает не кто-то со стороны, а верный друг семьи — следователь Силкин Иван Иванович.

Работник прокуратуры сжал голову руками, заскрипел зубами, нервно постукивая кулаком по столу, потом резким движением снял трубку телефона:

— Дежурный, это Силкин. Если можно, дай машину доехать до прокуратуры. Задержанного Арканова я забираю с собой. Протокол тоже.

— Можете спускаться, Иван Иванович! Машина у порога, — ответил новый дежурный, майор Власов.

В дежурке Силкин наткнулся на грустные, пол-

ные тоски и печали глаза потерпевшей девушки, которая согласно распоряжению ждала, когда ее вызовут к следователю. Мучительная мысль острой бритвой полоснула растревоженную душу Ивана Ивановича: «А она-то здесь при чем? Господи же Боже мой! Я ей должен помогать и по закону, и по совести. Но сначала нужно поговорить с Петром».

— Галя, пока иди домой, понадобишься — я тебя вызову, — срывающимся голосом сказал Силкин.

— Хорошо, поняла, — немного разочарованно ответила девушка и пошла к выходу.

А Силкин привез Вадима в прокуратуру, где немедленно вместе с ним зашел в кабинет прокурора Арканова.

Увидев Вадима в сопровождении следователя, Петр Николаевич удивился и задал вопрос:

— Что это вы на пару? Что-нибудь случилось?

— Случилось. Помнишь дело по изнасилованию Аникиной Галины? Так вот, это работа Вадима, — кивнул следователь на своего спутника. — Пусть расскажет о своих похождениях.

Прокурор напрягся, по лицу было видно, как тяжело он воспринял ужасное известие.

— Как так? Не может этого быть! А ну выкладывай, щенок, что натворил!

Вадим лишь уныло смотрел в пол, молчал, словно язык проглотил.

Пришлось Ивану Ивановичу рассказать товарищу по работе и по жизни о том, что сделал его сын, о том, что его опознала потерпевшая.

— А Аникина не могла обознаться? — схватился прокурор за соломинку.

— Нет, Петр Николаевич, все против Вадима.

Иван Иванович поведал другу о фактах, уличающих Арканова-младшего и в заключение добавил:

— Ко всему, Вадим, на танцплощадке при задержании размахивал финским ножом, который у него изъяли.

— Вот почему ты месяц назад пришел ночью в стельку пьяный, в грязной одежде и с оцарапанной мордой, — обратился прокурор к сыну. — И мне сказал, что поцапался с ребятами. Что делать? — Тяжкий стон вырвался из груди фронтовика: — Что мы матери скажем? Пойдешь под суд, подлец.

Прокурор подошел к сыну и ударил его ладонью по щеке.

В ответ лишь сопенье и шмыганье негодяя.

Немного погодя, Петр Николаевич поостыл, трезво посмотрел на вещи и сложившуюся си-

туацию, родительские чувства взяли верх над благоразумием и служебным долгом.

Попросив Вадима выйти из кабинета, прокурор, тяжело вздохнув, спросил подчиненного:

— Что будешь делать, Иван?

— Не знаю, голову не приложу. Вот попали — врагу не пожелаешь.

— Жалко все-таки! Ведь родной сын! Единственный. И я должен отправить его с помощью друга в тюрьму! — простонал прокурор, погладив внезапно заболевшую раненую ногу. — И карьере моей конец, на днях старшего советника должны были присвоить. А этому советнику метлу в руки — и в дворники. Но не это главное. У Насти что-то сердце последнее время стало пошаливать. Боюсь, не вынесет она такого удара.

— Я уже об этом думал, Петр Николаевич. Но что ты конкретно предлагаешь? Как выпутаться из этой ситуации, вылезти из этого дерьма? Ума не приложу.

— Какие последствия изнасилования? Как себя чувствует Галя?

— Чувствует нормально, телесные повреждения легкой степени, но психическая травма налицо. Аникина сильно подавлена и угнетена. И потом, изнасилование было совершено с особой

дерзостью и исключительным цинизмом.

— Не об этом речь сейчас, Ваня! Вадим сядет лет на десять; мне на гражданку с хромой ногой идти; что с Настей будет, даже предположить не могу. Кому от этого будет легче? Девушка жива и здорова. Время вылечит. Я дачу продам, помогу ей материально, путевку в санаторий достану. Да все сделаю, черт возьми...

— Петр Николаевич, ты сейчас рассуждаешь как отец и муж, а не как представитель закона, не как прокурор, который не должен оставлять безнаказанным любое злодеяние, — возразил Силкин.

— Так что же делать будем, Ваня? Ты же друг мне — помоги. Пойди один раз против принципов. Все сейчас от тебя зависит, от твоего решения и твоих действий. Ты можешь поставить вопрос о заключении Вадима под стражу, а санкцию на арест тебе даст уже другой прокурор. Но ты ведь можешь спустить дело на тормозах. Как это сделать, ты знаешь, хотя нам с тобой этим ни разу не приходилось заниматься. Но тут такой случай. Один непродуманный ход — и все летит ко всем чертям. Отпусти Вадима пока под подписку, а там посмотрим, подумаем вместе. И ты поразмыслишь и примешь окончательное решение.

Я ведь тебя не принуждаю, а просто прошу, как товарища, как коллегу, как отца, наконец.

— Хорошо, Петр Николаевич, так и сделаем, — скрепя сердце согласился Силкин. В душе у него продолжали копошиться противоречивые мысли, пойти навстречу прокурору требовало от него немало усилий. Ной предать друга, отправить его сына за решетку он тоже не смог.

Силкин формально допросил Вадима без предъявления обвинения, меру пресечения избирать не стал, ограничившись обязательством о явке. Арканов-младший, естественно, ни в чем признаваться не собирался, все отрицал, как и все его товарищи. Они не отказывались от случая распития спиртного на пустыре, но сам факт изнасилования начисто отвергали. Опознания Силкин делать не стал, мотивируя это тем, что Аникина Галина видела Арканова Вадима на танцах, а то, что опознала его, так это не важно. Девушка могла и ошибиться. В состоянии душевного волнения недолго и хрен с пальцем перепутать. Вместо свидетеля собачника в деле появилась справка о том, что принятыми мерами розыска установить его не представилось возможным, хотя мужчину с собакой искать никто и не собирался. По этим же причинам не была

взята сперма у подозреваемых и не назначена биологическая экспертиза. И в итоге дело об изнасиловании было прекращено за недостаточностью доказательств.

Петр Николаевич продал дачу, а мать потерпевшей Аникина Полина Сидоровна однажды утром в конце августа обнаружила под дверью большой пакет, в котором находилось пять тысяч. Деньги по тем временам очень большие. На них можно было купить машину. Аникина-старшая догадалась, откуда деньжищи, и спрятала их в потайное место, чтобы их не нашел сожитель Федор. Полина Сидоровна скривила рот и сама себе произнесла: «Нас не купите, господа прокуроры. Не все продается и покупается. И совесть не купишь. Найдем и на вас управу, есть и повыше власть. И Бог есть. А от его кары никто не уйдет!» Что имела в виду повариха, наверное, одному этому Богу известно тогда было. А позже станет известно и другим жителям Вольска.

Вадим в конце августа уехал в Саратов продолжать учебу на юриста, а первого сентября Галя и Вера сели за парты десятого класса. Мать Вадима так ничего и не узнала, от нее удалось скрыть, во что вляпался ее горячо любимый единственный сынок; кадры в городской прокуратуре остались

без изменения. Жизнь продолжалась, но в городе Вольске она через некоторое время преподнесла такую крутую загогулину, о которой долго рассказывали друг другу жители Саратовской области.

...Иван Иванович, перекладывая папки, полистал материалы «закрытого» дела об изнасиловании. Перед его глазами возникла картина растерзанного тела девушки, в уши ворвался ее жалобный крик о помощи и жуткий вой раненой собаки, послышался издевательский хохот негодяев, глумящихся над беспомощной жертвой. Следователю стало не по себе, неприятная тяжесть легла на сердце, на душе стало муторно и гадко. «Что сделано, то сделано. Поздно что-либо менять. Где эта черта, отделяющая благородство и сострадание от подлости и низости, чувство товарищества от чувства долга? — подумал Силкин, потрогал наморщившийся лоб и с силой бросил уголовное дело в открытый сейф.

Прошел год с момента описанных событий. Галя с Верой закончили десятилетку и готовились к поступлению в педагогический институт, а Вадим, окончив третий курс института, приехал в Вольск на каникулы к родителям.

Ради объективности, дорогие читатели, я не могу представить Галину Аникину невинной

овечкой, а потому опишу события, как они произошли на самом деле. Дать же оценку поступкам девушки предоставляю читательской аудитории.

Аникина затаила злость на насильника, чувство справедливости требовало отмщения за поруганную честь. К тому же Галя имела основания ненавидеть всю мужскую половину человечества. Однажды зимой она проснулась дома оттого, что чьи-то потные руки жадно щупали ее тело, одна лапища залезла под трусы, а потом стала их стягивать. Галя увидела пьяную харю отчима Федора, который пытался ее изнасиловать. Галя с омерзением оттолкнула грязные руки и ударила негодяя в лицо. Отчим взревел раненым зверем и всей тушей навалился на Галю. Ей чудом удалось вывернуться из-под мужчины и в одной комбинации убежать на улицу. Босая, по снегу, она добежала до дома соседки тети Нюры, которой, рыдая, рассказала о случившемся. Тетя Нюра пожалела ее, на время приютила, а мать, придя с работы, тоже узнала о проделках сожителя. Добрая повариха обматерила Федора и ударила сковородкой, предупредив, что в следующий раз выколет глаз или отправит сожителя на тот свет. На том дело кончилось, и Федор не стал

больше покушаться на честь падчерицы с целью удовлетворения своей похоти. Он решил, что для этого вполне достаточно пышного тела Полины, а из-за сопливой девчонки можно лишиться не только пристанища, но и важных частей тела.

Галина же поняла, что прокурорского сынка, совершившего над ней насилие вместе со своими друзьями, никто наказывать не собирается, а уголовное дело прикрыли. Она решила сама отомстить обидчику и учинить над ним самосуд. Всем известно, что женщина, затаившая обиду и решившаяся на возмездие, способна на жестокие непредсказуемые действия.

К делу Аникина решила привлечь своих школьных подруг Веру и Маркину Соню-баскетболистку, под два метра ростом, по прозвищу Дылда. Вера Гурина, наоборот, была маленького роста, и в школе ее дразнили «Шпулька». Однажды в воскресенье Галина купила бутылку кагора в большой черной бутылке, называемой в народе «огнетушителем», коробку шоколадных конфет и большой, килограммов на восемь, астраханский арбуз. Подруги были заранее приглашены в гости и явились точно к назначенному времени — в пять часов вечера.

— Вот что, девочки, — начала непростой разго-

вор Галя после первой рюмки кагора, который, по ее мнению, должен был придать товаркам смелости и решительности. — Я хочу отомстить прокурорскому сынку. Он думает, что с него как с гуся вода. Но он ошибается. Кровь за кровь, смерть за смерть.

— Ты что, Галка, с ума сошла? Убить его хочешь, что ли? — удивленно спросила Вера.

— Не бери в голову, Верунь. Это я так сказала, для красного словца. Убивать его никто не собирается, но месть моя будет страшной, — с угрозой произнесла Аникина. — И мне нужна ваша помощь.

— И что мы сделаем? — поинтересовалась Соня.

— Мы его изнасилуем, — как гром среди ясного неба прозвучал голос мстительницы.

— Как это? — недоуменно спросила Вера.

— А просто. Я все продумала. Сначала разденем догола, свяжем руки, потом перевяжем яйца веревочкой и будем насиловать.

— Ну ты даешь, Галка! А нас не посадят? — высказала опасение Гурина.

— Кто нас посадит? И за что? Мы же его бить не будем. А потом он в милицию заявлять не будет. Поднимут мое дело, а это ни ему, ни его папаше

не нужно.

— Вообще-то этот подонок заслуживает хоть какого-то наказания. Но идиоту наше изнасилование будет, как мертвому припарка, — опять засомневалась Вера.

— Не скажи, подруга! А позор, унижение? Это для него станет побольнее побоев. А для меня вполне достаточно такой мести. Пусть хоть немного побудет на моем месте, сволочь прокурорская, — с ненавистью и дрожью в голосе произнесла фурия и выжидающе посмотрела на подруг.

Молчавшая все это время Соня повернула пятки назад и стала отнекиваться:

— Мне завтра на соревнование в Балаково ехать, а потом, я в таких делах никогда не участвовала. — Но после третьей рюмки кагора в ее крови заиграли смелость, чувство солидарности и появилось стремление принять участие в экзекуции над негодяем.

— Вадим каждый выходной приходит на танцы. И сегодня он тоже там будет, — начала инструктировать подельниц Аникина. — Верка, ты скажешь Вадиму о том, что я с ним хочу поговорить. Он обязательно согласится — знает кошка, чье мясо съела. Поведешь его на встречу. А мы с

Соней будем вас ждать в углу парка, ну, знаешь место у дуба, где после танцев парочки вошкаются. Там еще лавочка синяя стоит. Знаешь?

— Знаю, знаю. Все понятно. А что потом?

— А потом — суп с котом. Ты что, глухая была? Я же уже все сказала, что будет потом, — недовольным голосом промолвила Галина, взяла из шкатулки моток голубой тесьмы и отрезала от него кусок. Потом сам моток, отрезок вместе с большой коркой арбуза и столовым ножом завернула в газету и положила в авоську.

— А корку-то зачем положила? — поинтересовалась Дылда.

— Потом узнаешь, — загадкой ответила Аникина. — Все, девочки, время уже семь, пошли!

— Что прямо сейчас, так сразу? — брякнула Соня.

— А тебе что, корыто с горячей водой еще нужно? Обойдется. Он в баню не ходил перед тем, как меня трахал, — сказала предводительница авантюристок.

— А нож зачем? — забеспокоилась Вера. — Ты что, ему член хочешь отрезать?

— Язык тебе, ворона! Не каркай. Не бойся, ничего я резать не собираюсь. Это так, на всякий случай.

...Все пошло как по маслу. Вадим оказался на танцплощадке. Вера подошла к нему:

— Вы Вадим?

— Да, а что?

— С вами Галя хочет поговорить?

— Какая Галя?

— Аникина?

— А, Аникина, это та, что наплела на меня в милиции? Что ей от меня нужно?

— Не знаю. Но она ждет вас сейчас в парке.

«Наверное, мало дали, шантажировать будет, еще денег требовать. Хрен ей в сумку, а не деньги», — подумал студент, а вслух произнес:

— Ладно, пошли!

Вера привела Арканова в угол парка к старому дубу, где их поджидали Галя с Соней.

«Куда это меня эта чувырла привела? И что-то больно много свидетелей для разговора?» — еще не чувствуя подвоха, подумал Арканов, хотел задать вопрос, но не успел открыть рот, как три девицы набросились на него, повалили на землю, сняли ботинки, стащили брюки, плавки и рубашку, которые забросили на дерево. Зачем они это сделали, девушки и позже не могли объяснить.

Вадим опешил от неожиданности, вначале начал было сопротивляться, но, увидев Дылду,

понял, что сопротивление бесполезно и с тремя разъяренными тигрицами ему не справиться. Он лишь успел прохрипеть: «Девочки, что вы делаете? Прекратите!» В ответ одна из нападавших заткнула ему рот носовым платком, пахнущим духами: «Чтобы не вякал, гнида прокурорская!» Потом Галина заломила назад руки, тесьмой связала их, перевернула жертву на спину и крикнула: «Сонька! А ну быстро раздевайся, снимай трусы и ложись на этого бугая!»

Дылда быстро выполнила приказание и разделась. При виде женских прелестей мужское естество парня непроизвольно напряглось и колом стало в исходную позицию. Галя быстрыми ловкими движениями тесьмой перевязала жертве мошонку, чтобы Вадим не смог «кончить», и чтобы его половой член не падал, а все время стоял, как часовой на посту.

Арканов сильно испугался, его трусливая душа ушла в пятки, а в голове роились мысли одна страшнее другой: «Что они хотят? Может, отрежут?.. А могут и прикончить!.. Что у этих стерв на уме?» Говорить он не мог, а только мычал и сучил ногами.

— Верка! Держи эту падаль за ноги, а ты, Сонька, начинай, — скомандовала Аникина и, обращаясь

к Вадиму, крикнула: — А ты, сволочь, лежи тихо и не дергайся, а то зарежу! — и показала парню столовый нож.

Того забила нервная дрожь, от испуга он начал плохо соображать, что происходит.

Дылда взгромоздилась на Вадиме в позе всадницы, сунула его член себе во влагалище и стала скакать, как на необъезженном жеребце. Получив оргазм, наездница уступила место Вере, а потом очередь дошла и до Гали.

Аникина пустилась с места в карьер и, закончив половой акт, со злостью бросила жертве в лицо:

— Ну как, хорошо тебе? Вот и мне так же было, когда ты, сволочь, со своими дружками меня трахал.

Вадим никакого удовольствия не испытывал, только страх, омерзение и ужасную боль в мошонке. Он уже давно превратился из мужчины в половую тряпку и лежал на земле, словно дохлый тюлень.

— Надо бы тебе член отрезать, морда прокурорская, да руки марать об тебя неохота. — Девица провела кончиком ножа по животу парня.

Вадим явственно почувствовал ужасную боль в паху, словно ему действительно отчекрыжили

мужское достоинство. Терпеть эти издевательства у него уже не было никаких сил, и он, дико мыча, стал извиваться на траве, словно придавленный вилами уж; глаза его налились кровью, голова дергалась, как у паралитика. Ему удалось перевернуться на живот.

— А ну, Дылда, раздвинь этой свинье ягодицы! — приказала Аникина.

— Зачем?

— Делай, что я говорю, оглобля хренова!

Баскетболистка развела две половинки ягодиц в стороны, а Аникина резким движением поглубже воткнула в задний проход парня большую арбузную корку.

От боли Вадим взвыл раненым волком. Этот мычащий вой жутким эхом отозвался где-то в глубине старого парка.

— Это тебе, гнида, добавка! Как аукнется, так и откликнется, — крикнула Галина. — Все, хватит, пошли, девчата.

Сколько же лютой ненависти накопилось в душе униженной женщины?! И как эта ненависть металась по закоулкам сознания и искала выход, чтобы вот так неожиданно, вся разом и в один момент выйти наружу?!

Девицы быстро смотали удочки, а голый Ва-

дим со связанными руками остался лежать под дубом на помятой траве. Развязать себе руки и одеться он не мог. Старый дуб удивленно разводил в стороны свои большие широкие ветви. Он за свой долгий век под своей зеленой кроной повидал немало чудес, бесчисленное количество человеческих комедий и трагедий, но такого представления ему еще лицезреть не приходилось.

Старый ворон, такой же старый, как и дуб, на котором он сидел, предсказывая кому-то скорую смерть, сердито прокаркал два раза: «Карр! Карр!» Клювом схватил плавки из яркой материи, тяжело поднялся в воздух и полетел неизвестно куда. И куда-то понес добычу... Нет, не в гнездо. Своего гнезда у него давно уже не было, и он не помнил, когда последний раз растил и кормил воронят. И плавки ему были абсолютно не нужны, а стащил он их по привычке и потому, что на них была пришита блестящая золотистая бляшка. Такую находку мудрый ворон упустить никак не мог.

Студент, очухавшись, с трудом встал на ноги и побрел домой. Дом, в котором он жил, находился недалеко, но нужно было в людном месте перейти дорогу. Там находился продовольственный магазин. И было еще совсем светло. Люди, выхо-

дившие из магазина, с удивлением наблюдали, как через дорогу переходит Аполлон со стоящим, не прикрытым даже фиговым листом прибором.

— Совсем эти нудисты обнаглели, по улицам, в чем мать родила, свободно ходят, — стала возмущаться женщина в шелковом голубом платье с сумкой продуктов.

— Это не нудист, а сектант, — возразил всезнающий мужчина в шляпе с портфелем. — У нас в городе обосновалась секта последователей индейского племени, в котором мужчины ходят голые с коническими чехлами на половых органах.

— А почему у этого член не прикрыт, а чехол из задницы торчит? — вступил в разговор парень в кепке, похожий на блатного.

— Наверное, мода поменялась, — доступно разъяснил эрудит в шляпе.

— И голубой бант на «этом месте» повязан, — заметила внимательная старушка в очках.

— Я же говорю: мода, — уточнила шляпа.

Вадим ногой забарабанил в дверь, она тут же открылась, и бедолага ввалился вовнутрь квартиры. В коридоре стоял отец с газетой в руке. Увидел сына в непотребном виде — грязного, со связанными руками, — не на шутку испугался и удивленно спросил:

— Это еще что за явление Христа народу? Вадик, что случилось? Что за вид?

— Папа, меня... изнасиловали, — дрожащим голосом ответил Вадим.

— Что ты мелешь? Кто изнасиловал?

— Аникина, стерва, из-за которой я чуть в тюрьму не сел.

— Бог шельму метит, а ей рано или поздно приходится перед ним отвечать за свои грехи...

— Отец, что ты ерничаешь, достал уже со своими дурацкими прибаутками. Мне же больно...

— А ей не больно было, когда ты бутылки и арбузные корки совал?..

— И она мне засунула. Чем болтать, лучше развяжи мне руки и вытащи корку, — просяще проныл блудный сынок и повернулся к родителю задом.

Петр Николаевич с еще большим удивлением увидел торчащую из задницы арбузную корку.

— Нагнись, чудо гороховое, — попросил прокурор и осторожно вытащил у отрока лишний в организме предмет, после чего развязал тому руки.

— А мать где? — спросил Вадим.

— К соседке ушла. Иди в ванную, сможешь сам обмыться, а я «скорую» вызову и позвоню Ивану

Ивановичу.

— Какая «скорая», батя? Ты что, с ума спятил? Позора не оберешься. А потом, не видишь, на мне побоев нет. Что мне лечить будут? Жопу? Так завтра я сам схожу к урологу.

— И скажешь, что ты гомосексуалист, а активный партнер перестарался? Так, что ли?

— Хватит! Хватит! Тебе бы так... Что-нибудь придумаю сказать, а в больницу не поеду.

— А что это, Вадик, за бант у тебя?

— Так лярвы перетянули... Горит все, помоги развязать.

Прокурор помог сыну снять с мошонки тесьму. Часовой моментально скукожился и ушел в резерв. Петр Николаевич, несмотря на протесты сына, обмыл его под душем и переодел в чистую одежду.

— Теперь спокойно, подробно расскажи, как все это было, — потребовал прокурор у сына.

Вадим, ничего не скрывая, в деталях рассказал отцу обо всех перипетиях этого вечера.

В это время от соседки вернулась Анастасия Михайловна. Увидев расстроенного сына, находящегося на грани нервного срыва, потребовала рассказать, что случилось. Вадима душили слезы, перехватывало горло, и Петр Николаевич сам в

общих чертах поведал супруге о случившемся.

С матерью произошла истерика, потом она схватилась за сердце, и пришлось домашним отпаивать Анастасию Михайловну успокоительными каплями.

Прокурор позвонил следователю Силкину:

— Ваня! Случилось ЧП. Срочно приезжай!

— Что-нибудь с Анастасией Михайловной?

— Нет, с Вадимом. Опять начудил. Вернее, с ним начудили.

— Загадками говоришь, Петр Николаевич. Сейчас приеду.

Через пятнадцать минут Иван Иванович уже звонил в дверь квартиры прокурора. Шефа он застал в расстроенных чувствах: видно было, что произошло что-то неординарное.

Вадим лежал на диване с сумрачным видом. Потерянный взгляд бесцельно блуждал по потолку. Хозяйка тоже лежала на кровати. Голова ее была обмотана мокрым полотенцем. В квартире резко пахло валерьянкой.

Прокурор провел гостя на кухню и рассказал ему о случившемся.

Статья Уголовного кодекса об изнасиловании карала за посягательство на половую неприкосновенность женщины.

В уголовном праве не было понятия половой неприкосновенности мужчины, а потому не было и статьи за изнасилование мужчины представительницами слабого пола, хотя такие случаи на практике встречались. Аналогия в советском уголовном праве тоже была исключена, а потому в случаях изнасилования мужиков бабами ответственность наступала за фактически совершенные действия — нанесение телесных повреждений, истязание, — если таковые были. А если таковых не было, как в нашем случае? Тогда юристы становились в тупик. Привлекать не за что! Вопрос о равенстве мужчины и женщины в праве на половую неприкосновенность даже не ставился. Ну нет этого в законе! А зачем говорить о том, чего нет? Переливать из пустого в порожнее? Выходит, что дерзкие преступления с исключительным цинизмом останутся безнаказанными? Что это — пробел в законе или тысячелетняя традиция сложившихся устоев права? Юристы нашли выход и, противореча самим себе, забыв о неприменении аналогии, решили, что насильниц нужно привлекать... за хулиганство.

Иван Иванович почесал затылок и предложил:

— Петр Николаевич, а может, не стоит шум

поднимать? Ну, мотив преступления я представлю как беспричинный, хулиганский. Но в суде обвиняемые заявят об истинном мотиве, судья заставит возобновить дело по изнасилованию Аникиной по вновь открывшимся обстоятельствам. Откроется, что дело спущено на тормозах. Мочало — начинай сначала. Мы сами себе выроем могилу.

— Судью я беру на себя, — вдруг решительно заявил прокурор, — а не давать ход новому делу я не могу. Насте уже все известно, и она это так не оставит, со света меня сживет. А рассказать ей об истинном положении дел и о том, почему девки изнасиловали Вадима, я не хочу. Это чревато непредсказуемыми последствиями для здоровья Насти. Отправлять ее на тот свет своими руками я не буду. Так что, Ваня, возбуждай новое дело, езжай на место происшествия. Вадим нарисует, где все произошло. Там и одежду его забери. А поганок — в камеру. Самосуд у нас еще пока не разрешен. Санкцию на арест даст мой заместитель. Мне, как отцу потерпевшего, нельзя участвовать в этом деле, а другого прокурора нам не пришлют.

Иван Иванович понял, что погружается в дерьмо все глубже и глубже. Он не оправдывал

действий Аникиной и ее подруг, но и сажать их в тюрьму было верхом цинизма и необъективности. Аникину изнасиловал Вадим со своими друзьями и никакой ответственности не понес. Униженная и оскорбленная женщина, не найдя защиты в органах правосудия, решается на отчаянный шаг и по-своему наказывает насильника, посягнувшего на ее честь и достоинство. Пусть и самым неожиданным, незаконным способом. Но на это имеются причины, которые никто во внимание не примет — ни суд, ни прокурор.

Он вновь должен злоупотребить служебным положением и вести однобокое следствие. Посадить на скамью подсудимых одного обвиняемого, а другой будет гулять на свободе.

Силкин высказал свои сомнения прокурору, но тот его как будто не слышал:

— Ваня, меньше рассуждай! Ты сказал «а»? Скажи и «б»! Возможно, что-то придумаем с условным осуждением, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

«Коготок увяз — всей птичке пропасть!» — уныло подумал Иван Иванович. Он не мог не выполнить желания прокурора. В этом случае ему потребовалось бы указать причины своих прежних действий под названием «преступное

злоупотребление», пахнущее тюремными нарами. А на них переселяться из уютного кабинета прокуратуры следователь пока не собирался.

Иван Иванович поторопился на место происшествия, так как начало смеркаться. Закончив осмотр и не найдя ничего, кроме одежды Вадима, следователь приехал на квартиру Аникиной.

Подруги в приподнятом настроении допивали кагор — обмывали дело, которое только что провернули. Силкин, не поздоровавшись, прошел на кухню и произнес:

— Ну что, девочки-подружки, натворили дел? Пять минут на сборы! Поехали!

— Куда? — робко поинтересовалась Вера.

— На кудыкину гору! В милицию, вот куда! — грубовато ответил Иван Иванович.

— А что мы там забыли? — спросила Дылда.

— Забыли, что за свои преступления нужно отвечать по закону, девочки-насильницы. Надо же было додуматься — мужика изнасиловать! А ну, мокрохвостки, собирайте манатки и быстро в машину, — приказал следователь.

На столе он увидел столовый нож с деревянной ручкой, который прихватил с собой.

— Похоже, Аникина, это ты организовала представление в городском парке. Я не оши-

баюсь? — задал работник прокуратуры вопрос хозяйке квартиры.

— Может быть, — обреченно ответила Галина.

Подруги нехотя поплелись к милицейскому «уазику» и по очереди залезли в него через заднюю дверь. Натужно взревел двигатель неновой машины, которая повезла всю великолепную троицу искательниц приключений прямиком на нары камеры предварительного заключения.

В этот раз неуклюжая машина следствия не тормозила, и через два месяца Аникина Галина, Гурина Вера и Маркина Соня предстали перед судом. Процесс в силу интимной специфики был закрытый. Потерпевший на суд приехал и с ненавистью смотрел на подруг. По идее, это он должен был находиться на месте подсудимых, но так уж распорядилась госпожа фортуна и так повернулось дышло закона, что обвиняемый превратился в пострадавшего. А потерпевшая сидела на скамье подсудимых и, нервно кусая потрескавшиеся губы, обреченно поглядывала на Вадима, на судью и прокурора. Неисповедимы пути Господни, и никто не знает, куда забредут заблудшие души людей в мирской суете.

На оглашение приговора разрешили зайти в зал родственникам и свидетелям. В мертвой

тишине, как гром среди ясного неба, прозвучал вердикт суда: «Аникина Галина, Гурина Вера и Маркина Соня признаны виновными в злостном хулиганстве, совершенном с исключительным цинизмом, по статье 206 ч. 2 УК РСФСР. Меру наказания назначить два года лишения свободы каждой. Гуриной и Маркиной наказание считать условным, а Аникиной — реальным, с отбытием наказания в колонии общего режима!»

— Доченька, родимая, за что? Ты же ни в чем не виновата, — раздался жалобный голос матери Гали. — Аты, подонок, еще ответишь, — обращаясь к Вадиму, крикнула Полина Сидоровна. — И все твои покровители ответят перед Богом и людьми!

Последние слова были адресованы следователю, прокурору и судье. Но это был глас вопиющего в пустыне. Голоса несчастной женщины никто не услышал. Или не хотел слышать.

Аникину Галину отправили по этапу в Челябинскую область, в женскую колонию, где она стала шить рукавицы и фуфайки. Арканов Вадим продолжил учебу в институте, который через год окончил с красным дипломом и по распределению был направлен следователем в прокуратуру Н-ского района Саратовской области.

Отличнику учебы предлагали остаться в аспирантуре, но Вадима не прельщала перспектива еще три года корпеть над учебниками и прозябать в общежитии на стипендию аспиранта. И все для того, чтобы потом всю жизнь читать лекции дремлющим студентам и влачить нищенское существование на зарплату преподавателя. Он решил, что красивой и сытой жизни скорее добьется на поприще следователя. В его умной голове уже созрел план, как это можно сделать.

Минуло два года. Вера Гурина училась в Саратовском педагогическом институте, а Маркина Соня собиралась поступать в физкультурный. Однако ей не повезло. На соревнованиях на первенство области Дылда получила серьезную травму ноги, и со спортом ей пришлось распрощаться. Соня устроилась на работу в Вольске продавцом в книжный магазин.

Вернулась из заключения Аникина Галина, но неожиданно для всех пропала. Как говорят, «ушла из дома и не вернулась». Ходили слухи, что к исчезновению девушки может быть причастен Арканов-младший. Но эти слухи так и остались ничем не подтвержденными догадками. Полина Сидоровна волчицей, у которой охотники унесли всех волчат, отвыла горе по пропавшей

единственной дочке, на том дело и закончилось. Милиция завела розыскное дело, но результатов никаких не добилась. Аникина как в воду канула. Ни следов, ни зацепок. А может, доблестные органы не очень-то и старались найти эти зацепки? Кто знает...

К прокурору Саратовской области государственному советнику юстиции 3-го класса Самодурову Павлу Игнатьевичу с утра пораньше неожиданно заявился начальник Управления внутренних дел генерал-майор Дынкин Виктор Николаевич.

Самодуров находился в хорошем расположении духа и встретил гостя приветливо и с шуткой:

— Зачем, генерал, пожаловал? Опять в городе маньяк объявился?

— Нет, Павел Игнатьевич, не маньяк, а скорее, оборотень, — загадкой ответил Дынкин.

— Ты мне ребусы не загадывай, Виктор Николаевич! Давай поконкретнее. — Прокурор области снял трубку телефона и вызвал к себе следователя по особо важным делам, советника юстиции Родионова Нила Марковича.

Через минуту в кабинет зашел и поздоровался солидный мужчина средних лет в сером костюме. Светлые волосы аккуратным пробором были зачесаны назад.

— Садись, Нил Маркович! Послушай нашу доблестную милицию, — кивнул прокурор на генерала.

— Нам поступило агентурное донесение о том, что в Н-ском районе орудует банда преступников, которой руководит работник прокуратуры, — выдал сногсшибательную новость начальник УВД.

— Не может быть! — побледнел прокурор. Эта новость ему была явна не по душе. — Не напутали чего твои агенты?

— Нет, Павел Игнатьевич, проверяли — все подтвердилось. В районе как из рога изобилия сыплется серия краж, которые остаются нераскрытыми. Кто-то в прокуратуре покрывает преступников и спускает дела на тормозах.

— Да-а-а... Дела! Там в прокуратуре два работника. Прокурор и следователь. Прокурор Анисимов бандами руководить не будет. Я его хорошо знаю. Мы с ним вместе Прагу освобождали в сорок пятом. Он еще там тяжелое ранение в ногу получил. Конечность Борису Ивановичу врачи сохранили, но одна нога после операции стала короче другой. Добрейшей души человек. Ответственный работник. А вот второй работник, следователь Арканов Вадим Петрович, молодой, да из ранних. Ни в чем плохом он замечен не был, по работе

претензий к нему тоже нет. Но вот чем-то он мне не понравился. Чем и сам не знаю. А с другой стороны, пошел по стопам отца, диплом с отличием. К тому же первое впечатление о человеке часто бывает ошибочным. На Арканова-младшего дело было по подозрению в изнасиловании. Дело, правда, прекращено, но дыма без огня не бывает. Через год его самого изнасиловала потерпевшая с двумя подругами. Ее осудили, а когда она вернулась из заключения, то неожиданно исчезла. Вадим тогда уже больше года работал следователем. В общем, запутанный клубок. Мы не хотели брать этого деятеля в прокуратуру, но меня лично просил об этом прокурор Вольска Арканов Петр Николаевич, с которым у меня хорошие отношения. Замечательный человек, классный работник. Фронтовик. Как я мог ему отказать? Пошел навстречу. А оно, видишь ли, как поворачивается. Вот вам и пироги с котятами.

— Да, Павел Игнатьевич, дело темное, долго теперь эту кашу придется расхлебывать, — заметил Дынкин.

— Как это Борис Иванович просмотрел? Не пойму. Ведь опытный прокурор. Нил Маркович, — обратился прокурор к следователю, — придется тебе заново расследовать все дела, касающиеся

Арканова, и распутывать этот змеиный клубок.

Молчавший до этого Родионов пригладил на голове волосы и ответил:

— Слушаюсь, Павел Игнатьевич. Только вот не знаю, с чего начать.

— А начни с самого начала. С дела об изнасиловании Аникиной. Чую я, что там не все чисто. Заодно проверь дело о хулиганстве волжских амазонок и особое внимание удели розыску Аникиной. Вполне вероятно, что мы найдем ее труп. Но и это в лучшем случае. Завтра же выезжай в Вольск и приступай к расследованию. Как? Не мне тебя учить. Ты на таких делах собаку съел. Удачи тебе, Нил Маркович. И держи меня в курсе всех событий.

Прокурор города Вольска Арканов и следователь Силкин встретили гостя из областной прокуратуры настороженно, а когда узнали, что интересует следователя по особо важным делам, то и вовсе сникли и повесили носы. Они раньше встречались с ним на совещаниях в областной прокуратуре и не понаслышке знали о незаурядных способностях Родионова.

Арканов и Силкин никак не ожидали такого развития событий и не могли даже предположить, что прокуратуру области заинтересует

какое-то дело об изнасиловании и она возобновит расследование. Работники местной прокуратуры прекрасно понимали, что ситуация грозит им большими неприятностями. Этот «важняк» такой дотошный, что до всего докопается, и никому мало не покажется.

Родионов прочитал материалы уголовного дела об изнасиловании Аникиной и, как опытный работник, сразу определил, что расследование проведено поверхностно и неполно, спущено на тормозах, а если говорить точнее, то просто сфальсифицировано.

Картина была представлена так, будто бы Аникина сама легла под Арканова. Соучастников преступления никто не устанавливал, хотя сделать это не составляло никакого труда. Биологическую экспертизу следователь не назначил, мужчину с собакой не установил, а нож, пустая бутылка из-под водки и арбузная корка в материалах дела вообще не упоминались, как будто их и в помине не было.

Нил Маркович перед появлением в прокуратуре не поленился зайти в милицию и побеседовать с дежурным Киреевым, который нарисовал ему со слов потерпевшей совсем другую картину.

Первое открытие потрясло областного следо-

вателя до глубины души, и он вызвал на допрос Силкина. Иван Иванович пришел бледный и растерянный, не зная, как объяснить свои действия.

— Иван Иванович, я ознакомился с делом Арканова, — начал беседу Родионов. — Вы умышленно похерили дело, злоупотребили своим служебным положением. Вы хоть понимаете, что натворили? Вы скрыли преступление и помогли преступнику уйти от ответственности. Вместо объективного расследования сплошная галиматья, подлоги, искажение показаний. Я еще как-то могу понять Петра Николаевича. Как-никак речь шла о судьбе сына. Но вы же следователь, должностное лицо! Зачем все это нужно было делать? За свои художества вам придется ответить по всей строгости закона.

Иван Иванович сидел, опустив голову, понимая, что его карьере пришел конец. Возразить ему было нечего, логично объяснить свои незаконные действия, а также бездействие следователь местной прокуратуры не мог.

— Я возбуждаю против вас, гражданин Силкин, уголовное дело. Будьте добры дать объяснения по поводу всех ваших вывертов. Где первоначальные показания Аникиной? Где протокол ее допроса? Вы его подменили? Не так ли?

— Да, — последовал унылый ответ следователя, в одночасье волей судьбы превратившегося в подследственного, который понял, что деваться ему некуда и лучше во всем сознаться. — Но протокол я не уничтожил, он в сейфе лежит с черновыми бумагами.

— Протокол дайте немедленно сюда!

Силкин достал из сейфа папку, порылся в ней и протянул Родионову требуемый документ.

— Почему не назначили биологическую экспертизу? У вас же были образцы мазков и конкретные подозреваемые?

— И так ясно — почему, что говорить. Не знаю.

— И сообщники на свободе гуляют, и владелец собаки не допрошен, и ножа как будто не было вовсе — все по той же причине?

— Да, так! Я понимаю, что виноват, и готов нести наказание.

— Да придется! Я избираю вам, гражданин Силкин, меру пресечения — арест, он будет санкционирован прокурором области, а в течение десяти дней вам будет предъявлено обвинение.

Установить сообщников Арканова не составило особого труда и не потребовало много времени. Эта компания в полном составе раньше всегда околачивалась на танцах. Видели четверку пар-

ней и в других местах. Ими оказались Зеленкин Валерий по кличке Зеленый, Митрохин Алексей по прозвищу Мудя и Вилкин Сергей по кличке Серый. Три с лишним года назад на момент совершения преступления вся троица училась в профессионально-техническом училище города Вольска, в то время как их предводитель Аркан постигал тонкости юриспруденции в Саратовском юридическом институте.

Родионов выяснил, что Зеленкин, Митрохин и Вилкин около года назад выехали за пределы Вольска, и не куда-нибудь, а в Н-ский район, где уже в качестве следователя прокуратуры работал их «пахан» Арканов Вадим Петрович. Это обстоятельство насторожило Родионова.

«Одна шайка-лейка, — раздумывал следователь. — Если Арканов — руководитель банды, то со стороны людей он брать не будет. Надежнее использовать старые проверенные кадры, каковыми являются Зеленый, Мудя и Серый. Арканов скоро узнает об аресте следователя Силкина и о том, что возобновлено дело об изнасиловании. В этом случае он будет договариваться с подель-щиками, как себя вести на следствии и какие давать показания, и не исключено — кошка почует, чье мясо съела, и смотает удочки со всеми своими

котятами. Ищи тогда ветра в поле. А поэтому надо немедленно взять под стражу всю четверку по делу об изнасиловании. Благо доказательств полно. А там доберемся и до других грехов».

Нил Маркович незамедлительно взял в милиции автозак и вместе с группой оперативников выехал в Н-ский район, где задержал всех четверых насильников во главе с Аркановым Вадимом, которых доставил в Вольск для производства следственных действий по делу об изнасиловании.

Для Вадима и его друзей это было большой неожиданностью, так как они под прикрытием босса чувствовали себя безнаказанными, а про дело трехлетней давности давно забыли, считая его похеренным навсегда. Но они глубоко заблуждались.

Сидя на нарах отдельно от приятелей, Вадим размышлял о перипетиях судьбы, о том, почему так хорошо начавшая складываться жизнь вдруг в один момент полетела под откос. Арканов был неглупым молодым человеком, но считал себя пупом земли, любил только себя, полагая, что другие — это мелкие людишки, которые должны работать на него. Ему было мало своей должности, не хватало своей зарплаты. Он полагал, что

его предназначение в другом. Он умнее других, а значит, и способен на большее, что другим не под силу. Однако в сложившейся ситуации Вадим понял, что лучше все-таки изнасилование признать. Пусть Родионов быстрей заканчивает с этим делом и передает его в суд. А начнет копать дальше — можно и под вышку залететь! «Из двух зол выбирают меньшее», — трезво рассудил сын прокурора, придя к мнению, что от «групповухи» ему не отвертеться. Поэтому он написал записку Зеленкину: «Зеленый! Всем идти в сознанку по Аникиной. В остальном «лепить горбатого». Вякнете — урою! Передай дальше. Аркан». Записка была перехвачена надзирателем и передана Родионову.

Нил Маркович, не откладывая дела в долгий ящик, поехал в городской морг к судебно-медицинскому эксперту Рудаку Павлу Николаевичу. Под тяжелыми сводами мрачного подземелья находились морозильные камеры с десятками тел усопших: умерших своей смертью, раздавленных колесами автомобиля или погибших от пули жестокого убийцы. Все «жмурики» — и взрослые, и дети, и женщины, и мужчины — были на равных в этом царстве мертвых. Посередине помещения стоял большой гладкий мраморный стол с под-

веденными к середине двумя кранами с горячей и холодной водой. Внизу по цементному полу проходили наклонные желоба для стока крови и воды, которые мутными потоками устремлялись вниз, в канализацию.

В углу помещения стояло несколько гробов разных размеров. Они были привезены сюда родственниками, чтобы после вскрытия забрать своих родных и близких для перевозки на кладбище. Вверху под потолком мерцали яркие люминесцентные лампы, вызывая раздражение присутствующих. В холодном воздухе стоял приторно-сладковатый запах мертвечины, крови и гнили.

По мрачному каменному гроту, как привидение, разгуливал мужчина в резиновом фартуке мясника, у которого не хватало в руках большого топора или хотя бы длинного столового ножа.

Посетитель подошел к хозяину подземелья и представился:

— Я — следователь по особо важным делам прокуратуры Саратовской области Родионов Нил Маркович, а вы, как полагаю, судебно-медицинский эксперт Рудак Павел Николаевич?

— Вы не ошиблись, товарищ, — дыхнул свежим запахом спирта потрошитель трупов, — извини-

те, после очередного вскрытия немного принял на грудь. Чем могу быть вам полезен?

— Вы не помните дело об изнасиловании Аникиной Галины? Года три назад это было, а вы еще выезжали на место происшествия.

— Помню, конечно! Пойдемте, Нил Маркович, наверх, в мой кабинет, а то тут холодно.

Об ужасных запахах медик даже и не вспомнил: То ли он принюхался и привык, то ли принятый вовнутрь спирт начисто отбивал всякие посторонние запахи.

— Да, было такое дело. Потом его закрыли непонятно почему, — войдя в свой кабинет, сообщил эксперт.

— А не знаете, почему не проводилась биологическая экспертиза?

— Так от следователя постановление было только о назначении медицинской экспертизы по определению тяжести телесных повреждений. А биологическая экспертиза не назначалась, тоже не знаю почему. Но я на всякий пожарный случай ватные тампоны с мазками потерпевшей высушил и поместил в морозильную камеру. Образцы и сейчас находятся в целости и сохранности.

— Какой вы молодец, Павел Николаевич! Я на это и рассчитывал. Вот постановление о на-

значении биологической экспертизы и образцы спермы четырех человек. Постарайтесь поскорей дать заключение.

— Конечно, непременно сделаю, через недельку позвоните или оставьте свой телефон.

— Не через недельку, дорогой доктор, а как можно раньше. Дело очень серьезное, заволокиченное, а сейчас открылись новые обстоятельства, — просяще произнес следователь.

— Хорошо! Завтра же возьмусь за работу. Я, простите, на все руки от скуки. Специалистов в Саратове не хватает, поэтому я и химию и биологию на себя взял. На курсах подучился. Только за скорость... — замялся эксперт, — как бы это сказать... магарыч с вас, Нил Маркович!

— Как? — удивился следователь. — И с областной прокуратуры магарыч берете? Ну да ладно! Будет вам магарыч, — скрепя сердце, пошел против своих принципов «важняк».

— Я пошутил, — сделал ход назад специалист широкого профиля, но тут же понял, что может не увидеть, как своих ушей, заветную бутылку, и тихо добавил: — Но в каждой шутке есть доля правды.

— Усек и целое, и долю! Только ускорьте работу и дайте качественное заключение.

— Обижаете, Нил Маркович, к Рудаку еще никто и никогда претензий не имел.

Павел Николаевич не преувеличивал своих способностей. Он был специалистом высокого класса, но имел один недостаток — любил выпить, а спирта, положенного за вскрытие «жмуриков», всегда не хватало. Так ведь этот недостаток свойствен почти всем представителям судебной медицины.

Теперь необходимо было найти мужчину с собакой. «Если дать задание милиции, — подумал следователь, — то скорей всего через месяц получу отписку, что принятыми мерами розыска установить свидетеля не представилось возможным». Поэтому Нил Маркович решил взять ноги в руки и сходить к домам за пустырем, побеседовать с жителями. Вездесущие бабульки, сидящие на скамейках, лузгали семечки и перемалывали косточки всем подряд. Они знали по именам не только владельцев домашних животных, но хорошо помнили и клички всех кошек и собак, появляющихся во дворе.

Родионов по-свойски подсел к старушкам на лавочку, поговорил с ними о пенсиях и лекарствах, а потом как бы невзначай спросил:

— А вы случайно не знаете мужчину, у которого

собака овчарка?

— Как же не знаем, — откликнулась пожилая женщина в очках, — знаем. В 32-й квартире живет учитель Дмитрий Петрович. У него большая черная овчарка Рекс. Собаку бандюки чуть не убили. Но это давно было.

— Он-то мне и нужен.

— А ты сам, милок, откель будешь? И зачем тебе учитель понадобился? — поинтересовалась бабушка в светлом платочке.

— Собачек я развожу. Хочу свою овчарку Бирму на случку к Рексу привести, — нашел подходящий ответ работник прокуратуры.

— Жених наш видный из себя, и щенки хорошие будут, — встряла в разговор третья сплетница, которая аккуратно сплюнула шелуху от семечек в бумажный кулечек. — Приводи свою собачку, приводи...

— А не знаете, Дмитрий Петрович дома? — спросил собачник.

— Дома, дома! Недавно с работы пришел, — последовал ответ пенсионерок.

Нил Маркович поднялся на третий этаж «хрущевки» и позвонил в 32-ю квартиру. Двери открыл симпатичный молодой мужчина лет тридцати в спортивном костюме. Позади него су-

етилась овчарка, которая для порядка несколько раз гавкнула на незнакомца, а потом убежала в зал и притащила в зубах комнатную тапочку.

— Вы Дмитрий Петрович? — уточнил посетитель.

— Да, Мордвинцев Дмитрий Петрович, — последовал ответ.

— А я следователь прокуратуры Родионов Нил Маркович, — представился гость. Легенда о случке собак годилась только для бабушек и здесь была неуместной.

— Я по поводу случая на пустыре. Вы были свидетелем изнасилования, и там ранили вашу собаку...

— Да, помню, помню. Больше трех лет прошло. Чего это вдруг за старое взялись? Проходите в зал, присаживайтесь на диван.

Рекс к тому времени притащил вторую тапку, и гостю ничего не оставалось, как разуться, надеть тапочки и пройти в комнату.

— Расскажите, как было дело, — спросил следователь, доставая из папки бланк протокола допроса.

— Поздно вечером я гулял с собакой на пустыре, — начал давать показания очевидец. — Вдруг слышу пронзительный женский крик и какую-то

возню. Вижу группу ребят, которые глумятся над девушкой. В руках у одного из них я увидел нож. Я понял, что надо что-то делать. Крикнул: «Вы что делаете?! Прекратите немедленно!» Насильники засмеялись и с угрозой послали меня по матушке. Тогда я спустил с поводка Рекса, который громко лаял и рвался из рук. Собака кинулась на негодяев, но один из них ударил Рекса ножом, после чего вместе со своими товарищами побежал в сторону хлебозавода. Я помог девушке подняться с земли и предложил ей помощь. Сказал, что доведу до милиции. Но девушка отказалась. Заявила, что сама дойдет. Я взял Рекса на руки — бок у него был в крови — и отнес домой, где наложил повязку на рану.

— А почему же вы не сходили в милицию? — спросил следователь. — Вы должны были осознавать, что вас ищут как единственного свидетеля.

— Вначале не хотел связываться. Думал, затаскают по судам. А потом совесть замучила. Прошло уже довольно много времени. Я пошел в прокуратуру и сказал следователю, что видел на пустыре, как насиловали девушку. Следователь Силкин посмотрел на меня как на прокаженного, но записал мои данные, допрашивать не стал и сказал: «Идите гражданин! Когда нужно будет,

я вас вызову!» Но никто меня так и не вызвал. Я сам удивлялся, почему меня не допросили. Но посчитал, что органам виднее, — значит, отпала необходимость.

— А что было с собакой?

— А что с собакой? На следующий день я отнес Рекса к ветеринару. Он зашил ему бок. На Рексе все и зажило. К счастью, рана оказалась неглубокой.

— Вы видели преступников в лицо? Сможете их опознать?

— Одного смогу, того, который с ножом был. Я на него все внимание обратил и морду его хорошо запомнил. А вот остальных видел мельком. Опознать вряд ли смогу.

Нил Маркович оформил протокол допроса. По его просьбе свидетель нарисовал схему места происшествия.

— Спасибо, Дмитрий Петрович, завтра прошу вас явиться в прокуратуру на опознание, — сказал следователь и пошел к выходу.

На прощанье он почесал собаку за ушами и погладил по спине. В знак благодарности за ласку Рекс один раз гавкнул, взял в зубы одну тапку и потащил ее на кухню.

Назавтра свидетель Мордвинцев опознал

Арканова Вадима, а еще через день позвонил судебно-медицинский эксперт Рудак и сообщил, что заключение биологической экспертизы по сперме положительное. Свидетельница Вера Гурина также узнала не только Арканова, но и Зеленкина. К тому времени все подозреваемые уже дали признательные показания, а прокурор области Самодуров санкционировал арест двоих следователей и троих соучастников. Ставя печати, Павел Игнатьевич бурчал:

— Нил Маркович, тут не один оборотень, а целая стая, всыплет мне Москва на орехи, прославились на весь Союз. Но с другой стороны, нужно от этой нечисти избавляться. Выжигать будем каленым железом. Работай дальше. А что с районным прокурором?

— Прямых улик причастности его к укрывательству пока нет. Но без него Силкин ничего бы не смог сделать. Да и прокурор в первую очередь был заинтересован в закрытии дела. Доказательства скоро будут, Павел Игнатьевич. Но привлекать Петра Николаевича к уголовной ответственности считаю нецелесообразным. Я беру во внимание мотивы, личность прокурора и его роль в укрывательстве. Но освобождать Арканова с должности районного прокурора придется.

— Я тоже так думаю, Нил Маркович. Продолжай расследование, активизируй розыск пропавшей девушки. Мне кажется, что мы можем выйти на убийство.

Родионов, листая уголовное дело о хулиганстве Вольских амазонок с эротическим уклоном, обратил внимание на один абзац в показаниях Сони Маркиной: «Когда мы уходили, Арканов Вадим выплюнул платок и крикнул в адрес Галины: «Тебе это так не сойдет! Урою на этом самом месте!»

Неожиданно в голове молнией мелькнула мысль: «А что, если?.. Что, если эти слова понимать в буквальном смысле? И Арканов выполнил свою угрозу? От него всего можно ожидать. Тогда тело Аникиной нужно искать в углу парка около старого дуба, где девицы надругались над мужчиной.

Нил Маркович решил поговорить с матерью пропавшей девушки. Убитая горем Полина Сидоровна, нервно теребя конец клеенки, которой был застелен стол, сообщила следователю следующее:

— Уже месяц прошел, как Галочка ушла из дома и не вернулась. Я места себе не нахожу. В тот вечер она куда-то собиралась, надела новое платье, крутилась у зеркала, прихорашивалась. Я

не выдержала и спросила: «Доча, куда это ты? Не на свидание?» Галя весело посмотрела на меня и ответила: «Я уже взрослая и тебе докладывать не обязана». Потом поцеловала меня и убежала. Больше ее не видела. Все слезы выплакала. Найдите ее, мою кровиночку, товарищ следователь, живую или мертвую. Хоть на могилку сходить». — Материнское сердце не выдержало, и Полина Сидоровна разрыдалась.

— Успокойтесь, вот попейте водички, — протянул Родионов несчастной женщине стакан с водой. — Я обещаю сделать все, что возможно. Галя не могла куда-то уехать?

— Нет. Родственников у нас нет. Куда она поедет? И не собиралась она вовсе никуда уезжать.

— А к кому же она могла на свидание пойти? С кем ваша дочь дружила? Из парней — я имею в виду.

— С кем дружила? Да ни с кем. Она же совсем недавно из заключения вернулась. Вы, наверное, об этом знаете. В школе она дружила с мальчиком Витей Рассказовым, с которым училась в одном классе. В десятом классе у них даже любовь была, но такая несерьезная, детская. Однако после школы пути Гали и Вити разошлись. Витька нашел себе другую — Тоньку Малинину, а когда Галя

была в колонии, женился. Дочка переживала — по-моему, она действительно любила Витю, но тот оказался вертихвостом. А потом у Галки все перегорело, так часто у молодых бывает. Вначале любовь до гроба, а потом раз-два и разбежались.

— Но первая любовь не забывается и часто возвращается, — возразил следователь. — Не возобновили ли Галя и Виктор отношения?

— Нет! Что вы. Я бы знала. Дочь от меня ничего не скрывала. В последний раз только почему-то не сказала, куда идет. А потом, у Витьки семья, ребенок, Галку он бросил по своей воле. Зачем ему, как вы говорите, «возобновлять»?

— А что вы можете сказать об изнасиловании вашей дочери?

— Что сказать? Темное это дело. Похоже, прикрыли его. Там сынок прокурора замешан был, вот и не дали ходу. А Галка по своей глупости отомстила насильнику. Да еще подруг втянула в эту историю. Я дочку не оправдываю. Упаси господи! Но должна же быть и справедливость, наверное. Бандит на воле гуляет, а дочь в тюрьме отсидела, а сейчас, возможно, ее и в живых-то нет, — опять навзрыд заплакала мать.

— Бандит на воле уже не гуляет, Полина Сидоровна. Дело по изнасилованию вашей дочери

возобновлено. Арканов Вадим арестован вместе с сообщниками, которые глумились над вашей дочерью. Дело будет передано в суд, и негодяи получат по заслугам.

— Есть все-таки Бог! Услышал мои молитвы. Так им и надо. Спасибо вам. Я ждала этого часа, а поэтому скажу вам то, что никому еще не говорила. — Хозяйка на минуту задумалась, а потом решительно подошла к висевшей на стене картине, вытащила оттуда сверток и протянула его следователю.

— Что это? — удивился Родионов.

— Деньги, большие деньги...

— Поясните подробнее, что за деньги, откуда?

— Когда прокуратура завела дело по насилию, а потом его закрыла, кто-то положил под дверь нашей квартиры этот сверток. Там пять тысяч. Я думаю, что это дело рук прокурора, который замял дело и таким путем решил спасти сынка и откупиться перед нами. Мне эти вонючие деньги не нужны, заберите их и делайте с ними все, что хотите.

«Вот и доказательство вины прокурора района Арканова Петра Николаевича. Дачу продал, а деньги всучил потерпевшим с целью спасти сына от уголовной ответственности. Надо будет уста-

новить, кому прокурор продал дачу и допросить продавца».

Родионов оформил добровольную выдачу денег и копию протокола оставил Аникиной, после чего поехал в прокуратуру.

Следователь нашел покупателя прокурорской дачи. Им оказался некий Митрофанов, который удивился, что ему спустя три года предъявили пачку сторублевых купюр, которыми он расплатился с хозяином дачи. Но еще больше покупатель удивился тому, что на купюрах были обнаружены многочисленные отпечатки его пальцев. Не зря, наверное, он пересчитывал денежки несколько раз. Номера купюр не переписывал — зачем? Но зато хорошо запомнил, что на одной из сторублевых банкнот красным карандашом кто-то написал «Миша», а уголок другой был надорван. Круг замкнулся.

На следующий день Родионов вызвал из милиции кинолога Мишу со служебно-розыскной овчаркой Миррой. Собаки могут не только идти по следу преступника, но и по запаху находить зарытые в земле трупы. Пригласил двоих рабочих кладбища в качестве понятых и велел им взять лопаты и рукавицы. Предусмотрительно в отделе игрушек местного универмага купил две

деревянные детские лопатки. Начальник милиции для оказания помощи следователю выделил оперативного сотрудника Васькина Василия.

Три года назад из милиции за стрельбу в кабинете его не выгнали, пожалели. Приняли во внимание, что опер задержал опасного преступника, при этом рисковал жизнью. За это время Васькин повзрослел, разбирать и чистить оружие в присутствии людей больше не стал, и даже получил по одной звездочке на погоны — стал старшим лейтенантом. Но детства и дури у него не убавилось. Молодой сыщик любил разыгрывать коллег, при этом розыгрыши его были довольно глупыми и на грани фола.

Так, фокусник однажды поздно вечером зашел в гости к капитану Семенову Николаю. В этот день в отделе проводился смотр, а потому оперативники были одеты по форме. Друзья, находившиеся в легком подпитии, разделись и повесили шинели на вешалку. Василий незаметно сунул в боковой карман шинели хозяина распечатанную пачку презервативов. После этого прошли на кухню. Жена капитана Мария встретила приятелей не очень гостеприимно, насупилась, буркнула «здрасте» и ушла в комнату.

Вася достал из кармана бутылку водки. Хозяин

пошуровал в холодильнике, но кроме банки килек, плавленого сырка и нескольких не совсем свежих яиц ничего не нашел. Хлеб, правда, хоть и черствый, нашелся. А что еще надо? Не ресторан же! Через пять минут на плите уже жарилась яичница, слегка приванивая сероводородом, а из железной банки аппетитно выглядывали хвосты килек.

Только успели выпить по рюмке и потянулись вилками за килькой, как на кухню влетела разъяренная, как тигрица, супруга капитана и с воплем «Это что такое?» стала махать перед носом мужа развернутым презервативом.

Как известно, почти все жены любят проверять карманы мужей, особенно когда те приходят с работы поздно, да еще подшофе. Мария не была исключением, полезла в карман шинели Николая и вместо мятых трешек вытащила резиновое изделие.

Семенов слегка оторопел, непонимающе хлопал ресницами и разводил руками. В одной руке была пустая рюмка, а в другой вилка с нанизанной тощей килькой.

Гость ехидно посмеивался и как ни в чем не бывало уминал протухшие яйца, ибо водка отбила неприятный запах серы.

— Что это? — повторила вопрос разгневанная супруга, суя резиновый предмет чуть ли не в рот муженьку.

Николай закусывать кондомом никакого желания не имел, а потому, заикаясь, ответил:

— Что, что? Не видишь — гондон! А где ты его взяла?

— У тебя в кармане? Пачка распечатана! Один уже использовал, подлец! Говори, с кем? — При этом Мария схватила со стены дуршлаг и огрела Николая по спине.

Видя, что назревает нешуточный скандал, Василий от греха подальше ужом выскользнул в прихожую, намереваясь вовремя смыться, но его остановил грозный окрик капитана, знавшего о подлых подставах коллеги:

— Твоя работа, мерзавец? Куда намылился, а ну иди сюда!

Васькин, скромно потупив невинный взгляд, вернулся на кухню и потянулся за налитой рюмкой.

Капитан хлопнул его по руке:

— Свое выпил, Вася! Признавайся и колись. На кой хрен подложил мне гондон?

Чтобы сохранить семейное благополучие, Васькин благородно признался в содеянном.

Мария рассмотрела резинотехническое изделие, а потом спросила:

— А что это за отростки, как у таракана?

— Так это же «усики», презерватив французский с «усиками», — пояснил виновник переполоха. Ему, похоже, было не до смеха.

Кроме Васькина, кинолога и понятых Родионов взял с собой судебно-медицинского эксперта Рудака Павла Николаевича и фотографа Пискуна Дмитрия Ивановича. Эта большая компания специалистов во главе со следователем областной прокуратуры на двух автомашинах прибыла на место происшествия.

Нил Маркович не был уверен на сто процентов в успехе задуманной им операции, но версию о том, что труп Аникиной может быть закопан в городском парке, в любом случае необходимо было проверить. Внутреннее чутье подсказывало Родионову, что он на правильном пути.

В углу парка первая роль была уготована овчарке, однако Мирра повела себя довольно странно. Первым делом она подняла под дубом левую ногу и справила собачью нужду, потом обнюхала ботинки эксперта, взяла его след и сломя голову бросилась по тропинке. Но опытный кинолог Миша остановил ее: «Фу, Мирра! Труп ищи! Труп!»

Овчарка вместе с хозяином недавно была на собачьих курсах по повышению квалификации в городе Саратове, а потому поняла команду собаковода.

Она опустила нос к земле и стала медленно ходить по кругу, временами останавливаясь и недовольно фыркая. И вдруг Мирра залаяла и стала неистово работать передними лапами, загребая землю.

Миша оттащил собаку в сторону, а присутствующие подошли к этому месту. Родионов велел рабочим начать раскопки и вручил им деревянные лопатки, так как железные лопаты не годились. Ими можно было повредить то, что искали. Грунт в этом месте оказался мягкий, как на недавно вскопанном огороде.

Рабочие осторожно, как археологи на раскопках древних руин, стали работать инструментами и вскоре на небольшой глубине обнаружили труп, засунутый в мешок.

— Е-мое... Ешкин кот, — удивленно произнес Васькин.

Видавшие виды могильщики и патологоанатом оставались невозмутимыми, а следователь с мрачным видом дал команду Ру-даку:

— Павел Николаевич, осмотрите труп.

Через несколько минут судебно-медицинский эксперт выдал предварительное заключение:

— Труп женщины лет двадцати. На голове рубленая рана с повреждением свода черепа. Смерть наступила около месяца назад. В кармане платья обнаружена записка.

Нил Маркович пинцетом взял записку, мельком глянул на нее. На его непроницаемом лице вдруг обозначилось неподдельное удивление.

Следователя удивило то, что письмо было напечатано на машинке, но еще больше потрясло его содержание: «Галчонок! Приходи сегодня в парк, где дуб и синяя скамейка. Надо поговорить. Витя». Родионов осторожно положил послание в бумажный конверт.

— Загадки будем отгадывать потом, а сейчас надо найти орудие убийства, — изрек вслух сыщик свои мысли.

— Убитая похожа на Аникину Галину, — вдруг заявил оперативник Васькин.

— То, что это будет именно она, я предполагал давно, но окончательные выводы будем делать после опознания трупа родственниками, — ответил Родионов.

К осмотру с самого начала подключился фотограф Пискун, который беспрестанно щелкал

спусковым механизмом и предпочитал никаких предположений не делать.

— Всем осмотреть местность. Ищите орудие убийства, — приказал следователь.

— А может, убийца топор с собой унес? — высказал предположение оперативник.

— Нет, старлей, скорее всего это был не топор, а лопата, которую злоумышленник после содеянного вряд ли понесет с собой. Вполне возможно, что он где-то ее спрятал.

Тщательные поиски успехом не увенчались. Ни топора, ни лопаты, ни другого острого предмета найти не удалось, хотя бригада прочесала все кустики и полянки. Помощь пришла от Мирры. Собака не поленилась и залезла в самую гущу сиреневого куста, откуда послышался ее громкий призывный лай.

— А ну посмотри, Миша, что она там нашла, — попросил следователь кинолога.

Собаковод пробрался в глубину куста и через несколько минут вытащил оттуда лопату:

— Смотрите, смотрите, что она нашла!

Следователь с помощью лупы осмотрел плоский железный клинок, на котором обнаружил два волоска. Следов крови видно не было. Возможно, что ее смыл дождь. Так же, как и отпечатки

пальцев на черенке.

Гробокопатели зарыли могилу и по привычке стали требовать у следователя «магарыч» — бутылку водки.

«Так у меня и зарплаты не хватит, эксперту — коньяк, рабочим — водка, собака колбасы попросит», — уныло подумал Родионов, но нашел выход:

— Магарыч у Павла Николаевича просите, — кивнул он на Рудака. — Он вам спиртику плеснет, только помогите труп в морг перевезти.

— Это мы мигом, нам не привыкать, — обрадовались могильщики и направились к эксперту, который никак не ожидал такого развития событий.

— Карр, карр, — раздался противный скрипящий звук с высоты дуба. Старый ворон мог поведать людям много интересного о том, что произошло в роковой вечер, если бы умел говорить. Но природа не наделила его речью, а потому людям самим придется по крупицам восстанавливать моменты страшного события, которое произошло месяц назад в душный летний вечер под кроной старого дерева.

Труп Аникиной Галины был опознан матерью, сожителем Федором и подругами Верой и Соней.

Спустя две недели, проведя необходимые следственные действия, Родионов вызвал на допрос подозреваемого Арканова:

— Ну что, Вадим Петрович? Должен вам сообщить неприятную новость. В городском парке обнаружен труп Аникиной Галины...

— Ну и что? А я здесь при чем? Я-то ее не убивал! — перебил бывший следователь следователя по особо важным делам при исполнении.

— Подождите, не перебивайте! Убийство совершили вы, Вадим Петрович, и у меня есть неопровержимые доказательства.

— Интересно послушать, — нагло ухмыльнувшись и вальяжно закинув ногу на ногу, проговорил подследственный. По всему было видно, что он не намерен признавать вину в тяжком преступлении и будет всячески пытаться уйти от ответственности.

Но следователь по особо важным делам был не лыком шит, пришел на допрос во всеоружии с твердым намерением изобличить злодея-перевертыша.

— В кармане платья убитой обнаружена записка весьма странного содержания: «Галчонок! Приходи сегодня в парк, где дуб и синяя скамейка. Надо поговорить. Витя». Вы давно вынашивали

мысль отомстить Аникиной и лишить ее жизни. С вашим гонором и амбициями эту экзекуцию вы решили провести именно в том месте, где она с подругами два года назад надругалась над вами. Можно было, конечно, подкараулить девушку где-нибудь в темном месте, но вы же не зря обещали ей: «Урою на этом самом месте!» И эта мысль вела вас только в парк под старый дуб.

Но как заманить Галину в ловушку? На свидание к вам она ни за что не пойдет. И тогда вам пришла в голову мысль — выманить жертву из дома, написав письмо от близкого ей человека. А кто этот близкий человек? Вам, как следователю, не составило большого труда установить, что в школе у Гали был роман с одноклассником Виктором Рассказовым. Вот от его имени вы и решили написать Гале записку. Вы прекрасно понимали, что первые чувства незабываемы и никакая женщина не может не откликнуться на зов любимого человека. Это выше ее сил и разума. В школе мы все писали записки любимым девушкам. Галя не была исключением и часто получала любовные записочки от Виктора. Но ведь она хорошо знает его почерк. Писать записку от руки не было смысла, можно попасть впросак, и тогда вся затея рухнет, как карточный домик.

Тогда вы додумались до того, что решили напечатать записку на машинке. И чтобы у адресата не возникло по этому поводу ни малейших подозрений, вам потребовалось установить, как Виктор называл Галину. Это тоже не так трудно было узнать у учителей и подруг. И вы узнали — «Галчонок»! Так Виктор называл Аникину и так начинал свои записки.

Кроме того, вы преследовали и другую цель. Если найдут записку, то следствие пойдет по ложному пути. Подозрение падет на Рассказова Виктора.

— Так, может, этот Виктор действительно записку писал, выманил Аникину и убил ее, — возразил Арканов.

— А зачем ему убивать Галину?

— На почве ревности.

— Эта версия не проходит. К кому Виктору ревновать Галю? К вам, что ли? С какого бока? Виктор сам порвал с Галей, завел семью, знал, что Галя недавно вышла из колонии и ни с кем из парней не дружила. Зачем ему вызывать Галю на свидание и убивать ее?

— А мне зачем? — упрямился Арканов.

— А вам затем! Затем, что вы затаили дикую злобу, и не в ваших правилах прощать смертель-

ную обиду и отказываться от своих намерений «урыть» обидчицу. И с печатным текстом вы просчитались. Он сыграл против вас. Рассказов категорически отрицает факт передачи какой-либо записки однокласснице Аникиной. Возник закономерный вопрос: «А кем и где она напечатана?» Записка напечатана на машинке Вольской прокуратуры. Вот, посмотрите, в письме западает буква «к». Такой же дефект имеется в пишущей машинке. А вот заключение экспертизы по этому поводу. Кроме того, бумага, на которой напечатано послание, точно такая же, как в пачках у машинистки. Этот факт тоже отмечен экспертами. А Рассказов никакого отношения к прокуратуре не имеет, в то время как машинистка Миркина Марина показала о том, что месяц тому назад вы заходили в прокуратуру, просили у нее лист бумаги и печатали на машинке.

— Я печатал не записку, а список необходимой мне юридической литературы, которую хотел заказать отцу.

— И сколько книг?

— Ну... Десять или восемь, — замялся Вадим. Было ясно, что он лжет.

— Вы печатали не более двух минут. Вы ведь хорошо печатаете на машинке? А чтобы напе-

чатать список нужно не менее десяти минут. И не забывайте про букву «к». Заключение экспертизы вам опровергнуть не удастся. Поехали дальше. Рядом с трупом мы обнаружили орудие убийства. Лопату вы хорошо замаскировали в кустах сирени, но собака ее нашла. На клинке обнаружены волосы убитой. Вот заключение эксперта по этому поводу. А вот ознакомьтесь с заключением судебно-медицинской экспертизы. Аникина убита именно этой лопатой.

— И что, на лопате обнаружены мои отпечатки пальцев? — задал подозреваемый провокационный вопрос.

— Отпечатков нет, и вы об этом прекрасно знаете. Вы же работали в перчатках? Не так ли? Следователь не будет оставлять отпечатки пальцев! Так? Но мы установили, что месяц назад, в субботу, вы купили в хозяйственном магазине лопату и мешок. Вас по фотографии опознал продавец Торопов. Теперь проведем опознание в натуре.

— Так месяц назад меня в Вольске не было, — стал хвататься утопающий за соломинку. — Я был в Н-ском районе и никуда не выезжал. Как меня мог кто-то опознать?

— Нет, выезжали! Прокурор Анисимов показал,

что вы отпрашивались на субботу и воскресенье, чтобы съездить в Вольск к родителям, которые также не сочли необходимым скрывать факт вашего приезда.

Арканов был повержен, растерзан и размазан. На него жалко было смотреть.

В этот момент в кабинет неожиданно зашел прокурор города Арканов-старший, который уже узнал о том, что сын убил Аникину Галину. Свидания с отроком ему до сих пор не давали, да и сам Петр Николаевич к этому не стремился. В его растерзанной душе произошел какой-то надрыв, вместо отцовских чувств он испытывал к Вадиму лишь омерзение и гадливость.

— Отец! — вскочил Вадим со стула и подался к родителю.

— Молчи, негодяй! С этого дня я тебе не отец, и ты мне не сын. Ты мать в могилу загонишь! Могли я предположить, что выращу такого монстра, такого оборотня?! Как ты мог? Вади-и-им?!

Стон смертельно раненого зверя потряс стены и потолок кабинета, и эхо еще долго гуляло в казенных стенах прокуратуры.

Арканов-старший еще не знал о более страшном и циничном убийстве, совершенном его сыном. Прокурор не подозревал о том, что Вадим

организовал банду, которая совершила десятки дерзких преступлений в Н-ском районе Саратовской области.

Безнаказанное зло всегда тянет за собой череду мерзопакостных дел, вереницу несмываемых грехов, еще более отвратительных, чем само зло. И в этом всегда виноваты люди, допустившие безнаказанность и попустительство. Виноват в этом был и прокурор Арканов Петр Николаевич.

Родионов перебрался в Н-ский район, и туда же вскоре были этапированы Арканов Вадим и трое его подельщиков. Откровенного разговора с районным прокурором Анисимовым Борисом Ивановичем не получилось. Он, прихрамывая на левую ногу, нервно ходил по кабинету и отрывками бросал фразы: «Не могу, Нил Маркович, поверить в то, что Арканов оборотень и руководил бандой... Он мне казался вполне добропорядочным человеком... И по работе никаких претензий к нему не было...»

У прокурора три месяца тому назад трагически погибла единственная дочь Елена. Она безо всяких на то оснований повесилась в лесу на берегу речки Светлой. Лене было всего семнадцать лет, и она заканчивала десятый класс. А тут новая напасть — под его крылом пригрелся следователь,

который одновременно являлся главарем шайки преступников. Борис Иванович был удивлен и обескуражен одновременно. К седым волосам на голове прибавились новые белые пряди.

Родионов обладал собачьим чутьем на отгадки запутанных нераскрытых происшествий. Интуиция ему подсказывала, что с самоубийством дочери прокурора не все чисто: с какой стати молодой девушке, без психических отклонений, в самом расцвете сводить счеты с жизнью? На место происшествия выезжал следователь Арканов, который пришел к заключению, что потерпевшая повесилась, и вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. И это обстоятельство настораживало. Нил Маркович внимательно изучил материалы о самоубийстве Анисимовой Елены Борисовны.

Из протокола осмотра места происшествия, составленного Аркановым, следовало, что труп висел на дереве на толстой капроновой веревке. Рядом с деревом находился высокий пень, с которого, по мнению следователя, спрыгнула девушка с петлей на шее, а затем под тяжестью тела зависла над землей, что и привело к удушению и смерти. На шее явно проступал след от сдавливания петлей — странгуляционная борозда.

Ни в карманах одежды, ни на квартире повесившейся никаких предсмертных записок обнаружено не было.

По габаритам трупа Родионов изготовил куклу-муляж, которую привез в лес, в то место, где было найдено тело Анисимовой, и в присутствии понятых провел следственный эксперимент. На шею куклы была надета петля веревки, после чего муляж подвесили на таком расстоянии от земли, какое было указано в протоколе осмотра. Конец веревки закрепили на суку этого же дерева — точно так, как на момент обнаружения трупа. После этого понятые попытались поставить куклу на пень с целью воссоздания картины перед роковым шагом девушки в никуда. Однако сделать это им не удалось. Ноги куклы до пня не доставали, а поставить ее на пень никак не удавалось. Тогда приспустили от сука веревку, чтобы поставить муляж. Однако в этом случае при движении куклы вниз ее ноги тут же касались земли.

Ни о каком самоубийстве не могло быть и речи. Анисимова Елена просто не могла повеситься, спрыгнув с пенька. Напрашивался закономерный вывод: раз она не могла повеситься, то ее повесили! Возможно, предварительно задушив

этой же петлей. Но тогда возникал вопрос: а кто это сделал и зачем?

Опытному следователю из областной прокуратуры все это и нужно было выяснить. Под подозрение по многим причинам попадал бывший следователь местной прокуратуры.

Арканов Вадим Петрович в прошлом году с красным дипломом окончил Саратовский юридический институт и был назначен старшим следователем прокуратуры Н-ского района. Вадим быстро вошел в доверие к своему непосредственному начальнику, прокурору района Анисимову. Пустить пыль в глаза и предстать в лучшем виде бывший студент умел и пользовался этим при каждом удобном случае. В обхождении с людьми Вадим был вежлив, корректен, обаятелен. Особенно удавалось Вадиму запудрить мозги нужным людям и представительницам прекрасного пола. На день рождения шефа следователь подарил тому шикарную дорогую трость с головой экзотического животного, чем вызвал неподдельную радость и умиление Бориса Ивановича.

Во время застолья в квартире прокурора неожиданно появилось божественное создание в виде его дочери Елены, которая стрельнула глазами в нового следователя, немного смутилась, поце-

ловала отца и уселась за стол вместе с другими присутствующими. Вадим и раньше редко пропускал понравившуюся юбку, но Лена чем-то задела его за живое. Девушка манила к себе своей невинной свежестью и детской непосредственностью. Он изредка поглядывал на новую знакомую, отчего та приходила в еще большее смущение. Искра любви с первого взгляда независимо от них самих пробежала между ними и заставила их сердца биться более учащенно и трепетно. А гостям было не до них. После пятой рюмки судья Тихомиров затянул песню: «Ревела буря, дождь шумел, во мраке молнии блистали...» Женщины включили патефон, и раздался мощный голос Руслановой: «Валенки, валенки, эх, не подшиты, стареньки...» Именинник попробовал под веселую мелодию сплясать, но это у него плохо получилось — мешала укороченная нога. Жена прокурора Надежда Ивановна недовольно потянула хромого плясуна назад за стол: «Боря, уймись, сядь...» Борис Иванович жену не слушал, прошелся, шкандыляя, по кругу, но потом сел за стол и осушил «штрафную», положенную ему по статусу именинника.

Военком майор Крутояров хлопнул с судьей на брудершафт по рюмке «Столичной», доел тарелку

холодца из свиных ножек и во всю силу своих легких гаркнул: «Три танкиста, три веселых друга...» Мирно сидевшая рядом кошка Маруська, усердно гладившая лапкой свою узкую крысиную мордочку, насмерть перепугалась, вздрогнула и с воплем «мяяяу!» пулей шмыгнула в сторону кухни.

А молодые люди вышли на улицу подышать свежим воздухом и познакомиться поближе. С той поры и завязалась дружба между молодым юристом и юной десятиклассницей. Со временем эти отношения переросли в более близкие, и их уже невозможно было скрывать от родителей Лены. Борис Иванович и Надежда Ивановна в Вадиме души не чаяли и в мыслях видели в нем своего будущего зятя и мужа их любимой дочки.

Однако к зиме отношения молодых людей зашли слишком далеко, а под Новый год ловелас соблазнил десятиклассницу, которая отдалась ему в кабинете следователя на старом дерматиновом диване. Устоять перед натиском Вадима Лена не могла, да и не хотела, потому что сама по уши влюбилась в Арканова. Юный следователь в глазах девушки представлялся эдаким героем, рыцарем плаща и кинжала, и красавица всерьез решила, что выйдет за Вадима замуж и создаст с ним семью.

К сожалению, это не входило в намерения Арканова, и сообщение Лены в один из весенних вечеров о том, что она беременна, повергло будущего отца в шоковое состояние. «На хрен мне пеленки и детский плач по ночам? — думал искуситель. — Мне всего-то чуть больше двадцати, зачем я буду на себя вешать обузу? Семейная жизнь не по мне. По крайней мере, на ближайшие годы. У меня совсем другие планы — взять от жизни все, что возможно. Взять то, что не могут урвать у нее другие».

Избавиться от беременности Елена не могла. Все сразу стало бы известно учителям и одноклассникам в школе, а также ее родителям. А это несмываемый позор. Вадиму такой поворот событий также ничего хорошего не давал. Узнав о беременности Лены, ее родители, да и родители самого Вадима, стали бы делать все возможное, чтобы сыграть свадьбу. Мысль об этом гремучей гадюкой жалила душу Арканова, тогда как Елена жила лишь одной надеждой на благополучный исход дела.

Вскоре состоялся разговор на щекотливую тему между Вадимом и Леной. Эта беседа подлила масла в тлеющий костер и неизбежно привела к большому пожару с человеческими жертвами.

— Вадим, милый, что будем делать? Я скоро уже не смогу скрывать свой живот. Родители узнают — мне конец. Я не переживу позора. Я тебя люблю. Придумай же что-нибудь.

— И я тебя люблю, Лена. Но подумай, мы совсем молоды. Зачем нам сейчас ребенок? Я только на ноги встаю, а тебе еще и школу закончить надо. Давай избавимся...

— А как это?

— Да это же так просто! Поедем в город к врачу, сделаем аборт, и через три дня как будто ничего и не было. Так делает половина женщин.

— Я боюсь, Вадик! И мама с папой все равно узнают, — чуть не плача, со слезами на глазах ответила девушка. — Тебе хорошо говорить «аборт». А у меня потом вообще может не быть детей. От ребенка я избавляться не буду. Даже если ты бросишь меня.

Видя, что упрямицу не переубедить, Вадим для отвода глаз сказал примирительным тоном:

— Ладно, Лена, бросать тебя я не собираюсь. На днях скажем обо всем твоим родителям, а потом поедем в Вольск к моим предкам. Свадьбу лучше делать в июне, когда окончишь школу. Где четыре месяца, там и пять не страшно.

— А стыдно с животом ходить.

— Пять месяцев никто не заметит. Шарфиком подтянешь. А если и заметят, то ничего страшного. Дело-то естественное, и отец налицо. Я же от тебя никуда не денусь.

Вадим нежно поцеловал Лену, и та успокоилась.

А Арканов, как с глубокого похмелья, мучился головной болью и ворочался на холостяцкой кровати в своей небольшой квартире на краю рабочего поселка. Его мучил вопрос: что делать? И изверг пришел к однозначному решению: убить свою подругу. Другого выхода из сложившейся ситуации Арканов не видел. «Нужно имитировать, что Лена повесилась, — пришла ему в голову спасительная мысль. Тогда можно просто состряпать отказной материал, и все шито-крыто».

Арканов не поленился съездить в Саратов, где в хозяйственном магазине купил бобину с толстым капроновым шнуром, который привез к себе домой. На глаз отмотал кусок веревки около пяти метров, столовым ножом отрезал его, после чего на конце сделал петлю. Как делаются такие петли, он ранее читал в учебнике криминалистики, хорошо запомнил это, а потому соорудить нужную петлю для него не составило никакого труда.

Потом злодей пошел к речке, к месту, которое в народе прозвали «три березы». Но на самом деле там росли только две березы, а третью приезжие варвары из города безжалостно спилили на дрова для шашлыков. От поверженного дерева остался только высокий пень. «То, что надо, — подумал Вадим, — всем будет понятно, что Ленка спрыгнула с этого пенька и повесилась». В стволе одного дерева, Арканов, увидел небольшое дупло, в которое сунул моток веревки.

Теплым майским вечером Вадим, убедившись в том, что Лена дома одна, а родителей нет, зашел в квартиру. Злодей пытался казаться веселым и беззаботным, но внутренняя дрожь била его, нервы были на пределе. Совершить первое преднамеренное убийство даже для такого изверга, каким был Арканов, оказалось делом непростым.

— Ленок! Приходи сейчас на речку к трем березам. Я не хочу, чтобы нас сейчас видели вместе. Зачем нам лишние разговоры и сплетни. Я пошел на место и буду тебя ждать, — собравшись с духом, выговорил следователь и нежно поцеловал свою подругу в губы.

— Хорошо, Вадик, иди. Я скоро приду, — ответила ни о чем не догадывающаяся девушка, — сей-

час только переоденусь.

Вадим пришел к речке и убедился в том, что поблизости никого нет. Только на берегу расположился мальчишка с удочкой. Следователю никак нельзя было показываться рыбачку на глаза, но как тогда его прогнать? Вадим спрятался в кусты и стал кидать камни в воду, где на волнах качался поплавок. Рыбак вначале недоуменно вертел глупой рыжей головешкой, а потом смотал удочку и ушел вниз по течению реки. Арканов убедился, что рыболов ушел далеко за изгиб реки. У косы мячиком маячила его рыжая головка.

Вскоре к условленному месту прибежала Елена, кинулась на шею любимому, чмокнула его в щеку и беспечной синичкой стала щебетать о том, как они с Вадимом скоро поедут в Вольск знакомиться с его родителями. Вадим осторожно, чтобы не спугнуть жертву, отстранял ее, поддакивал и кивал головой.

Потом парень подошел к березам, незаметным быстрым движением вытащил из дупла веревку и спрятал ее за спину. И в этот момент Вадим почувствовал, что ноги у него сделались ватными, в горле пересохло и он не сможет сделать то, что задумал.

Однако злодей собрал силу воли: «Сейчас или

никогда!» Сзади подошел к своей жертве и, как бы обнимая ее за плечи, быстрым ловким движением набросил на шею петлю. Девушка ничего не успела сообразить, только почувствовала, как бечева безжалостной змеей заскользила у нее по шее, сдавливая горло. Лена хотела крикнуть, но вместо этого из ее груди вырвался хрип. Убийца двумя руками стянул петлю. Девушка стала задыхаться и в конце концов потеряла сознание.

Арканов положил тело на землю под березой, перекинул веревку через толстую ветку у основания и потащил конец веревки. Шнур натянулся, тело медленно стало подниматься вверх, хрустнули шейные позвонки, тело забилось в предсмертных конвульсиях, и через несколько минут все было кончено. Вадим подтянул труп вверх, чтобы ноги не касались земли, перекинул свой конец через сук, замотал шнур и завязал его узлами, которыми женщины завязывают бельевые веревки. Эту деталь следователь не забудет особо выделить в протоколе осмотра места происшествия.

После совершенного злодеяния Арканов вернулся в прокуратуру, весь вечер делал вид, что работает, и никуда не отлучался, обеспечивая себе алиби.

Тело Анисимовой Лены, висящее на дереве, обнаружил спустя два часа тот же рыжий мальчишка-рыбак. У косы рыба не клевала, и он вернулся на прежнее место, где ранее кто-то кидал в реку камни и распугал всю рыбу. Вовка Ржавый, а так звали юного рыболова, жутко перепугался, бросил удочку, банку с червями и с воплем: «Там тетя висит, повесилась!» — прибежал домой, а мать сообщила в милицию.

На место происшествия прибыли начальник РОВД подполковник Рычков, старший оперуполномоченный капитан Суханов, судебно-медицинский эксперт Крючков и... следователь прокуратуры Арканов.

Трудно пересказать горе прокурора и его жены, когда они узнали о том, что их дочь повесилась. Версия об убийстве не возникла благодаря стараниям и умозаключениям следователя, который в момент осмотра выглядел весьма подавленным и расстроенным. Но никто этому не удивился, зная о том, что Вадим дружил с дочкой прокурора.

Следователь Родионов после следственного эксперимента с куклой возбудил уголовное дело об убийстве гражданки Анисимовой и приступил к расследованию.

Прокурор, узнав о том, что его дочь не повеси-

лась и кто-то помог ей в этом, а проще говоря, просто убил, обреченным голосом проговорил:

— В душе, Нил Маркович, я сомневался, что Лена повесилась. И жена в это не верила. И никто не мог поверить. Но факты говорили о другом. Следователь пришел к выводу о самоубийстве.

— При желании факты можно и подтасовать, выдать желаемое за действительное...

— Вы что, хотите сказать, что Вадим подтасовал факты? Но зачем это ему было нужно?

— Я пока ничего не хочу сказать, но следствие покажет, — невозмутимо ответил Родионов. — Я хочу посмотреть рабочее место Лены, ее письменный стол, тетради, записи. Может быть, найду что-то интересное.

— Но, Нил Маркович, мы со следователем Аркановым все перерыли и ничего не нашли, — пытался возразить прокурор.

— Дорогой Борис Иванович! Опять вы «Арканов»? Да если бы он что-то нашел, то постарался бы сделать так, чтобы эти записи не попали вам на глаза.

— Но зачем?

— За тем же, зачем он скрыл убийство вашей дочери, замаскировав его под самоубийство.

— Так, может, он сам заблуждался, считая, что

Елена повесилась?

— Нет, такой следователь, как Арканов, не мог заблуждаться, а вот с пеньком и с «женскими» узлами он дал маху. Причем напрочь отмел версию об убийстве. Даже следователь-профан не сделал бы такого поспешного вывода. Маленько переборщил, как говорят. И я это скоро докажу.

— Ну, пойдемте ко мне, раз нужно, посмотрите еще раз, но я лично все тщательно проверил — ничего!

На квартире прокурора Нил Маркович внимательно просмотрел все книги и тетради его дочери, скрупулезно прочитал все записи, но ничего существенного не обнаружил.

Опытный сыщик был обескуражен. Обычно девушки ведут дневники, делают пометки в записных книжках, пишут стихи, и Лена не исключение. Должны после нее остаться какие-то записи, которые приведут к истине и прольют свет на ее убийство. Перерыв еще раз все содержимое письменного стола, просмотрев книги и журналы, следователь обреченно махнул рукой и хотел уходить.

— Вот видите, я же говорил, что ничего нет, — уныло констатировал прокурор.

Но какая-то неведомая сила вернула следовате-

ля к столу. Он машинально стал выдвигать ящики письменного стола снизу вверх и переворачивать их кверху дном. И вот удача! Ко дну верхнего ящика простыми резинками, пробитыми маленькими гвоздиками, крепилась общая тетрадь. На обложке большими печатными буквами было написано «Дневник Лены Анисимовой». Обычно девушки, да и юноши тоже, ведущие дневники, тщательно скрывают их от посторонних глаз, особенно от родительских. Они не хотят, чтобы их сокровенные мысли и желания стали достоянием других лиц. Свои записи они прячут в потайных местах, где обнаружить их почти невозможно.

В дневнике были описаны переживания юной девушки, начиная с восьмого класса. Дружба с мальчиком Колей, походы, школьные вечера. И, наконец, встреча с Аркановым Вадиком. Встречи, расставания, переживания влюбленной девушки, наивные стихи. И вот запись, которая много проясняла в запутанном деле: «Я узнала о том, что беременна. Узнают папа с мамой — мне кранты. Вадик уговаривал сделать аборт, но я не согласилась. Я была на грани отчаяния, но Вадик обещал на мне жениться. Скоро поедем к его родителям в Вольск. Мне неловко знакомиться с его родителями. Скоро и от своих предков не

скроешь большой живот. В школе тоже позор. Что я наделала? Но все будет хорошо. Мой дорогой единственный Вадик существует на этом свете. И он любит меня. А я люблю его так, что не могу даже выразить словами».

И ни одного слова отчаяния, тоски и никаких мыслей о самоубийстве. Все в розовом свете и без каких либо намеков свести счеты с жизнью.

Борис Иванович с интересом прочитал откровения дочери, нахмурился и недоуменно произнес:

— Мы с Надей знали, что Лена дружит с Вадимом, но даже не догадывались о том, что их отношения зашли так далеко. Выходит, Лена была в положении? Но почему тогда это обстоятельство не отражено в акте вскрытия трупа? Это же очень важно!

— А вот это предстоит выяснить у следователя Арканова и судебно-медицинского эксперта Крючкова, — ответил Нил Маркович.

С допросом Вадима Родионов решил повременить, чтобы собрать как можно больше доказательств его вины, а вот с вызовом эксперта решил не откладывать.

Медик выдохнул на следователя порцию спиртных запахов и на вопрос, почему в акте вскрытия трупа Анисимовой не указана беременность,

лишь развел широкими руками-лопатами и без обиняков ответил:

— Да, потерпевшая была на четвертом месяце беременности, но это обстоятельство я не указал по просьбе следователя Арканова Вадима. Он мне сказал: «Зачем мы будем компрометировать потерпевшую и семью прокурора? Она, видимо, нагуляла с кем-то ребенка, поэтому и повесилась, чтобы избежать позора. Вы просто не указывайте это в заключении». Я счел предложение следователя убедительным и скрыл факт беременности.

— Но это же должностной подлог! — вскричал следователь.

— Понимаю, каюсь, готов понести ответственность. Черт попутал, взял чужой грех на свою душу, — проныл медик.

— Не чужой грех вы на свою душу взяли, а сокрытие чужого преступления, уважаемый. А за это придется ответить! И чем вас Арканов отблагодарил за ваше молчание?

— Ничем. Богом клянусь! — воскликнул прохиндей и отвел в сторону воровато бегающие наглые глаза. По всему было видно, что Крючков говорит неправду.

Родионов произвел обыск на квартире Арканова и изъял рулон капроновой веревки, а также

столовый нож.

Проведя необходимые экспертизы, Нил Маркович приступил к допросу подозреваемого.

Вадим Арканов категорически отрицал свою причастность к убийству дочери прокурора. Он прекрасно понимал, что своим признанием подпишет себе смертный приговор. Если за изнасилование и убийство Галины Аникиной еще как-то можно было надеяться на снисхождение суда с учетом действий потерпевшей, то в деле об убийстве беременной девушки смягчающих обстоятельств не было. По совокупности за все совершенные преступления Арканову грозила смертная казнь.

— Вы, Вадим Петрович, вынесли постановление об отказе в возбуждении уголовного по факту смерти гражданки Анисимовой Елены. Однако мной достоверно установлено, что она не повесилась, а ее повесили, — начал допрос издалека Родионов. — Вот протокол следственного эксперимента. Анисимова не могла спрыгнуть с пенька, а следовательно, и повеситься.

— Ну и что? Я мог ошибиться. Возможно, ее кто-то повесил, а я здесь ни при чем! Ищите убийцу, — безапелляционно заявил подозреваемый.

— Убийцу уже нашли, гражданин Арканов, —

твердо заявил Родионов.

— И кто же он? — демонстративно откинувшись на стуле, закинув ногу на ногу, спросил подозреваемый.

— Вы, гражданин Арканов!

— С какого боку? Я не убивал и зачем мне это нужно? — заявил упрямец.

— Вы знали, что Лена беременна, обещали ей жениться, вот дневник Анисимовой. Тут много интересного написано: и о вас, и о ваших обещаниях. Но в мыслях у вас было совсем другое. В ваши планы жениться и обзаводиться семьей никак не входило. Вы вынашивали планы создания банды и совершения краж из магазинов. И вы решили избавиться отлюбившей вас женщины, матери вашего ребенка. По сути дела, вы убили и мать, и своего сына. Какой цинизм и бессердечие, какое варварство! Каким извергом надо быть, чтобы пойти на это.

— А откуда видно, что Лена была беременна?

— А ее записи? И вот протокол эксгумации и судебно-медицинской экспертизы трупа Анисимовой, где черным по белому написано, что она в момент смерти находилась на четвертом месяце беременности. И зачем вы просили эксперта Крючкова скрыть ее беременность? Чтобы не

возникло ненужных вопросов? И чтобы отвести от себя подозрение?

— Никого и ни о чем я не просил, — упрямился убийца.

— Это мы выясним на очной ставке. И зачем эта игра в «женские узлы»? Ловко вы крутили динамо на версию самоубийства! Ничего не скажешь. А вот с пеньком маху дали! Лучше уж табуретку бы принесли. Не додумались? Как же так? Следователь, бывший отличник, и допустили такие ляпы?

— Как завязаны узлы были, так я и написал, а остальное все — это ваши домыслы и бабушкины сказки. Прямых улик против меня нет, и этим все сказано. Я не убивал, а вы не доказали, что убил я! — резюмировал нахал. — И веревку я не уничтожил, хотя мог это сделать. Она лежит в камере хранения вещественных доказательств.

— За это огромное спасибо, Вадим Петрович. Уничтожать веревку вам никакого смысла не было. А потом вы даже подумать не могли, что вас будут подозревать в убийстве. Веревку с петлей в камере хранения мы изъяли, а у вас на квартире изъяли рулон с таким же капроновым шнуром и нож. По своей самонадеянности вы и эти вещественные доказательства не уничтожили. Вот

заключение экспертизы о том, что кусок веревки с петлей, на котором была повешена Анисимова, отрезан от рулона капронового шнура, изъятого у вас дома. Вместе веревка и рулон составляют одно целое, а разрезаны были столовым ножом с пластмассовой ручкой, также принадлежащим вам. Какие еще вам, гражданин Арканов, нужны прямые улики? И этих вполне достаточно, чтобы вынести вам обвинительный приговор.

Выслушав последние доводы следователя, Арканов поник, руки его предательски затряслись, как у завзятого алкоголика, а лицо скривила гримаса затравленного зверя, попавшего в западню. Он понял, что его песенка спета и на этот раз уйти от ответственности за совершенные злодеяния не удастся.

Борис Иванович не мог поверить тому, что убийство его дочери совершил следователь Арканов.

— Нил Маркович! Не может этого быть. Он же такой культурный и обходительный молодой человек. И к нам и к Леночке относился очень хорошо. Как у него рука поднялась на беременную женщину и на своего же ребенка в утробе матери?

— Видно, поднялась... рука палача. Доказатель-

ства неопровержимые.

— Так Вадим же за гробом Леночки шел и плакал, все лицо у него было в слезах...

— Это были крокодиловы слезы.

— Какой негодяй, иуда! Как я просмотрел, старый пень, что в овечьей шкуре скрывается волк, оборотень?

— Не корите себя, Борис Иванович. Видно, трудно было увидеть настоящую сущность нутра Арканова. Он успешно маскировался под личиной благодетеля.

Родионов, закончив расследование по убийству Анисимовой Лены, перешел к изучению нераскрытых дел, которых в прокуратуре накопился целый ворох.

Опытный следователь по особо важным делам сразу же обратил внимание на то, что ни одна кража не походила на другую. Все ограбления магазинов совершались разными способами. В одном случае путем взлома запоров на входных дверях, в другом — путем подбора ключей, в третьем — через пролом в крыше и так далее. Отпечатков пальцев на месте преступления грабители не оставляли. Создавалось впечатление, что кражи совершаются разными заезжими гастролерами, а не одной бандой.

Такое же мнение складывалось и у начальника уголовного розыска, и у прокурора. Но это мнение было ошибочно. «Наверное, Арканов со своей шайкой, маскировались и специально ни разу не повторялись, чтобы направить розыск по ложному следу», — подумал советник юстиции.

А между тем Арканов Вадим понял, что он полностью изобличен в изнасиловании и двух убийствах. Он понимал, что за это ему грозит расстрел. Утопающий хватается за соломинку. Чтобы хоть как-то облегчить свою участь и надеясь на то, что суд примет во внимание его чистосердечное признание, бывший следователь стал давать показания об организации банды и совершенных ею преступлениях. Злодей решил: «Хуже уже не будет. Этот следак все равно раскрутит мои подвиги. Расскажу все. Может, суд учтет мое раскаяние и активную помощь следствию».

Признания сыпались изо рта Арканова, как из рога изобилия. Нил Маркович едва успевал записывать их в протокол и на магнитофон. Обвиняемый рассказывал о совершенных кражах и о том, как он лично маскировал их, с явным апломбом, как будто показывая: «Вот я какой умный! Вам до этого не додуматься!»

После окончания института Арканов приехал в

Н-ский район и стал работать следователем. Там он преуспел не только на любовном фронте, но и в деле создания вооруженной банды. Идея создания таковой созрела в голове студента-отличника еще в институтской аудитории. А теперь он стал сам себе хозяин, и можно было приступать к реализации своих планов.

Самому лазать по магазинам Вадим счел делом неблагодарным и ниже своего достоинства. Нужны исполнители, пешки, шестерки, которые будут беспрекословно выполнять все его указания. А он — ферзь, главарь, пахан — будет разрабатывать операции, давать подельникам указания, советы, затем укрывать преступления, подбрасывая уголовке ложные улики и запутывая розыск. Набирать людей со стороны Вадим посчитал делом крайне неразумным: «Могут подвести в любой момент, сболтнуть лишнее, и тогда вся затея полетит ко всем чертям! Надо брать проверенных людей, которых я знаю и которые знают меня. Тех, что будут во мне видеть авторитета и делать то, что скажу я».

И такие люди у Вадима были. Это его друзья из Вольска, с которыми он в свое время вовсю куролесил в этом городе и совершил изнасилование Аникиной Галины.

Повод для выезда в Вольск у молодого следователя был — там жили его родители, которых любящему сыну нужно навестить. Прокурор Анисимов без колебаний отпустил подчиненного на три дня, да еще и оформил командировку. В Вольске надо было провести кое-какие следственные действия.

Прибыв в родные места, где прошло детство и юность, следователь допросил нужных свидетелей, а потом заглянул в гости к старому другу Зеленкину, зная, что у того недавно умерла старая бабка и наследник живет в ее доме один.

— Здорово, Валера!

— Здорово, Вадик! Я слышал, ты в люди вышел, большим человеком стал. Думал, и руки мне теперь не подашь...

— Зачем ты так, Валера. Я от друзей никогда не отрекался. Видишь — сам к тебе пришел. А человек я не очень большой, но полномочия имею. Следователь района — это тебе не хрен собачий. А ты где пашешь?

— Да нигде! Ты же знаешь, из училища меня выперли «за нарушение дисциплины». Так в приказе нарисовали. Завуч Зырина, жирафа длинная, на педсовете ляпнула: «Зеленкин хам и хулиган, гнать его надо из училища поганой

метлой». Сейчас тащу все подряд, где что плохо лежит, но, похоже, ментовка уже на хвосте у меня сидит. Работать мне западло. Надо куда-то когти рвать, а куда — не знаю. Может, на севера? Так там пахать надо. Наверное, на юга надо мотать.

— Сейчас милиция везде прищучить хвост может, что на севере, что на юге. Поедешь со мной? Работа не пыльная, горбатиться не нужно, а нос будет в табаке. Хорошие бабки сами в руки приплывут.

— Где это такой везун прет?

— Там, где я работаю.

— Я не против. Все равно здесь скоро посадят. А я на свободе еще хочу погулять. А что делать надо, Аркан?

— С этого дня, Зеленый, запомни и заруби себе на носу. Для всех я теперь Вадим Петрович. А что делать — поговорим позже. Как там Леха Мудя и Серега Серый поживают? Не скурвились еще?

— Леха Мудя слесарит в мастерской, но бухать стал по-черному, механик грозит за прогулы его уволить, а Серый, похоже, скурвился — женился на какой-то матрешке. Сын у них родился. Серега шоферит на грузовой, но вечно плачет, что денег не хватает.

«Бухарика придется от спиртного отваживать,

а шофер пригодится — товары из магазинов на горбу в мешках не будут носить, — подумал Вадим. — Но серая курва может заартачиться и от семьи никуда не поехать. Ладно, что-нибудь придумаю».

— Вот что, Валера! Найди Мудю и Серого. Скажи, чтобы вечером пришли к тебе. Так и внуши им, что Арканов, мол, велел. А я в семь вечера буду здесь. Только без балды. Сами знаете — со мной шутки плохи.

Вечером вся компания собралась на квартире Зеленкина. Мудя не забыл прихватить бутылку водки. Серый угрюмо, исподлобья погладывал на друга, не ожидая от того ничего хорошего.

— Целоваться не будем, — заявил Вадим, пожимая товарищам руки, — а ты, Алексей, бутылку убери. Пьянки придется прекратить. Сухой закон я вводить не вправе, но от спиртного будем воздерживаться. Вы знаете, кем я работаю, и с этой минуты для вас я не Аркан или Вадик, а Вадим Петрович. Прошу любить и жаловать. Выборы пахана проводить не будем. Хватит шарить по подворотням и горбатиться на дядю за копейки. Начинаем большие дела.

Во время этого вступления Зеленый и Мудя напряженно сопели, подобострастно поглядывая

на своего патрона, а Серый возразил:

— А ты нас, Вадим Петрович, спросил? Не высоко ли взлетел, Аркан? Как бы падать больно не пришлось.

— Замолкни, сявка. Скурвился, падла? Под женскую юбку залез?

— Ничего я не скурвился. Только непривычно как-то. Был Вадик Аркан, а тут сразу Вадим Петрович...

— Привыкнешь, привыкнешь, Серый. Выйдешь в люди — и тебя по имени-отчеству будем величать. А сейчас перейдем к делу...

— Давно пора! Так что давай не тяни резину, выкладывай, с чем приехал, — поинтересовался строптивый Вилкин Сергей. Его поддержали Митрохин и Зеленкин.

— Вы переедете жить в Н-ский район...

— А что мы там не видели? — спросил Мудя.

— Меня не видели. Не перебивай, Леха...

— А что мы будем делать? — поинтересовался нетерпеливый шофер грузовой автомашины.

— Грабить магазины! — ответил, как выстрелил, следователь.

В доме повисла гнетущая тишина. Слышалось лишь сопенье членов будущей шайки воров и тиканье настенных гиревых часов. Откуда-то

появилась большая пушистая кошка, которая запрыгнула на колени к Арканову и собралась мурлыкать. Вадим резким движением руки сбросил животное на пол, так как кошек он терпеть не мог, и продолжил:

— Бабки всем нужны, и жить хорошо тоже хотят все, но бабки нужно взять там, где они плохо лежат. Риска у вас никакого, будете работать под моим прикрытием. Это гарантия успеха и того, что вас никто не заметет.

— Это дело новое, надо подумать, — подал голос Митрохин.

— Леха! Для тебя новое, а для кого и не новое, — Вадим посмотрел на Зеленкина.

— Я пас! — вдруг заявил Серый. — У меня семья, мне ее кормить надо. А со старым я завязал. Хватит мне одного приключения на пустыре...

— Нет, не хватит! — отрезал Арканов. — С того пустыря мы все одной веревочкой повязаны. И ты, Серый, в особенности...

— Почему это?

— А кто предложил: «Давайте чувиху отдрючим!»? Пушкин? Или Лермонтов? Так что помалкивай лучше. Или хочешь лет на семь на нары загреметь? Это я тебе быстро устрою. На тебя все свалим, правда, хлопцы? И пойдешь паровозом.

Ну! Что скажешь?

— Полегче на поворотах, Аркан. Не нукай, не запрягал. Угрожаешь? Не на того напал. Вместе со мной сядешь! Еще неизвестно, кто паровозом пойдет — я или ты.

— Не Аркан, а Вадим Петрович. Привыкай! Только вот что я тебе хочу сказать, — решил зайти с другого бока Вадим. — Сколько ты зарабатываешь, Серега?

— Ну, 70 рублей в месяц. И что?

— Хватает?

— Нет, конечно, — замялся водитель.

— Вот и будешь всю жизнь втихаря макароны с картошкой жрать под юбкой своей бабы, когда другие по ресторанам да по курортам шляются, черную икру и грибы в сметане кушают, коньячком «Наполеон» запивают. Подумай, Серега! Ну что за жизнь у тебя? От зарплаты до зарплаты, небось, копейки считаешь, вечно до получки трояки сшибаешь? Зачем это тебе? Ты же смелый парень, Сережа. Что это на тебя сегодня нашло?

— Ладно! Я подумаю, — буркнул упрямец.

— А куда барахло сбывать будем, Вадим Петрович? — подобострастно, с ноткой подхалимажа спросил Мудя.

— Это, Алексей, не ваша забота. Есть у меня в

Саратове знакомый барыга. Он все возьмет.

— А где мы, Вадим... Петрович, жить будем? — поинтересовался Зеленкин.

— Тебе, Валера, я уже присмотрел развалюху на краю поселка. Свою продашь, а ту купишь. А Мудя с Серым будут жить на квартире у глухой бабки Матрены. Сергей будет работать шофером на машине-хлебовозке. На ней и краденые товары безопаснее возить. И она людям примелькалась. Подозрения не вызовет. Гаишник по моей просьбе скоро лишит водителя прав, и место освободится. А ты, Валера, и ты, Алексей, по ночам будете «работать» — магазины бомбить, а днем отсыпаться. Товар вначале будем складывать Валере в сарай, а потом Сергей будет отвозить в Саратов по адресу, который я скажу.

— Я смотрю, Вадик... Вадим Петрович, ты все уже продумал, шустряк, однако, — заметил Вилкин.

— А ты как думал, Сережа? Надо же распланировать, чтобы все чики-пики было и чтобы ни одна б... не подкопалась! — резюмировал разговор Арканов.

Вскоре Зеленкин Валерий, у которого на хвосте сидели менты, и Митрохин Алексей, которому грозило увольнение за прогулы, перебрались из

родного Вольска в чужой Н-ский район. Вскоре и Вилкин Сергей уволился с работы, сказал жене, что едет на заработки в один из районов области, и присоединился к только что созданной банде.

Воровская малина обосновалась в старом доме на краю поселка. Как и было задумано Арканновым, Зеленкин продал дом, доставшийся в наследство от бабки Степаниды в городе Вольске, и купил небольшой домик с садом и гаражом на новом месте. Вилкин крутил баранку «хлебовозки» вместо уволенного водителя Самохина Виктора, у которого гаишник отобрал права за управление транспортом в нетрезвом состоянии. Витя с утра спиртное не употреблял, но находился в состоянии похмелья и, перед тем как сесть за руль, выдул ковш кваса. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы лишить водилу прав. Запах был, и попробуй докажи строгой милиции, что ты не верблюд и с утра не похмелялся.

Леша Мудя тряс мудями и постигал тонкости новой профессии бандита.

А новоиспеченный пахан, в лице Арканова Вадима, планировал налеты, которые потом сам же и укрывал в уютном кабинете следователя районной прокуратуры.

В один из теплых летних вечеров состоялась

сходка на хазе у Зеленкина. Собралась вся четверка. Митрохин предусмотрительно прикупил бутылочку «Московской» и баночку бычков в томате, которые выставил на стол на всеобщее обозрение.

Однако поднять настроение компании не пришлось. Главарь демонстративно вылил водку в таз под умывальником со словами: «Я говорил — пьянству бой! Дела будем делать только на трезвую голову! Зарубите это себе на носу. И никакой самодеятельности!» В напряженной тишине члены банды глотали слюни и с нескрываемым изумлением таращили глаза на предводителя, который уничтожал драгоценную влагу.

— Перейдем к делу, — начал Арканов. — Сегодня ночью поедете в село Добринку. Там магазин на отшибе. Рядом с магазином склад. Сторожа нейтрализуете...

— Что?! Сразу с «мокрого» дела начинать? — перебил главаря Митрохин.

— Тебя, Мудя, в детстве точно в погреб уронили головкой вниз! Никто сторожа убивать не собирается. Вот вам бутылка с хлороформом. Сторож Пантелей больше в будке сидит, обходы делает редко. Ружье у него охотничье, но патроны заряжены солью. Так что не бойтесь. Намочите тряпку

жидкостью, приложите к лицу охранника. Он тут же уснет. Ключи от магазина и склада сторож носит в правом кармане телогрейки. Сторожа положите отдыхать в будке, возьмете ключи, которыми откроете замок на дверях склада, а дальше сообразите, что делать.

— А почему склад? Может, лучше магазин грабануть? — подал голос Вилкин Сергей.

— Серый! Я знаю, что лучше, а что хуже. В складе загрузите машину ящиками с водкой и говяжьей тушенкой. Товар ходовой, не залежится. Водку я оптом знакомому директору ресторана спихну, как конфискат. Тушенку на базе с руками оторвут. А с барахлом пока погодим. Надо сначала с барыгой в Саратове договориться.

Когда все провернете, дайте мне знать. Заезжать ко мне домой не нужно. Пусть Мудя прискачет. Этой же ночью товар нужно отвезти в Саратов. Я сам с вами поеду. Все! Вопросы есть?

— А как барыши делить будем? — поинтересовался Зеленкин?

— Поделим! Вас не обижу. Половина моя, а половина ваша ровно на троих. Устраивает?

— А не жирно ли, тебе Вадим Петрович, будет? Почему все не поровну на четверых? — заартачился Вилкин.

— По кочану, Серый! Пахану всегда кусок жирней положен. Это по понятиям. Я вам кто? Атаман или хрен собачий? А атаман всегда себе половину берет, остальное на всех членов делит. Я все организую, прикрываю вас, главарю и больший срок светит в случае чего. Но это я исключаю. Поэтому все по справедливости. А вам и так куски не малые перепадут. Смотрите не подавитесь!

— Ладно! Это я так, — сделал ход назад Сергей. — По понятиям так по понятиям.

На словах все выглядело гладко, а на деле оказалось немного по-другому, и события развернулись не по намеченному сценарию, а сумбурно и непредсказуемо.

В село Добринку бандиты приехали ровно в два часа ночи. В это время все жители и петухи крепко спят. Машину поставили напротив дверей склада. Сторожа нигде видно не было.

— Наверное, в сторожке дрыхнет, — сделал предположение Зеленый. — Ну, пошли, братцы-кролики.

Налетчики немного дрейфили. Мудю била нервная дрожь, лоб у Серого покрылся испариной. Невозмутимым казался только Зеленый, но и у него на душе было неспокойно: «А вдруг сторож кипиш устроит? Начнет палить из берданки,

народ поднимет, и нас повяжут, как щенят? Аркану хорошо рассуждать, кто больше рискует. А надело с нами не пошел. Умный больно».

Валера напомнил Вилкину, чтобы тот взял хлороформ.

В сторожку вначале зашли Зеленый и Мудя, а Серый задержался около машины, ища бутылку со снотворным. Охранника в помещении не оказалось, что немало удивило бандитов: «Где же его черти носят?»

В это время дверь открылась, и в проеме появилась удивленная физиономия сторожа, который наставил ружье на незваных гостей: «Кто вы такие и что вам надо?»

Получить заряд из соли в лицо в планы грабителей не входило, а потом, кто его знает, чем заряжены патроны. Может, вовсе и не солью. Зеленкин и Митрохин, не ожидавшие такого развития событий, опешили, руки у них от безысходности опустились, ресницы бестолково хлопали по глазам, как крылья бабочки, попавшей из темноты на яркий свет.

В это время сзади сторожа возникла фигура Серого, который монтировкой ударил Пантелея по голове. Сторож выронил из рук ружье и кулем повалился на пол.

— Серый! На хрена ты сторожа завалил? Почему не усыпил его? — закричал Зеленый.

— Не ори, Валера! Лучше бы я подождал, когда этот придурок в вас из двух стволов дуплетом жахнет? И сделает из ваших рож два подсолнуха?

— Так тряпкой бы рот и нос зажал, как договорились! — сказал Мудя.

— Не успел я хлороформ найти, хлопцы. Вижу — в будку сторож с ружьем ломанулся. Я схватил монтировку и вам на выручку поспешил. Чем орать, лучше бы спасибо сказали!

— Спасибо тебе Аркан скажет, когда узнает, что ты сторожа завалил, — ответил Зеленый. — Хватит болтать, только время зря теряем. Мудя! А ну поищи у него в карманах ключи! Башка-то вся в кровище. Видать, Серый хорошо приложился — укокошил старика.

— Ключей в карманах нет, — заявил Митрохин.

Зеленый и Серый еще раз обшарили одежду Пантелея, но ключей не нашли. Не было их и в сторожке. Ни на гвоздике, торчащем из стены, ни в столе, ни в других местах.

— Что делать будем? — спросил Мудя.

— Что, что?! Замки ломать! Пустыми же не по-

едем. Аркан голову оторвет. Сторожа грохнули и порожняком вернулись?! Он такого не простит.

Перешагнув через бездыханное тело Пантелея, налетчики вышли из сторожки и направились к дверям склада. Зеленый посветил фонариком. Двери были совсем новые, из толстых брусьев и досок. Поперек проходила полоса накладки из каленой стали, толщиной с рессору, которая намертво крепилась ригелями к дверной коробке. На проушине висел огромный амбарный замок. Серый попробовал сорвать замок монтировкой, но из этого ничего не получилось. Запоры лишь издевательски скрипнули.

— Здесь не только монтировкой, но и ломиком ничего не сделаешь. И лом не взяли! Ключи! А где они — эти ключи?! Открыли от одного места дверцу! — уныло констатировал Вилкин.

— А может, магазин обчистим? Посмотрим там запоры? — предложил Мудя.

— Ну да! Посмотри! А вдруг он на сигнализации? Мы же не знаем. Сирена завоет, и смотаться не успеем. А дело завалим. Аркан уроет нас всех!

— А что же делать? Ехать назад порожняком? — спросил Серый.

— Прямо под горячую руку Вадима Петровича, — продолжил Зеленый. — У меня мысль

мелькнула, Серый! У тебя трос-то хоть есть?

— Трос есть! А кого тащить будем?

— Кота за хвост. Неси трос. Зацепим за полосу, дернем машиной и вырвем запоры к чертовой матери.

Сказано — сделано. Однако ригеля намертво сидели в косяках, и после второй попытки дверь вместе с запорами и коробкой была вырвана из стены склада. Где-то обеспокоенно залаяла собака, ей ответила другая, третья...

— Все! Картина Репина! Приплыли! — обреченно сказал Мудя.

Но неожиданно собаки замолчали. Видимо, они тоже хотели спать. Хотя по ночам собакам спать не положено, как и сторожам.

Налетчики быстро под завязку загрузили машину ящиками с водкой и мясными консервами, после чего выехали в райцентр.

В дороге Митрохин предложил распить одну бутылку на троих: «Надо обмыть дельце. По сто пятьдесят граммов на брата — в самый раз. Аркан и не заметит. А мы на водке и на закуске, можно сказать, сидим, а выпить и закусить — не имеем права! Где это видано?»

Приятели возражать не стали. Содержимое одной бутылки и одной жестяной банки пе-

реместилось в желудки ночных искателей приключений.

Когда Вилкин подъезжал к дому Зеленкина, Валера и Алексей уснули и оглушительно храпели. Самого Сергея тоже неудержимо клонило в сон. Он лишь смог остановить машину у дома и тоже провалился в царство Морфея.

Арканов провел беспокойную ночь. Он не спал и ждал сообщников с ворованным товаром. До утра подельники не появились, и посыльного не было. Следователь забеспокоился: «Что могло случиться? В любом случае я должен уже был узнать о том, что произошло. Где этих мудаков черти носят? Если получился прокол, то и тогда они должны были дать мне знать».

Под утро зазвонил телефон и дежурный сонным голосом сообщил о том, что в селе Добринка ограблен магазин, а сторож с тяжелой травмой головы отправлен в больницу.

«Этого еще не хватало! Что за самодеятельность? А где же эти идиоты? Но нужно ехать на место происшествия».

Увиденное в Добринке потрясло следователя еще больше. Развороченная стена склада и вырванные с потрохами двери произвели на Арканова неизгладимое впечатление. «Что же

эти циркачи творят? Дверь выворотили. Сторожу башку проломили. Кто их просил? Убью паразитов», — размышлял следователь, когда составлял протокол осмотра и фотографировал место преступления.

Вернувшись в прокуратуру, следователь первым делом пошел к Зеленкину, чтобы узнать, в чем дело и почему начудили его подопечные.

Около дома стояла хлебовозка, а в ее кабине торчали три головы. Вадим, ничего не понимая, дернул дверцу на себя. Она открылась. На следователя пахнуло неприятным запахом сероводорода, свежим водочным перегаром и... хлороформом. Под ногами воров валялась пустая водочная бутылка и бутылка из-под химиката. Естественно, пробки на горлышках отсутствовали. На руки Вадима из кабины кулем вывалился водитель, а двое пассажиров храпели во всю ивановскую и даже не пошевелились.

«Нажрались, свиньи, и хлороформ разлили, а теперь спят как убитые, — подумал Арканов, волоча в дом бесчувственное тело Вилкина Сергея. — Ну, я им устрою козью морду! Пусть только проснутся!»

Потом Арканов открыл дверцы кузова и увидел, что машина загружена водкой и консервами.

«Товар в поселке оставлять нельзя, тем более в машине. Это опасно. Надо немедленно отвезти его в город. Но эти сволочи ни мычат, ни телятся! Когда они проснутся? Хлеб в магазин ночью Серый завез, хлебовозки не хватятся — после ночи шофер поехал к себе домой и отдыхает».

Следователь пошел в контору лесхоза и позвонил прокурору Анисимову, что выезжает в Саратов к криминалистам с вещественными доказательствами по ограбленному магазину. После этого немного вздремнул, а потом с помощью тычков и нашатырного спирта стал будить спящую компанию. Хлопцы крутили головами и мычали, как годовалые телята, но просыпаться и не собирались. Наконец удалось разбудить Серого, который оказался козлом отпущения.

— Вы зачем сторожу башку проломили и двери выворотили? Я для чего вам хлороформ дал?

— Так, Вадим Петрович, сторож на ребят ружье наставил, мог выстрелить. Я его сзади монтировкой и отоварил. А что еще было делать? Ключи мы не нашли, в карманах у сторожа их не было, и в других местах тоже. Лома у нас не оказалось. Чем замок срывать? Мы решили тросом зацепить и дернуть. А выдернули всю коробку».

— Понятно, деятели. А почему хлороформом

сторожа не усыпил?

— Так не нашел его второпях. Увидел, что сторож с ружьем зашел в будочку, где Зелень с Мудей были. Под руку попалась монтировка. Я схватил ее и кинулся на помощь хлопцам. Сторож орет: «Кто такие? Убью!» Я его и шандарахнул по башке. А ты откуда все знаешь?

— Так я же уже на месте происшествия был и все ваши художества видел своими глазами.

— А сторож копыта отбросил или живой?

— Живой дед, но голова проломлена. А зачем водку жрали? Я же запретил пить, когда дела делаете!

— Бес попутал, Вадим Петрович! Не удержались. Столько водки... Как не выпить? Я-то не очень и хотел. Все-таки за рулем, но Мудя уговорил: «Выпей, ночью гаишник спит!» Я и поддался на уговоры.

— Бес попутал, говоришь? Разгоню вашу кодлу к чертовой матери! Найду себе помощников получше, которых бес не будет путать. Буди этих недоделков! Надо в город ехать. Уже давно там должны были быть, а мы рассусоливаем здесь по вашей милости. Машину сможешь вести?

— Смогу!

— Тогда поехали!

Разбудить подельников не удалось и Арканов с Вилкиным перегрузили их в будку машины в проем между ящиками.

До Саратова было недалеко — всего тридцать километров. В городе Арканов велел Серому ехать к ресторану «Москва». Директора этого ресторана Сиволапова Игоря Николаевича Арканов хорошо знал и надеялся сбыть ему краденый товар.

Директор на работу пришел с утра пораньше и оказался на месте в своем кабинете. Увидев Арканова, обрадовался тому, как родному племяннику:

— Вадим Петрович! Какими судьбами? И что так рано?

— Кто рано встает, тому бог подает, — ответил гость, пожимая руку хозяина.

— И то правда. Много воров посадил?

— Сколько попалось. А ты как?

— Нормально! План выполняем. Ты по делу или как? Может, столик организовать? Позавтракаешь?

— Это потом, Игорь Николаевич. Дело у меня к тебе срочное. Тут, понимаешь, конфискованную водку решено пустить в реализацию...

— И много водки? — поинтересовался торгаш.

— Почти машина.

— Ого! Водка мне всегда нужна. Возьму. Только по накладной, — неожиданно поставил условие директор.

— Игорь Николаевич! Ты меня не понял! На кой хрен тебе накладная? Водка бесхозная. Ты же ее приходовать не будешь? Берешь партию, после реализации оставляешь себе десять процентов, остальную выручку мне. Усек?

— Как не усечь, — почесал затылок директор. — Я не спрашиваю, Вадик, где ты водяру взял. Это мне по барабану. И как органам не доверять? Тем более прокуратуре. Двадцать пять процентов — и по рукам!

— Двадцать, Игорь Николаевич, двадцать! И так куш жирный.

— Ладно, договорились.

— Еще тушенка есть. Возьмешь?

— Из тушенки мы в ресторане борщи не варим. Только из свежего мясца. Но тушенка — продукт дефицитный. Спихну моему знакомому директору торговой базы. Я надеюсь, на тех же условиях баночки даешь?

— На тех, на тех! Не волнуйся.

— Но пять процентов от стоимости надо бы знакомому отстегнуть. За спасибо товар в реализацию он не возьмет. Итого за тушенку двадцать

пять.

— Умеешь капусту шинковать, Игорь Николаевич, умеешь! Ладно, уговорил.

— Когда привезешь товар, Вадим Петрович?

— Уже привез. Машина у склада ресторана стоит. Только мои грузчики ночью работали, сейчас спят, будить не хочу...

— Шустряк ты однако, Вадим Петрович! Надо же! Уже привез! Грузчики мои разгрузят. Какие проблемы? Пошли.

Зеленкина и Митрохина из кузова переместили в кабину, после чего рослые грузчики ресторана Матвей и Иван с помощью Сергея выгрузили весь товар в складское помещение.

Оформив сделку, следователь и директор позавтракали в его кабинете.

— Может, рюмашку армянского коньячку с устатку, Вадим Петрович? — предложил гостеприимный хозяин.

— В рабочее время не употребляю. Мне еще в прокуратуру надо, делами заниматься. Спасибо, Игорь Николаевич.

К завтраку очухались Зеленкин и Митрохин, которых вместе с Вилкиным, пригласили на чай Матвей с Иваном. И по отнюдь не подавленному настроению своих подчиненных, как следовало

бы ожидать, по их веселым физиономиям Арканов сделал вывод, что за завтраком грузчики ресторана угощали их не только чаем.

Но ругаться и спускать собаку на подельников Вадим не стал, так как уже выпустил весь пар на Серого. К тому же главарь был доволен результатами ограбления. Он только укоризненно посмотрел на бухариков:

— Проспались? Лезьте в кузов. Поехали, дома поговорим...

— Вадим Петрович, первый блин... — начал было Мудя.

— Вот дома, Алексей, и прикинем хрен к носу, первый или последний, — перебил Вадим Митрохина.

У друзей сразу же посоловели глаза, настроение упало, и они нехотя полезли в будку хлебовозки.

— Попрет нас Аркан ко всем чертям, чует мое сердце — попрет, — пробурчал Зеленкин.

— Не попрет, где он других помощников найдет? — возразил Митрохин. — Такие, как мы, на дороге не валяются.

— Таких, как ты, Мудя, на свете полно, как собак нерезаных...

— Зеленый! А ты не знаешь, почему в кабине хлоркой воняет? — спросил Митрохин.

— Наверное, Серый дезинфекцию делал...

— От кого дезинфекцию? Что, у него в машине тараканы живут, что ли?

— Тараканы не живут. Они запаха бензина не переносят, а блохи могут быть.

Друзья еще не знали, что разлили бутылку с хлороформом, которую главарь выбросил перед поездкой в город.

Через неделю был ограблен промтоварный магазин в районном центре. В этот раз замки были сорваны воровским ломиком-фомкой. Отрезов тканей, одежды и обуви злоумышленниками было вывезено на круглую сумму. Проблемы сбыта у бандитов не возникло. Когда Вадим учился в институте, он вместе с другими студентами покупал болгарские сигареты у спекулянта Крошкина Василия Ивановича. Его и спекулянтом назвать язык не поворачивался. В магазинах сигареты из Болгарии в свободной продаже были не всегда, зато у Василия Ивановича в любое время дня и ночи можно было купить «Шипку», «Пчелку» или «Джебел», переплатив за пачку всего... одну копейку. Но много ли на копейках заработаешь?

Наблюдательный студент не раз замечал, что к барыге часто приходили с тяжелыми чемоданами личности с бегающими глазами. Судя по весу,

в чемоданах был отнюдь не легкий болгарский табак, а кое-что посущественнее.

Как-то под вечер у частного дома Крошкина остановилась машина с будкой, на которой было написано «ХЛЕБ». Сигналить не стали, зачем привлекать лишнее внимание. Из кабины выбрался чернявый молодой человек приятной наружности, опрятно одетый, и постучал в калитку. На стук вышел хозяин, который узнал в нежданном госте постоянного клиента, который часто покупал сигареты.

— Что хотите, молодой человек? Вас, кажется, Вадиком зовут? Давненько не навещали дядю Васю! За сигаретами, наверное? Вчера «Лайку» получил.

— Здравствуйте, дядя Вася! Дело у меня к вам. Товар привез.

— Какой товар?

— Посмотрите — оцените. Партия большая. — Гость подвел хозяина к машине и открыл будку.

Глаза у барыги при виде товара сделались квадратными, нижняя челюсть отвисла, а сам он дрожащим голосом выговорил:

— А зачем мне товар? Я по мелочи, по копеечке промышляю. Сигаретки продаю. А с товаром не связываюсь.

Вадим, видя, что барыга насмерть перепугался, решив, что его хотят взять на «фу-фу» и арестовать, попробовал зайти с другого бока.

— Не бойся, дядя Вася! Это конфискат, задержали машину, а хозяина не нашли. Магазин не принял. Не на свалку же выбрасывать. Я сам следователь прокуратуры. Вот удостоверение, — показал Вадим барыге красное удостоверение.

— Да я помню, что ты в юридическом учился. Сам говорил. Но я по копеечке... — опять заныл прохиндей.

— Дядя Вася, не прибедняйся, на копеечки такого дома, как у тебя, не построишь и «Волгу» в гараж не поставишь. А меня не бойся. Я же помню, что к тебе шустрые дяди с большими чемоданами ходили. А в чемоданчиках не сигаретки были! А что? Ты хорошо знаешь. Если бы я хотел, то и без подставы тебя прижал бы. А я с товаром приехал, как к солидному человеку, а не к копеечному коробейнику. И зачем мне с перекупщиками заниматься, когда поважней дела есть? Убийства, изнасилования. Не телись, а говори, берешь товар или нет. Не хочешь, найду другого покупателя. Это не проблема. Я к тебе по старой дружбе причалил, а ты жмешься, как невеста на выданье.

— Да оно, так сказать, и хочется и колется... Тебе я хочу поверить, а вдруг ты не тот, за кого себя выдаешь. Я куплю товар, а ты меня за шкирку и на нары.

— Опять двадцать пять! Не хочешь, как хочешь! — обрезал гость и, намереваясь залезть в кабину, крикнул водителю: — Поехали, Сергей! Здесь нас не поняли!

— Погоди, Вадик! Давай товар, возьму грех на душу. Расчет после реализации. Предоплата пятьдесят процентов. Мои тридцать — после продажи. Такова такса. За меньше не возьму. Извини.

— Это деловой разговор, Василий Иванович! Хоть ты и не Чапаев, но смелый человек...

— Кто не рискует, тот...

— Не пьет шампанское! Правильно мыслишь, Василий Иванович. Торговаться не буду. Тридцать так тридцать. Как товар оценим? Товароведа, надеюсь, звать не будем?

— Зачем? Я сам товаровед по специальности. А на товаре ярлыки и бирки имеются. Определить стоимость никакого труда не составит. Но за оценку комиссия пять процентов от цены.

— Нуты и барыга, Василий Иванович. Переписать ценники — пять процентов?

— А считать, умножать надо. Опять же ткань

мерить...

— Мерить ты потом будешь, а сейчас прикинем по ярлыкам. Гони бабки и торгуй. Все равно ведь на товар наценку пять процентов сделаешь. Не так ли? Но это уже твои дела. Наваришь — я не против. Мне мое отдай.

Серый с барыгой выгрузили весь товар в гараж. Машину пришлось на время выгнать. Крошкин поколдовал с ручкой и блокнотом, пощелкал счетами, отсчитал крупную сумму денег и передал толстую пачку купюр, перетянутых резинкой прямо в руки продавцу.

— Через месяц жду вас за полным расчетом, — предупредил барыга. — Будет товар — везите.

— Ты это продай, деловой, а там посмотрим, — ответил Вадим, попрощался с хозяином, сел в кабину и уехал.

Спустя несколько дней Арканов собрал воровскую сходку на квартире у Зеленого.

— Мы, друзья мои, банда, — начал главарь издалека, — а какая банда без оружия? Скажите мне?

— А на кой хрен нам оружие? По мокрым делам мы не договаривались, — подал голос Мудя.

— Да, оружие нам ни к чему, — поддержал Митрохина Серый. — Я так думаю.

— Ты думаешь не тем местом, Алешенька, ка-

ким думать положено. Задним местом ты кумекаешь, а не головой, — возразил главарь. — Оружие нам нужно на всякий случай. Не обязательно мочить всех подряд. Вы и без пушек сторожа на тот свет чуть не отправили. Но не об этом разговор. Оружие всегда может пригодиться, и с ним спокойнее на дела ходить. Так что надо нам достать пистолеты, на первое время хотя бы два...

— А где ты их достанешь, Вадим Петрович? — возразил Вил-кин. — Война давно кончилась, и все оружие давным-давно пособирали. На дороге не валяется, а в магазине не продается.

— Не умничай, Серый, а ты, Валера, собирайся, — пахан посмотрел на Зеленкина. — Завтра поедешь в Махачкалу. Билеты на поезд я тебе уже купил.

— А почему я? Что я, рыжий, что ли? — возмутился Зеленый.

— Потому что ты, Валера, имеешь опыт, знаешь воровской мир, а Мудя и Серый в этом деле профаны и ничего не достанут.

— А почему в Махачкалу, а не в Ереван, например? — поинтересовался Зеленый.

— Потому что в Ереване торгуют армянским коньяком и модными штиблетами, а они нас не интересуют. А вот в Махачкале на рынке можно

не только пистолет или автомат купить, но и черта рогатого, были бы деньги. Вот, Валера, деньги на оружие и на расходы, а также билет. Возьми с собой самое необходимое. На месте раскинешь мозгами, прикинешь хрен к носу и сообразишь, где и как купить два пистолета и обоймы с патронами к ним. В случае провала пеняй на себя. Нас ты не знаешь, а мы тебя на зоне не забудем, передачу сгондобим, — напоследок черным юмором пошутил Арканов.

На следующий день Зеленкин Валерий с маленьким чемоданчиком в руке садился в плацкартный вагон пассажирского поезда Саратов — Ростов, где предстояло сделать пересадку на Махачкалу. Соседями оказались дед с бабкой, которые приезжали в Саратов проведать внучку, и вертлявый парень по имени Костя, у которого на запястье левой руки было выколото имя и змейка, обвившая крест.

Рыбак рыбака видит издалека, и Валера быстро познакомился с ростовским вором, который ко всему оказался довольно общительным и разговорчивым попутчиком. На столе по мановению волшебной палочки молитвами Константина нарисовалась бутылка водки «Московская» и плавленый сырок. Два стакана дала проводница,

а добрые старики выложили хлеб и сало, хотя сами пить отказались:

— Мы свое уже выпили, ребятки, — как важную новость сообщил дед, — а вы берите хлебушек, сальце, закусывайте, не стесняйтесь...

— Но и меру знайте, — по женской привычке буркнула бабка и прилегла на нижнюю полку.

Водка быстро развязала мужчинам языки. Когда бабуля задремала, дедок не выдержал и, приложив палец к губам, хитро посмотрел на попутчиков, затем налил себе треть стакана спиртного и залпом, как старый вояка, выпил жидкость щербатым ртом. Потом взял ломтик сала, кусочек хлеба и стал медленно жевать, ощущая в груди приятно разлившееся тепло.

Водка быстро кончилась, и добрый дед Игнат достал из сумки банку маринованных огурцов и кольцо колбасы, приятно пахнущей чесноком. К такой закуске, само собой разумеется, требовалась добавка, и на остановке Костя сбегал в ларек и приволок еще два пузыря. Дед Игнат стал разговаривать намного громче обычного, вспоминать партизанские походы, разбудил супругу, которая, ни слова не говоря, погрозила народному мстителю усохшим кулачком.

Зеленкин смутно помнил последние разговоры,

лица собутыльников колыхались в белом мареве, как физиономии привидений в старом замке, а потом и вовсе пропали, как испарившийся туман. Валера помнил только, что он предусмотрительно положил свой чемоданчик, в котором находилась крупная сумма денег, а также электробритва и другие мелкие, но нужные в дороге вещи, под подушку. А потом провалился в бездонную яму, где черти пили водку, закусывали салом и маринованными огурцами. Старый леший с большими рогами говорил, что он партизан, и рвался в бой с ненавистными фашистами. Но его не пускала кикимора и грозила лешему костлявой рукой, в которой был зажат браунинг.

Наутро его растолкал бывший партизан:

— Вставай, сынок, скоро Ростов, приехали!

Бабка собирала постельное белье, при этом старая перечница ворчала на мужа:

— Старый хрыч. Нализался надысь. Меры не знаете...

В голове у Зеленкина гудело, что-то щелкало, во рту ощущалась сухость. Кости нигде не было видно.

— А где Костя? — спросил Валера у Игната.

— Так я его утром и не видал, — ответил дед. — Может, в Батайске вышел.

— Под утро я плохо спала, — дополнила бабка, — видела, что он с чемоданчиком пошел в сторону тамбура. Я подумала, наверное, приехал.

— С чемоданчиком?! — воскликнул Зеленкин. — Так у него же сумка была! — Острая мысль страшной догадки пронзила похмельный мозг. Валера посмотрел под подушку — его чемоданчика там не было. Не было его нигде. — Упер, гад, чемодан упер! — срывающимся голосом воскликнул пассажир, потрясая в воздухе кулаками.

Это называется «вор у вора дубинку украл». Но Валере было не до прибауток. Умыкнули деньги. Сорвалось важное дело. Аркан намылит шею, и еще неизвестно на какие шиши возвращаться назад. И этого делать никак нельзя. А что делать?

С больной головой и в расстроенных чувствах Зеленкин вышел на полупустой перрон конечной станции. От безысходности и трагичности случившегося хотелось завыть бездомной собакой. Зеленкин стоял истуканом на платформе, не зная, что предпринять. Мимо просеменили дед с бабкой, посочувствовали. А чем могло помочь бедолаге это сочувствие? Ничем!

И вдруг! Что это? Валера увидел в толпе пассажиров знакомую нахальную физиономию ростовского вора Кости, с которым вчера в вагоне

пил водку. В левой руке у попутчика находилась сумка, а правой рукой он держал чемоданчик, который Зеленый сразу же узнал. «Мой чемоданчик, далеко не уйдешь, гаденыш!» Зеленкин бросился догонять похитителя и уже почти настиг его. Но в последний момент Костя оглянулся, увидел преследователя и тоже бросился бежать вдоль вагонов. Пробежав сотню метров, вор спрыгнул на пути и стал делать ноги по шпалам, явно не собираясь отдавать краденое.

Валера не отставал от злодея. В последний момент увидел, что тот метнулся в сторону, но сам споткнулся о шпалу и растянулся между рельсами. В десятке метров неожиданно возникла громадина летящего локомотива, готовая раздавить любого, кто окажется на ее пути.

Валера вжался в шпалы и, чтобы не оглохнуть, зажал ладонями уши. Через секунду над ним загрохотали вагоны, которые могли днищем зацепить человека и тут же превратить его в лепешку. Машинист применил экстренное торможение. Раздался ужасный скрежет железа, из-под колес во все стороны брызнули снопы искр, тормозные колодки задымили. Едкий запах гари ударил жертве в нос. От всего этого можно было сойти с ума.

Но Валера выдержал испытание. Когда состав товарняка остановился вдалеке и зеленой змеей вытянулся на путях, он поднялся здоровым и невредимым, без единой царапины. Но его тут же ждало разочарование. Вора с его чемоданом и деньгами уже и след простыл. Злодей ушел из-под самого носа, а денежки на оружие безвозвратно уплыли.

Зеленкин увидел, что к нему бегут люди, а потому от греха подальше, не имея желания с ними разговаривать, смотал удочки. Билет до Махачкалы вместе с паспортом лежал у него в кармане. Возвращаться назад в Саратов резона не было, да и не на что, и Валера благоразумно рассудил: «Надо ехать до места, а там будет видно. Придется грабануть магазин, достать денег, а потом искать стволы».

Зеленкин закомпостировал в кассе билет, дождался поезда и пошел на посадку в свой вагон. Толкаясь в толпе пассажиров, он неожиданно увидел Костю, который садился в соседний вагон. Валеру словно током ударило, но на этот раз он решил действовать осторожнее, чтобы не спугнуть негодяя, у которого в руках была та же сумка, а чемоданчика не было. «Выбросил, сволочь! Деньги взял, а от чемодана избавил-

ся», — решил Зеленкин и, дождавшись, когда вор сядет в вагон, подал свой билет для проверки проводнице. Состав вздрогнул, медленно поплыл от здания вокзала и набрал ход. И только потом Валера пошел в соседний вагон.

Выяснять отношения с ростовским жуликом в вагоне в присутствии пассажиров было глупо, а потому саратовский бандит Зеленкин решил дождаться бывшего приятеля, когда тот выйдет покурить. Других любителей табака в тамбуре не было. И вот дверь скрипнула, и в проеме показалось знакомое лицо Константина.

Валера, не теряя времени, схватил негодника за волосы, притянул к себе и приставил к животу финку, которую всегда носил за голенищем хромового сапога.

— Попался, сволота?! Добегался?! А ну вертай деньги, а то в один момент кишки выпущу!

Для убедительности Зеленый слегка ткнул ножиком и уколол кончиком лезвия ростовского вора. Костя от неожиданности опешил, сильно перепугался, его физиономию исказила гримаса страха, и он, слегка заикаясь, пролепетал:

— Убери нож, Валера! Не бери грех на душу. Бес попутал. Все отдам!

Трясущейся рукой Костя вытащил из кармана

скрепленную резинкой пачку сторублевок и протянул Зеленому.

Саратовский бандит взял деньги и сунул их во внутренний карман пиджака.

— А чемоданчик с вещами где?

— Выкинул, там барахлишко было, ничего ценного, кроме бритвы, но я компенсирую, Валера. На вот, возьми еще стольник, и мы квиты.

— Не хочу мараться о тебя, свинья ростовская, — произнес Зеленкин, беря купюру, — вали отсюда. На первой станции сойдешь, иначе я сам помогу тебе сойти, но тогда можешь без потомства остаться. Понял, гад?!

— Понял, понял, Валера! — подобострастно ответил Костя, у которого душа ушла в пятки, а сам он был рад поскорей избавиться и от денег, и от их хозяина.

Вор угрем скользнул в вагон, взял свою сумку с вещами и покинул состав на первой же станции, а Зеленый поехал дальше в славный город жуликов и спекулянтов под названием Махачкала. Настроение путешественника поднялось, и он не замедлил подлечить больную голову в вагоне ресторане парой рюмок армянского коньяка. А желудок ублажить куском жареной осетрины и бутылкой «Боржоми». Благо до конечной станции

ехать было еще далеко.

В Махачкалу поезд прибыл рано утром воскресного дня, и Зеленкин, не откладывая ответственного задания в долгий ящик, направился на знаменитый на всю страну вещевой рынок-барахолку. Толчок гудел, как пчелиный улей. Тысячи глоток кричали и галдели на разных языках и наречиях, расхваливая свой товар или, наоборот, охаивая его и пытаясь сбить цену. Продавалось все и вся: швейные и патефонные иголки, автомашины, ковры и паласы, немецкие фонарики «Даймон» и презервативы, холодильники и бакинские кондиционеры — БК, всяческая одежда и обувь, восточные сладости, живые бараны и лошади... И многое другое, чего не было или было в большом дефиците в других городах Советского Союза. Не видно было только автоматов и пистолетов. Оружие открыто не продавалось, и купить его можно было только где-нибудь на задворках у торговцев оружием, которые себя не рекламировали.

Среди потных тел юркими ужами крутились карманники, очищая карманы ротозеев. Суетились подозрительные типы со слащавыми лицами. Это сутенеры предлагали по дешевке заезжих проституток со всех концов Союза. Мест-

ные женщины проституцией не занимались. Это было не принято среди мусульман, и проститутку-дагестанку мужчины могли запросто до смерти забить камнями. Среди праздной толпы копошились убогие и калеки в рванье, хватали прохожих за руки и просили милостыню.

Дымили многочисленные мангалы с шашлыком из баранины, люля-кебаб и шаурмой в лаваше. Клубы черного дыма поднимались к небу рваными тучами. Аромат свежего жареного мяса щекотал обоняние и дурманил сознание.

Зеленый первым делом решил выловить на живца карманника и выйти через него на местных воров, а те укажут дорожку к торговцам оружия.

Валера за рубль купил потрепанный кожаный бумажник, сунул его в задний карман брюк так, чтобы верх заманчиво выглядывал наружу. Марвихера долго ждать не пришлось. Молодой парень кавказской внешности в поношенном пиджаке и клетчатой кепке попытался было вытащить портмоне, но тут же был схвачен за руку цепкой пятерней хозяина.

— Не дергайся, фраер махорочный, пойдем в ментовку!

— Не надо, дядя! Я случайно, не сдавай ментам.

Я тебе пригожусь.

— Чем ты можешь пригодиться? Шашлык пожарить? Так его на каждом углу полно. Откроюсь тебе. Я саратовский вор. Приехал по делу. Мне нужны связи. Сведешь меня с местными ворами?

— Какой разговор? Конечно, сведу! Воровской закон — помогать своим. Отпусти руку, больно. Схватил, как клещ!

— Потерпишь! Пусти тебя? И поминай как звали? Так я еще не спросил твоего имени.

— Меня зовут Ахмед, а тебя?

— Валера. Веди, Ахмед, к ворам, — приказал Зеленый, не отпуская руку пленника.

Дагестанец привел Зеленкина в большой каменный дом с огромным садом, в котором росли фруктовые деревья, орешник и виноград.

— Здесь мой дядя Абдурахман живет, — сообщил Ахмед навязавшемуся на его шею незваному гостю. — Он большими делами ворочает и связан с важными людьми.

Во дворе у деревянной будки на цепи сидела большая черная собака, которая внимательно посмотрела на пришедших парней, потянулась, зевнула во всю пасть и, не издав ни одного звука, улеглась на землю.

— Вот даже как? — удивился гость из Саратова. — На Кавказе даже собаки проявляют гостеприимство и не гавкают на незнакомых людей.

— Меня-то Мухтар знает, а ты со мной. Собака умная. Зачем без толку горло драть? — объяснил непривычное поведение псины племянник.

В это время из дома вышел мужчина средних лет, похожий на снежного человека. Его волосатые длинные руки свисали ниже колен, голова и лицо были покрыты густой растительностью, из-под кустистых бровей выглядывали злые глаза. Это был дядя Ахмеда.

Племянник подошел к нему и что-то стал рассказывать, размахивая руками и показывая на спутника.

Йети почему-то выразил недовольство, лицо его исказилось злобой, и он стал орать на племяша хриплым голосом, показывая рукой в глубину двора за собачьей будкой. Зеленый ничего не понял, так как дядя и племянник говорили на родном языке.

Испытать на себе кавказское гостеприимство Валере не пришлось, и то, что произошло дальше, никак не входило в его планы.

Абдурахман жестом подозвал гостя к себе, гру-

бо обыскал его, проверив все карманы, забрал паспорт и толкнул в глубину двора.

— Дядя велел посадить тебя в зиндан, — сообщил Ахмед гостю неприятную новость. Он тебе не доверяет. Опасается, что ты заслан мусорами. Вечером приедет старший брат Абдул, и они решат, что с тобой делать.

Ахмед подвел Зеленого к глубокой яме, обложенной камнем. Вниз вела деревянная лестница.

— Спускайся, Валера. Посиди пока, — приказал дагестанец.

«Начнешь возникать, зарежут, как барана», — уныло подумал Зеленый и спустился в каменный мешок. Лестница тут же юркнула кверху.

Пленник осмотрелся. В полумраке он увидел на полу охапки соломы и рваные лохмотья, похожие на одеяло. Тут же стояло старое цинковое ведро. «Наверное, параша? — догадался Валера. — Такие зинданы, наверное, в каждом дворе имеются. Абреки вместо колодцев нарыли». Больше ничего в яме не было.

Пленника охватило чувство полной безнадеги. «Влип, как кур в ощип! Слава богу — надоумил деньги с собой не брать и оставить в камере хранения. Как чуял, что может плохо все кончиться.

За такие бабки замочить и в арык кинуть для них раз плюнуть». Ничего не оставалось делать, как лечь на солому и укрыться рваньем, так как в яме было довольно холодно. Валера задремал и уснул. Сколько прошло времени — неизвестно. Пленника разбудил громкий голос Ахмеда:

— Эй ты! Держи! Поешь.

Вниз скользнул небольшой сверток, привязанный к веревке. Развернув старые газеты, Валера увидел ломоть черного хлеба и кусок засохшего сыра, а также бутылку холодной воды.

Веревка змеей поползла кверху, а пленник стал жевать хлеб и сыр, запивая водой. Закуска не ахти какая, но голод не тетка!

Сколько еще прошло времени, Валера определить не мог, так как часы забрал хозяин.

Послышался голос Ахмеда:

— Берегись! — Вниз спустилась лестница. — Вылезай! Дядя Абдул приехал. Велели тебя привести.

Разговор состоялся в доме. Дядя Абдул, в противовес брату, ни на гориллу, ни на снежного человека никак не походил. Правда, борода была и у него, к тому же на левой щеке имелся глубокий шрам, но внешность на младшего брата была похожа, как свинья на ежа.

«Наверное, он такой же брат, как я им сват, — подумал Зеленый. — А впрочем, у них кланы и почти все родственники».

Абдул зыркнул на незваного гостя тяжелым взглядом:

— Ну, давай рассказывай, как на лопатник нашего придурка заловил? Давно в ментовке мусорам служишь?

— Какой я мент? Вы что, белены объелись? Я — вор, приехал из Саратова по делу. Мне своих найти надо было. Ходил по рынку, а тут ваш племянник щипнул меня. Я его и поймал. В ментяру же не сдал, а к вам пришел, добровольно, учтите. Много слышал о вашем гостеприимстве, а вы меня в яму посадили. За что?

— Сладко поешь, соловей саратовский, — подал голос Абдурахман и почесал волосатую грудь. — А может, ты специально к нам пришел, и вовсе не добровольно, а по заданию.

— Что-то он на мента не похож, больше на вора, и прописка у него саратовская. Что, наши менты будут из Саратова кого-то вызывать? — встрял в разговор Ахмед.

— А тебя, молодой, никто не спрашивал. Помолчи! — рявкнул Абдурахман. — Ну, допустим, сопляк прав, и ты — вор. Тогда что тебе нужно?

Все на рынке купить можно. Может, тебе наркотики нужны?

Валеру охватили сомнения. Стоит ли связываться с этими приматами? А где других искать? Только время потеряешь. Эти хоть разговаривают, а к другим попадешь — башку отвертят и в пещере похоронят. А в лучшем случае всю оставшуюся жизнь просидишь в зиндане на хлебе, воде и вонючем сыре. Была не была! Семь смертей не бывать, а одной не миновать!

Зеленый пошел ва-банк:

— Наркота меня не интересует. Мне пистолеты нужны!

Братья удивленно подняли кверху кусты бровей:

— И много тебе дур надо?

— Две!

— А автомат с пулеметом тебе не нужен? — захохотал снежный человек, а бородач лишь хмыкнул в бороду и растянул в ехидной улыбке губастый рот.

— Нечего смеяться и лить из пустого в порожнее. Достанете пистолеты — деньги будут на бочке, а нет, то разойдемся по-хорошему. Поищу других продавцов.

— Ты смелый парень, как я погляжу, но условия

здесь будем ставить мы, — угрожающе проговорил Абдул, а Абдурахман в знак согласия покивал лохматой головой.

Ахмед после замечаний старших старался отмалчиваться и лишь незаметно подмигнул Валере, мол, не бзди, парень, гни свою линию, все будет нормалек.

— Ладно! Поверим тебе. Обманешь — пеняй на себя. Найдем — башку, как барану, отрежем и на забор повесим, — пригрозил Абдул.

— Деньги принес? — спросил Абдурахман.

— Я что, на придурка похож? Пойду к вам с капустой? Так капусту вы заберете, а кочан мой на забор повесите! Деньги в надежном месте. Несите пистолеты, и пойдем за деньгами.

— Завтра утром привезу, — пообещал Абдул.

— А мне что? До утра в яме сидеть, что ли? Хороши дела! — стал возмущаться покупатель.

— В яме мы врагов держим и кого не знаем, — ответил Абдурахман. — Ночуешь в доме. Теперь ты свой, гость, — вина выпьешь, шашлык-машлык кушать будешь. Отдыхать будешь. Утро вечера мудренее, как у вас говорят.

Утром на белой «Волге» приехал Абдул, зашел в комнату и выложил на стол что-то тяжелое, завернутое в белую тряпку. Зеленый потянул

было руку к свертку, но Абдурахман ударил его волосатой конечностью по рукам.

— Не торопись, парень! Всему свое время!

— А почем товар? — не сдержав любопытства, спросил покупатель.

— Цена одна: «Макар» (Пистолет Макарова) — кусок, а «Маргоша» (пистолет Марголина) — восемьсот, — сообщил стоимость оружия Абдул. — И плюс к каждой дуре по две обоймы патронов — двести. Всего две тысячи советских рубликов. Желательно не в мелкой купюре.

Зеленый торговаться не стал — Аркан велел брать стволы по любой цене.

Для «фу-фу» покупатель скривил морду, показывая, что «дороговато», но потом махнул рукой:

— Ладно, пойдет, покажите товар! Не кота в мешке... Может, мясорубку завернули?

— За кого принимаешь? Какая мясорубка? Все чисто. Товар новый, в смазке, — Абдул развернул тряпку.

На присутствующих, блестя маслом, смотрели вороненой сталью два новеньких пистолета. Вкупе с ними лежали четыре обоймы с патронами.

— Пошли на вокзал, — сглотнув слюну, предложил гость.

— А чего мы там не видели? — спросил Абду-

рахман.

— Проводите меня, а заодно деньги за товар получите, — ответил покупатель.

Хозяин вернул Зеленому паспорт и часы, но извиняться не стал. Гордость горца не позволила этого сделать.

Мухтар, вместо того чтобы гавкнуть на прощанье и протянуть лапу гостю, проявил полнейшее безразличие и пренебрежение к его персоне. Пес лишь недовольно проскулил и забрался в будку, из которой торчал лишь кончик облезлого хвоста с прицепившимися колючками репейника.

На вокзал провожать гостя из Саратова отправились Абдул с Ахмедом. Абдурахман идти не захотел: что-то голова приболела, да и много чести этому охламону — втроем провожать. Правда, несмотря на это, негостеприимный хозяин налил всем «на посошок» по бокалу красного виноградного вина.

На вокзале Зеленый забрал пистолеты, положил их в купленную загодя сумку, рассчитался с продавцами оружия, после чего пошел в кассу покупать билет.

До Саратова Зеленый добрался без приключений.

В доме на краю поселка собралась вся банда в

полном составе: сам Вадим Арканов, Зеленкин Валерий, Митрохин Алексей и Вилкин Сергей.

Первым делом вернувшийся из командировки Зеленый выложил на стол сверток в масляной тряпке и развернул его.

Мудя хотел потрогать пистолеты, но главарь легонько ударил его по руке: «Не тяни клешню. Сначала я посмотрю», — и взял в руки «Макаров».

Повертел опасную игрушку:

— Хороша штучка! Молодец, Зеленый. Задание выполнил. Премию получишь, но смотри не пропей...

— За кого держишь, Вадим Петрович, я же не Мудя...

Валера не успел договорить, раздался выстрел, и пуля попала Митрохину прямо в лоб. Он замертво свалился со стула на пол, а из дырки брызнул фонтанчик алой крови.

От неожиданности все вздрогнули и на время потеряли дар речи.

Вадим, не зная о том, что пистолет заряжен, нечаянно нажал на курок.

Продавцы оружия продали пистолеты со снаряженными магазинами с патронами, о чем не знал даже Зеленкин.

Первым пришел в себя шеф.

— Ты что же, мудило, — обращаясь к Зеленому, крикнул он, — не предупредил, что стволы заряжены?!

— Так я и сам не знал, — пролепетал Валера, — чурки продали по два магазина с патронами, а то, что дуры заряжены, не сказали.

— Идиот! Проверить надо было! — в ярости крикнул следователь.

Вилкин сидел ни жив ни мертв. Он еще толком не понял, что произошло.

Мудю закопали в овраге недалеко от места проживания Зеленого. Креста в таких случаях воры не ставят. У Митрохина родственников никого не было, и искать его было некому.

Но помянуть мертвого — дело святое, и шеф разрешил Зеленому сбегать за поллитровкой.

— Был Мудя, и нету Муди... — произнес главарь философскую фразу. Все, не чокаясь, выпили по полстакана водки.

Жизнь продолжалась, кражи из магазинов не прекращались, преступников не находили. Бандиты под прикрытием оборотня в прокурорской форме безнаказанно вершили свои черные дела. Но до поры до времени. Сколько веревочке ни виться, а конец будет!

Следователь областной прокуратуры Родионов Нил Маркович печатал постановление об эксгумации трупа гр-на Митрохина. В это время в кабинет зашел районный прокурор Анисимов:

— Ну что, Нил Маркович, заканчиваете дела по банде этого проходимца?

— Да, разберусь с убийством Митрохина, и дело пойдет в суд. Все сознались.

— А что им оставалось? Улики неопровержимые, все доказано...

— Я тут, Борис Иванович, делал обыск на квартире Арканова, в тайнике нашел два пистолета и вот эту схему, — следователь развернул перед прокурором ватманский лист, расчерченный непонятными линиями и значками. — Что бы это могло значить?

Анисимов внимательно посмотрел на чертеж, очень удивился и медленно произнес:

— Ну и дела... Это же схема нашего банка... Выходит, негодяй готовил ограбление, все продумал до мелочей, подходы, запоры, сигнализация... Да-а-а... А ведь это могло быть вполне реально! Если бы не взяли бандитов вовремя, то они точно бы ограбили банк!

— Этот эпизод надо отработать. Я допрошу по нему Арканова. По всему видно, что он поплыл и

скрывать ничего не будет. У него есть еще один повод похвалиться, показать свое неповторимое я. Вадим такой возможности не упустит.

Вчера умерла его мать. Материнское сердце не выдержало удара судьбы. Мне трудно сообщить об этом Арканову. Пусть это сделает кто-нибудь другой.

Спустя некоторое время Родионов закончил дело. На столе лежали два увесистых тома дела по банде Арканова.

Нил Маркович тяжело вздохнул, устало потянулся. За окном поздняя осень, оставив позади бабье лето, брала бразды правления природой в свои руки. Струи дождя хлестали по оконному стеклу, навевая грустные мысли.

Саратовский областной суд приговорил Арканова Вадима за бандитизм, убийства и изнасилование к высшей мере наказания, а членов банды Зеленкина Валерия и Вилкина Сергея к большим срокам лишения свободы.

ЭПИЛОГ

Дело по банде Арканова за № 236 по прошествии определенного времени по просьбе ректора Саратовского юридического института профессора Познанского из архива областного суда было

направлено в музей указанного учебного заведения.

Туда же были переданы все вещественные доказательства, в том числе лопата, веревка-удавка и два пистолета.

Тома уголовного дела и по сей день хранятся в музее.

Но доступ к ним ограничен. Посмотреть могут только студенты, будущие юристы и работники правоохранительных органов.

В свое время это удалось сделать автору этих строк, что явилось основой для написания этой печальной истории.

После вышеописанных событий в городе Вольске ходил прилично одетый бомж в синем костюме, похожем на форму лесника, с форменными блестящими пуговицами.

Этот бродяга всем говорил о том, что он прокурор города и со слезами на глазах спрашивал: «Вы не видели моего сына? Я ищу своего сына! Скажите мне, где мой сынок?»

Люди шарахались от этого странного бомжа, как от чумного, а стражи порядка его не трогали. Они знали о том, что странный человек говорит правду.

Константин КРИВЧИКОВ
ЛИСЬЯ УСМЕШКА

Константин КРИВЧИКОВ

ЛИСЬЯ УСМЕШКА

Темные тени при свете луны мечутся, прячутся — время настало. Призраки ночи врываются в сны лисьей усмешкой и волчьим оскалом...

Длинные седые волосы, худое лицо с выступающими скулами, быстрый и цепкий взгляд исподлобья. Он производил впечатление очень уставшего, постоянно находящегося в сильном напряжении человека.

— Эта печальная и таинственная история началась около полувека назад в нашем городе. — Старик тяжело вздохнул и продолжил: — В одной солидной торговой фирме работал продавцом молодой мужчина — Якусити Оура. Заслужив трудолюбием и сообразительностью доверие хозяина фирмы Нацумэ, не имевшего сыновей, он со временем стал ближайшим помощником коммерсанта.

К тридцати годам, скопив небольшой капитал, Якусити начал подумывать о женитьбе. Была у него любовница — рыжеволосая красавица Таэко, молодая вдова, темпераментная и ласковая, но уж больно взбалмошная. Это немного раздражало и даже беспокоило флегматичного и суеверного Оуру. Рыжие, с медным отливом, волосы редко встречаются у японцев, и по поверьям их обладатели вспыльчивы, агрессивны и опасны. Тем

не менее Таэко нравилась Оуре, да и привык он к ней за несколько лет близких отношений. Дело потихоньку двигалось к свадьбе.

И тут Якусити послали по делам фирмы в Токио. Там в это время в университете заканчивала учебу дочь Нацумэ — Сино. Хозяин поручил помощнику передать дочери небольшую посылку. Оура встретился с Сино в кафе, они познакомились, пообщались... А дальше события приняли неожиданный оборот. Чувство между симпатичным молодым человеком и обаятельной девушкой вспыхнуло внезапно, как загорается сухой тростник от маленькой искры. Пока Оура находился в Токио, он все свободное время проводил с Сино, до такой степени их тянуло друг к другу. Расставшись, влюбленные начали переписываться, и вскоре Оура понял, что не может обходиться без Сино.

Как порядочный мужчина, Якусити явился к любовнице и все ей честно рассказал. Таэко, придя в бешенство от вести об измене любовника, разъяренной тигрицей набросилась на него, едва не выцарапав бедняге глаза. Напуганный вспышкой ярости, Оура поклялся себе больше никогда не встречаться с неуравновешенной женщиной.

Между тем, возвратившись после окончания

университета домой, Сино сообщила о своих чувствах к Оуре отцу. Тот сначала рассердился, но потом, обдумав ситуацию, решил — Якусити будет хорошим зятем. Тем более что Нацумэ, расширяя бизнес, хотел открыть филиал фирмы в другом городе. Расчетливый торговец выдал дочь за своего помощника и вскоре отправил Оуру, ставшего членом семьи, руководить филиалом в город Катояма. Сино, естественно, последовала за мужем.

Через год у молодых родился мальчик, спустя еще два года Сино подарила мужу девочку. И тут, ранней весной, заболела мать Сино. Видя, как жена переживает, Оура отпустил ее вместе с маленькой дочкой погостить к родителям.

Минуло несколько недель, мать выздоровела, и Сино с ребенком отправилась назад к мужу.

Поезд на станцию прибывал утром, и Якусити приехал на вокзал, чтобы встретить родных. Порывами дул сильный ветер, принося от близкой реки, где только что сошел лед, пронизывающую сырость. Оура мерз в ожидании поезда, нахохлившись и спрятав руки в карманы прорезиненного плаща. Его немного удивило, что на перроне, рядом с ним, топчутся, пытаясь согреться, трое полицейских. Едва состав остановился, предста-

вители закона торопливо поднялись в вагон, а проводник остался у двери, загораживая проход.

— В чем дело, уважаемый? — спросил Оура. — Почему нет пассажиров? И зачем здесь полицейские?

— Ох, господин, большая беда случилась, — ответил проводник. — Вчера, поздно вечером, в Сато к нам в вагон села молодая женщина с маленькой девочкой. Рано утром, перед станцией, я зашел к ним в купе, разбудить, и застал ужасную картину: мать и дитя были мертвы.

— Мертвы? — переспросил Оура, побледнев.

— Точнее, их кто-то убил. Задушил шарфом во время сна. Я, разумеется, немедленно доложил начальнику поезда, который и предупредил по рации полицию. Теперь состав задержат, а из вагона никого не выпустят, пока не опросят всех пассажиров. А вы кого-то встречаете?

Якусити молча кивнул головой — горло будто сдавило обручем. Проводник внимательно посмотрел на встревоженного мужчину и воскликнул:

— О, простите, неужели это ваши близкие?

— Да, — еле слышно вымолвил Оура. — Видимо, то моя жена и дочь.

Внезапно в вагоне раздался шум. Затем на

перрон рыжей змеей выскользнула небольшая лисица. Крутнувшись на месте, проворный зверек прыгнул на рельсы и исчез под вагоном. Несколько секунд спустя в тамбуре появился толстый полицейский.

— Вы видели? Где она? — спросил полицейский, отдуваясь.

— Убежала, — проводник махнул рукой. — Откуда здесь взялась лиса?

— Вы у меня хотите узнать? — ехидно процедил блюститель порядка. — Сами ничего не понимаем. Опрашивали пассажиров, подошли к купе, где, согласно билету, должна была ехать одинокая женщина. Открыли дверь — оттуда выскочила эта рыжая бестия, а девицы нет. Чудеса, да и только... Она могла раньше сойти?

Железнодорожник, сдвинув на лоб форменную фуражку, с озадаченным видом почесал затылок:

— Не знаю... Билет она купила до самого Токио, поэтому я к ней в купе не заглядывал. А за ночь было несколько остановок... За всеми пассажирами на стоянке не уследишь.

— Внимательнее надо к обязанностям относиться, — пробурчал толстяк.

Проводник невольно вытянулся в струнку, выпрямив позвоночник. Затем тронул поли-

цейского за рукав и, показав глазами на Оуру, услужливо доложил:

— Вот, господин полицейский, этот мужчина встречает жену и маленькую дочку. Ну, вы понимаете...

На широком лице полицейского появилась гримаса, очевидно призванная выразить сочувствие. Он покосился на Якусити и неуверенно протянул:

— Хорошо... То есть хотел сказать — трагедия, конечно... — снова запнулся. Махнул рукой. — Короче, вам необходимо посмотреть и опознать... э-э, тела.

Вслед за полицейским Оура поднялся в вагон. Заглянув в купе, сильный и здоровый тридцатипятилетний мужчина едва не потерял сознание. Ведь всего около месяца назад, на этой же станции, он провожал горячо любимых Сино и малютку. Тогда казалось — разлука будет недолгой. Оура вспомнил, как на прощание поцеловал кроху в носик, и по его щекам потекли слезы. Проводник принес стакан воды. Все было ясно без слов.

Тонкую и нежную шею Сино удавкой перетягивал розовый шарф.

— Кажется, я догадываюсь, кто мог их убить, —

тихо произнес раздавленный страшным горем муж и отец. — Такой шарф, — показал на шею жены, — был когда-то подарен мною женщине по имени Таэко.

— Вы полагаете, что эта женщина способна на такое жестокое преступление? — недоверчиво спросил старший полицейский.

— Мне трудно в это поверить, — выдавил из себя Оура. — Когда-то я ее любил. Но сейчас мне кажется, что Таэко способна на любые поступки под воздействием гнева. Кроме того, я слышал, что в одном из купе ехала молодая женщина. Потом она исчезла. Как она выглядела?

— У нее были рыжие волосы, — сообщил проводник.

Оура взволнованно посмотрел на полицейских, кивнул головой:

— И Таэко — рыжая. Я даже называл ее «моя лисичка».

— Вы знаете, где она может находиться? — поинтересовался полицейский.

— Я давно с ней не виделся. Но жила она в Сато. Я уже не помню точно адреса, но могу показать на месте.

Якусити и полицейские ближайшим поездом выехали в Сато. Очутившись в городе вечером

того же дня, они сразу направились в дом, который указал Якусити. Там выяснилось — квартиру Таэко давно снимают другие люди. Соседка, пожилая женщина, сообщила, что Таэко погибла еще несколько лет назад, прыгнув с моста в реку. Труп так и не нашли.

— Вы не уточните, когда это произошло? — в возбуждении спросил Оура.

— Четыре года минуло с той весны, — подумав и посчитав на пальцах, ответила женщина.

— Как раз тогда, когда я справлял свадьбу, — пробормотал себе под нос бывший любовник.

— Последние дни перед гибелью она вела себя словно помешанная и постоянно говорила о страшной мести, — добавила соседка.

— Я понял, кто совершил убийство, — юрэй[1] Таэко! — воскликнул Оура. Глаза его лихорадочно блестели.

Полицейские переглянулись между собой: да, от горя несчастный совсем потерял голову.

— Мы очень сочувствуем вам, Оура-сан, — заметил старший полицейский. — Но мы не можем возбуждать уголовное дело против призрака.

---

[1] Примечания: 1

Юрэй — душа умершего человека; призрак человека, в момент смерти лишенного покоя (внезапная смерть в результате убийства, гибели в сражении или самоубийства).

Поймите, в наши дни такое суждение — очевидный предрассудок. Лучше забудьте о нем. Мы приложим максимум усилий, чтобы поймать настоящего убийцу.

Но, увы, все розыски оказались тщетны.

Рассказчик замолчал. Последние слова дались ему с заметным трудом. Они сидели втроем в беседке около буддийского храма, на ступенях которого и разговорились: супружеская пара из Германии (японисты Эльза и Курт), собирающая материалы для книги о японском фольклоре, и старик в белом обветшалом кимоно.

— А дальше? — наконец не выдержал Курт. — Что стало с Оурой, его маленьким сыном?

Старик поднял выцветшие глаза:

— Что дальше? Оура похоронил жену и дочь. Затем написал записку родителям Сино, где попросил их заботиться о внуке. После этого пришел на кладбище и покончил с собой.

— Какой ужас! — поразилась Эльза. — Но зачем он так поступил?

— Во-первых, он чувствовал глубокую вину за смерть близких. Во-вторых, Оура был убежден: жену и дочь задушил юрэй Таэко. Зная мстительный характер любовницы, Оура считал — она не остановится, пока не убьет и сына. Обычный

человек не может бороться с привидением. Поэтому, желая защитить мальчика, находящийся в отчаянье отец решил сам стать призраком, совершив самоубийство... С тех пор уже более полувека две неупокоенные души мечутся каждую ночь, карауля друг друга: Оура — в образе волка, Таэко — в образе лисы. Чаще всего их замечают на кладбище, иногда — на берегу реки.

— А про оборотней вам откуда известно? — с недоверчивой улыбкой спросил Курт. — Неужели сами видели?

— Здесь многие видели, — собеседник показал рукой на храм. — Река там, сразу за кладбищем.

— И сколько подобное может продолжаться? — продолжал допытываться Курт. — Призраки когда-гнибудь успокаиваются?

— Кому про то ведомо? Возможно, душа Оуры получит покой, когда своей смертью умрет его сын. О Таэко — не могу гадать.

— Да-а, этак всю страну привидения заполнят.

— В Японии действительно много призраков, — словно не замечая иронии, ответил старик. Почти неподвижное, иссеченное морщинами, мертвенно-бледное лицо напоминало гипсовую маску. — А сейчас, простите, мне надо идти. Скоро стемнеет.

Они попрощались. Старик медленно двинулся к воротам. Длинные полы кимоно стелились по плитке, скрывая ступни, и казалось — мужчина не идет, а плывет над дорожкой.

— Странная мысль, Эльза, для профессора лингвистики и убежденного скептика, но иногда я готов поверить в существование потусторонних сил, — поглаживая резную голову дракона, венчающую балясину, с недоумением пробурчал Курт.

— Ничего странного, дорогой муженек. Сколько раз тебе повторять: у скептиков нет убеждений, но рано или поздно каждый скептик задумывается о душе. Возможно, ты уже дозрел до этой стадии? — Жена отреагировала с ехидцей и незамедлительно, будто продолжая старый спор.

Она прослушала кусочек аудиозаписи и, удовлетворенно кивнув, засунула диктофон в сумочку. Достала сигареты и вдруг хлопнула себя ладонью по лбу:

— Мой Бог, мы не выяснили, как его зовут.

— Сие настолько важно? — погруженный в свои мысли, муж отозвался не сразу и с заметной неохотой.

Эльза укоризненно покачала головой:

— Курт, мы же ученые, а не беллетристы какие-нибудь. Кстати, и сфотографировать его не

мешало бы. Опять ты забыл.

— Не переживай. Сейчас спросим у служителей храма, старика здесь должны знать.

Муж выглянул из беседки. Вечерело. Темно-розовое, с медным отливом солнце присаживалось на верхушку близкой горы. На небольшой площади почти никого не было, кроме нескольких праздных туристов, и лишь в стороне, у клумбы, поливала рассаду из маленькой лейки худенькая старушка. Супруги подошли к ней.

— Извините за беспокойство, — начала Эльза. — Мы только что разговаривали здесь вот, в беседке, с пожилым человеком. Высокий, седой, в белом кимоно, почти таком, как у вас. Наверное, монах. Может быть, вы его знаете?

— Как его имя? — рассеянно поинтересовалась японка.

— В том-то и дело — мы не спросили.

— Здесь бывает много монахов-паломников. — Старушка поставила лейку на дорожку и выпрямилась. — О чем у вас шла речь?

— Мы ученые, собираем фольклор: всякие предания, сказания. — Эльза приветливо улыбнулась, но японка не отреагировала, сосредоточено слушая. — Монах рассказал очень интересную историю, настоящий квайдан о жестокой мести.

Призрак покинутой любовницы убил жену и дочь одного мужчины.

— Как звали мужчину? — в голосе собеседницы появилось любопытство.

— Якусити Оура. Так вы нам поможете?

— Я, кажется, догадываюсь, о ком вы говорите. — Старушка хитро посмотрела на иностранцев, и по ее узким лисьим губам скользнула злая усмешка. — Бедняга тронулся умом после гибели жены и дочери. Не советую вам его искать.

— Но почему?

— Потому что он еще никому не рассказывал свою историю дважды.

Резко оборвав разговор, старушка взяла лейку и засеменила по дорожке. Через несколько мгновений ее сгорбленная фигурка растворилась в наступивших сумерках...

Внезапно со стороны кладбища раздался волчий вой. Тоскливый и угрюмый, он разносил по воздуху неизбывную печаль и пронзительный холод вечного одиночества.

— А все-таки, моя дорогая, загадочные они люди, эти японцы, — задумчиво произнес Курт и поежился. — Для меня их острова слишком обитаемы. Пожалуй, в гостинице я выпью немного водки.

...Поздний прохожий — домой поспеши. Зря ты плутаешь порою ночною. Шорох услышал — замри, не дыши. Призрак стоит за твоею спиною.

Андрей ИВАХНЕНКО
ВЫРОДКИ

Андрей ИВАХНЕНКО

ВЫРОДКИ

Утро только-только начинало завоевывать свои позиции, и над двором еще стлался разбавленный белесой дымкой сумрак. Легкий ветерок одиноко блуждал в сонной листве тополей, готовых со дня на день разродиться надоедливым пухом, а чистые небо и воздух обещали свежий, не слишком жаркий день.

Вероника Алябьева проснулась ублаготворенной. В открытое окно врывались отдохновенная прохлада и предрассветное пение птиц. По телу растекалась томная нега, на сердце — бесконечное благодушие. Она с наслаждением вытянула красивые загорелые ноги, повернула голову направо. Максим лежал на спине; глаза его были закрыты, лицо — спокойно. Спит или уже проснулся и теперь притворяется?

Внезапно Вероника ощутила острый приступ голода. Вчера они довольствовались лишь фруктовым салатом да бутылочкой легкого вина — не густо. А потом началось...

Снова и снова в мыслях она переживала те моменты, когда ей приходилось то опускаться в бездну ожидания, то взлетать к вершинам плотского блаженства. Чувствовать на себе сильные, а порою робкие прикосновения Максима, снова подниматься на самый пик вожделения и опять

катиться в пропасть и ждать, что тот, главный, миг обязательно вот-вот наступит...

Теперь Веронике нестерпимо хотелось есть. Она осторожно коснулась плеча Максима — он мгновенно открыл глаза, посмотрел на нее совершенно ясным взглядом. Притворялся все-таки! И Вероника, наморщив носик, прошепелявила, подражая маленькой капризной девочке:

— Куфать хотется, милый.

— Любой каприз, родная! — От откинул простыню и, как был — в чем мать родила, — зашлепал на кухню. Алчущим взглядом Вероника проводила его изящный, но мощный тыл и закрыла глаза. Задумалась.

Владик — супруг — конечно, замечательный, но что он может дать ей, двадцатисемилетней женщине, кроме счета в банке, нескольких богатых шуб и кое-каких драгоценностей, — ничего! А Максим хотя и небогат, зато регулярно дает ей почувствовать себя *женщиной,* а не богатой старой девой. Естественно, она ни в коем случае не станет уходить от Владислава, она любит его — пусть даже по-своему, но любит, — однако и Максима ей терять ни за что нельзя. Где еще она добудет себе в любовники такого видного мужчину! Кто еще с такой страстью и нежностью

будет возносить ее к вершинам экстаза в каждое их свидание! Благо, Владик в последнее время увлекся слиянием каких-то там компаний (Вероника ни чёрта в этом не смыслила), и у них с Максимом появилось достаточно свободных денечков. Владику же она всегда может сказать, что проводила выходные у подруги (хотя Влад даже не догадывался, что подруг у Вероники отродясь не бывало).

Вот сейчас Макс притащит сюда что-нибудь вкусненькое, они набьют свои животики — и снова в объятия друг друга. В неистребимой похоти она открыла глаза...

Ее телефон запиликал неожиданно — муж! Она схватила трубку, ответила без приветствий:

— Ты уже приехал?

— Пока что нет — подъезжаю. — Владик не признавал самолетов и путешествовал только поездами. — Что с нашим телефоном? Он молчит уже полчаса.

Ответила Вероника тоном слегка провинившейся женушки:

— Знаешь, меня что-то бессонница измотала — решила выйти пройтись. Такая погода стоит чудесная — не могла отказать себе в удовольствии... Ну что ж, бегу домой. Или ты сразу на

работу?

— Нет. — Добрая усмешка. — Работа сегодня подождет, я по тебе соскучился, дорогуля.

— Мне на завтрак приготовить что-нибудь?

— Не нужно. Приготовь себя (Вероника все равно не умела готовить ничего, кроме яичницы) — и жди. Я буду через час. Целую. — Влад повесил трубку.

Так... Завтрак с Максимом и все остальное — тоже с ним — отменяется. Ей срочно нужно собираться встречать супруга.

Полностью одетая, Вероника лишь чмокнула в щеку стоявшего у плиты Максима, объявив, что через час прибывает Влад. А через несколько секунд, даже не потрудившись захлопнуть за собой дверь, уже стремглав неслась вниз по лестнице.

Подождав, покуда стихнут ее шаги, Максим шумно и с облегчением вздохнул. Он выключил газ, закрыл входную дверь и проследовал в спальню, где в полный рост рухнул на кровать.

Наконец-то, думал он, в удовольствии потягиваясь. Наконец-то эта набитая дура оставила его в покое. Правда, надолго ли? Надо срочно что-то предпринять в отношении нее. Тем более на горизонте забрезжило настоящее сокровище — намного моложе этой престарелой матрешки

и, что более существенно, не по годам оригинальнее, умнее. С той — другой — Максу хоть было о чем поговорить, и не только во время постельных утех. А у Вероники на уме один лишь секс, плюс — бесконечные восторги относительно кулинарных способностей ее ненаглядного, то бишь Макса. Да еще взяла себе за правило будить его ни свет ни заря, чтобы завтраки он ей готовил, продукты на нее переводил! Правда, не вспомнил сегодня Максим (да он никогда о том и не вспоминал), что все продукты в холодильнике, равно как и сам холодильник, куплены целиком и полностью на ее деньги.

Нет, с нею определенно надо что-то решать — надоела пуще горькой редьки! От нее и в постели-то толку чуть. Бедрами двигает чересчур равномерно, даже методично — уснуть недолго, стонет — так себе стонет, оральный секс... а впрочем, и здесь она не на коне. Словом — посредственность. Причем глупая и пустая посредственность.

Что же ему делать с Вероникой? Убить? Последнюю мысль Макс отбросил, не успев и подумать о ней как следует. Не в его это было стиле, да и в тюрьму совсем не горелось.

И тут возникла мыслишка, до того абсурдная,

что сначала Макс засмеялся в голос, но неожиданно осекся: а почему бы и нет, черт возьми! Ему это не грозит ни потерей жизни или порчей здоровья, ни другими неприятностями, а вот если повезет, то заработать на этом можно будет очень даже кругло. И думать над затеей нужно начинать безотлагательно — усиленно думать...

Вероника едва успела переодеться и поставить сковороду на плиту, когда уловила шум мотора за воротами их особняка, услышала, как захлопнулась дверца автомобиля. Такси! Приехал Влад. Она бросилась к двери, улыбаясь радостно, искренне. Чего греха таить, она действительно успела соскучиться по его присутствию, ей нравилось находиться рядом с ним. Веронику всегда восхищала его уверенность в себе, способность находить выход из самых затруднительных ситуаций, она обожала (хоть и не всегда понимала) его доброту и отзывчивость к людям. Но страшилась Вероника — и от всего сердца страшилась, — что когда-нибудь захочет стать ему настоящим другом. Ибо при таком раскладе вещей исход предрешен один — ее неутомимому либидо суждено будет зачахнуть на корню. Ну уж нет! Понимающей супругой можно оставаться и не сходясь столь близко в духовном аспекте.

Когда Влад вошел, Вероника бросилась к нему на шею, сильно, почти больно чмокнула в щеку.

— Ты почему на такси? — спросила она с легкой укоризной, наперед зная, каким будет ответ. — Почему водителя не вызвал?

Влад улыбнулся ей своею очаровательной улыбкой (она, вне зависимости от обстоятельств, была у него всегда открытой и обаятельной) и ответил:

— Посмотри на часы, дорогуля. Водитель десятый сон видит, и это при том, что рабочий день у него начинается в восемь ноль-ноль.

Непонимающе пожав плечами (она никогда не могла многого осмыслить в его отношении к жизни, в обращении с людьми), Вероника проговорила:

— Топай принимай душ, а я пока завтрак приготовлю.

— Прости, дорогуля, — это насчет завтрака. Я плотно перекусил в Гороховце, в привокзальной забегаловке. Не смог устоять перед картошкой в горшочках. Прости.

Тут он подхватил ее на руки и понес в спальню...

Через какое-то время, совсем недолгое, Влад со вздохом посмотрел на часы.

— Пора, дорогуля. Пора вызывать водителя. — И он нежно поцеловал ее в ушко.

Когда за ним захлопнулась дверь, Вероника в раздражении повела плечами. Проворчала глухо, но беззлобно:

— Ну, как всегда! Кролик, он и есть кролик!..

Кабинет Владислава Алябьева был просторным и светлым. На его рабочем столе могла бы запросто разместиться футбольная команда вместе с врачом и тренером, если бы не беспорядок — обычный рабочий беспорядок очень занятого человека. Два телефона: один — прямой, с городом, второй соединял с приемной и руководителями отделов. Тут же лежал и мобильный телефон. Как раз на этот мобильный и раздался звонок, выбивший Алябьева из колеи на довольно долгий срок.

Первые несколько минут, пока Алябьев слушал говорившего, лицо его оставалось бесстрастным. После это лицо украсила снисходительно-ироничная усмешка, но по прошествии еще нескольких секунд, когда говоривший отсоединился от линии, а в наушнике раздались гудки, лицо Алябьева стало напоминать гипсовое изваяние — как цветом, так и неподвижностью. Он с силой отшвырнул от себя телефон. Потом сложил

упитанные щеки на кулаки и сидел так очень долго, о чем-то сосредоточенно размышляя. Наконец, придя к какому-то решению, он вызвал секретаршу.

Эллочка — эталон секретаря крупной компании — по-деловому расторопно показалась в дверях, замерла в ожидании указаний.

Взгляд и тон, каким Алябьев отдал распоряжение, привели ее в глубокое замешательство. И никогда еще она не видела своего шефа в таком виде: волосы, уложенные с утра в аккуратную прическу, были теперь взъерошены; обычно розовые, щеки приняли землистый оттенок; широкие, мощные ладони слегка подрагивали.

— Телефонный справочник принеси, — проворчал он. — Да поживее!

— Квартирный или справочник предприятий? — уточнила Элла.

— Предприятий, предприятий... Ну!

Эллочка пулей вылетела из кабинета.

Получив востребованный фолиант, Алябьев принялся лихорадочно перелистывать его желтые страницы, покуда не нашел то, что искал. Он снял трубку, подождал, пока там ответили, и договорился о встрече. А час спустя уже поднимался по ступенькам частного сыскного агентства

«Pink'Er'Ton».

Принял его владелец агентства, отрекомендовавшийся как Иннокентий Викентьевич Сластин. Любой на месте Алябьева окрестил бы Сластина альбиносом — так же поступил и Алябьев, поскольку другого определения своей внешности Сластин попросту не заслуживал. Это был субтильного сложения мужчина, около тридцати, с глубоко посаженными покрасневшими глазами. Создавалось впечатление, что Сластин не спит уже третьи сутки, но впечатление было ложным. Сластин не мог позволить себе такой «роскоши» и спал положенные восемь часов, а порой и того больше. Его льняные немытые волосы свисали прямыми прядями, а так как Иннокентий Викентьевич не имел обыкновения регулярно посещать парикмахера, ему поминутно приходилось дергать головой, откидывая отросшую челку назад. Самым интересным было то, что Сластину казалось, будто бы головой он дергает с достоинством, но со стороны все выглядело по меньшей мере забавно.

— Итак, чем могу? — Дежурный вопрос этот Сластин адресовал Алябьеву, завидев того на пороге, и взглядом предложил присаживаться. — Устраивайтесь поудобнее, — добавил он.

Усевшись в глубокое кресло, Алябьев сказал:

— По телефону вы сообщили мне, что занимаетесь делами о разводах. Слежка за супругами и прочее...

— Да, — подтвердил Сластин, — мы выполняем такие заказы.

— Тогда мне нужны доказательства того, что моя жена изменяет мне.

— А вы уверены, что это действительно так?

— Да, черт возьми, уверен! Иначе ноги моей не было бы в вашей богадельне.

Сластин, с видом озябшего, повел плечами:

— Что ж вы столь нелестно... А впрочем, опустим. Итак, мне нужна вся отправная информация.

— Пожалуйста. Она — Алябьева Вероника Викторовна, двадцати семи лет, он — Шматов Максим Петрович — тридцати. Они регулярно встречаются у него на квартире.

Алябьев назвал адрес Шматова, присовокупив к нему свой, и положил перед Сластиным фото Вероники.

— Что конкретно вас интересует? Каким должен быть результат?

— Положительным, — проворчал Алябьев. — Нужны доказательства измены: фото, видео,

аудио — словом, все, что окажется возможным.

Сластин задумчиво хмыкнул:

— Видите ли, в чем дело, Владислав Юрьевич, совсем недавно Госдума спустила новый закон... Проще говоря, без соответствующей санкции прослушивание частных разговоров, равно как и видеосъемка, теперь запрещено. И все это подано под соусом вторжения в личную жизнь граждан. Так что...

— Короче, сколько?

— Ну, если короче, то сумма моего гонорара должна быть увеличена как минимум втрое.

Алябьев смерил Сластина полупрезрительным взглядом, равнодушно покивал:

— Втрое так втрое. Главное, мне нужен результат, и неважно, какого характера, пусть даже они пять ночей кряду будут сидеть на диване и пить кофе. Но я должен знать предмет их разговора.

— Хорошо. Оформим ваш заказ как поиски пропавшей супруги. Результаты получите через два или три дня. Всего доброго...

В то самое время, когда Алябьев отъезжал со стоянки, отправляясь в «Pink'Er'Ton», в приемную вошел его первый заместитель и лучший друг Георгий Говоров. Увидев на лице секретарши глубокую растерянность, он, понятное дело, поин-

тересовался, чем вызвано ее состояние. Эллочка смогла поведать лишь то, что недавно случилось. О причинах резкой перемены, произошедшей с щефом, она, конечно же, не имела понятия. Свой монолог Элла закончила словами:

— Швырнул мне на стол этот справочник — и долой из приемной. — Она по-прежнему растерянно пожала плечами.

Говоров взял со стола книгу, которая была открыта на той странице, на какой оставил ее Алябьев, пробежал глазами по всем статьям. Телефон частного сыскного агентства «Pink'Er'Ton» был жирно обведен авторучкой. Говоров постоял немного, осмысливая полученную информацию, затем медленно закрыл справочник и оставил Эллочку в одиночестве.

У себя в кабинете он позвонил. Когда ему ответили, без всяких приветствий спросил:

— Тебе агентство «Pink'Er'Ton» о чем-нибудь говорит?

— А как же! — хмыкнули на том конце провода. — Иннокентий Сластин. Проныра, и довольно скользкий проныра.

— Что у тебя на него есть?

— Кое-что имеется, Жора. Но, понимаешь, себе хотелось этот компроматик оставить.

— Брось финтить, дружок. Этот компроматик я у тебя покупаю. Встретимся вечером, где обычно, договоримся о цене. Только скажи: компра стоящая?

И услышал мечтательное:

— М-м-м...

Утром следующего дня частный детектив Сластин И. В. сидел у себя в кабинете и размышлял над тем, какой еще выгодой можно порадовать себя помимо гонорара с последнего заказа, что он получит от Владислава Алябьева. Накануне он навел кое-какие справки и выяснил, что Алябьев является председателем совета директоров и держателем контрольного пакета акций крупнейшей в регионе холдинговой компании «Синтек». Это — фигура. И этой фигуре изменяет жена. Сластин сам вчера видел, как в районе двух часов пополудни она наведывалась по адресу, который предоставил ему Алябьев. Что ж, сегодня он установит в квартире всю необходимую аппаратуру, снимет кино, а там уже можно будет реально задуматься о дополнительном вознаграждении.

Ход его мыслей прервал не слишком сильный стук в дверь. Сластин пригласил стучавшего войти и состряпал мину, должную изображать

безграничное гостеприимство.

На пороге стоял среднего роста мужчина слегка за сорок, дорого и со вкусом одетый. Сластина слегка передернуло от взгляда вошедшего — в этом взгляде сквозила власть. Плохо скрываемое желание безраздельно повелевать всеми и вся, ни с кем и ни с чем не считаясь. Желание единолично, не отдавая никому отчета, обладать материальными ценностями, умами людей, душами их, информацией. Этот человек опасен, подумал Сластин и оказался прав.

Визитер уверенной походкой прошествовал к столу, без приглашения опустился в кресло напротив Сластина, при этом безграничное гостеприимство с лица последнего точно тряпкой стерли. И вместо своего обычного «чем могу?» Сластин отрывисто и тихо каркнул:

— Слушаю...

— Нам с вами, любезный, предстоит разговор, и насколько он окажется конфиденциальным, зависит только от вас.

— Яне понимаю...

— Минутку, Иннокентий Викентьевич, всего минутку. Несколько лет тому назад, в бытность свою оперативным сотрудником известного вам РУВД, вам посчастливилось в зародыше разва-

лить одно дело, обещающее, при благоприятном стечении обстоятельств, стать весьма громким...

Сластин окаменел. Он полагал — все шито-крыто, все давно быльем поросло.

— Да-да, то самое дело, вы правильно побледнели. Сынок главы городской администрации попался с двумястами граммами героина. Но странным образом он тем же вечером оказался на свободе, а вы с напарником, спустя пару месяцев, тихо и благополучно уволились из органов.

Из горла Сластина вырвалось сиплое «и-э-у-у», после чего он окончательно лишился дара речи.

— Протокол задержания и протокол изъятия наркотика исчезли, — продолжал посетитель. — Паренек остался чист, как моча новорожденного, вследствие чего был выпущен под папино крылышко. Папенька его сейчас высоко в белокаменной, нам с вами до него не добраться, но вот протоколы те самые в настоящее время хранятся в надежном месте. Если вы сомневаетесь, что они имеются, можете просмотреть ксерокопии. — Говоров положил перед съежившимся Сластиным несколько копий заполненных бланков.

Тому достаточно было узнать свою подпись под каждым листом, как из горла его вырвалось уже знакомое Говорову и такое же сиплое «и-э-у-у».

Говоров повторил:

— Оригиналы, как я уже говорил, в надежном месте. Да и понятые, подписавшие документы, живы и в здравии.

— Чего вы хотите? — прошептал насмерть перепуганный Говоров.

— Пока немногого. Для начала: зачем к вам приходил Алябьев?

— Хотел, чтобы я установил слежку за его супругой. Алябьеву кажется, что она ему изменяет.

Говоров не поверил ни слову из сказанного, поскольку достопрочно знал, что Влад просто боготворит свою обожаемую «доро-гулю» и даже мысли не допускает о возможном адюльтере. Однако испуганно-честный и практически преданный взгляд сыщика заставил Говорова несколько иначе осмыслить только что услышанное.

— С кем изменяет? — просто спросил он.

— С неким Максимом Шматовым. Что он из себя представляет, этот Шматов, я пока не выяснил.

Говоров неприятно осклабился:

— Можете не трудиться. Я вам и так скажу: Шматов — профессиональный альфонс, жиголо, в общем. Чересчур жаден, непостоянен — кидается от одной к другой, — а потому в нашем городе че-

рез пару лет проку ему от его ремесла будет курам на смех. Но пока что он в форме и не без работы.

Все это Говоров знал из своего — к сожалению, горького — опыта. Его собственная жена, тогда еще любимая им, так же, как и Вероника умудрилась спутаться со Шматовым. Когда Говоров узнал про их связь, он подсобрал кое-какую информацию об этом платном ловеласе и отрядил к нему нескольких ребятишек спортивного сложения. Те сделали из горе-жиголо отбивную, а жену свою Говоров выгнал взашей, оставив ни с чем.

С тех пор прошло уже более полутора лет, и боль потери любимого человека начала стираться в сердце Говорова. Ненависть же к Шматову и вовсе исчезла — Говоров попросту почти забыл о нем. Но сейчас, вновь услышав это имя, он решил лично навестить Максима — и не с враждебной миссией. Чутье подсказывало Говорову: этот недоносок в недалеком будущем может оказаться полезным. Он спросил:

— Что вы намерены предпринять относительно Вероники Алябьевой?

— Господин Алябьев заказал видеоматериал.

— В таком случае, одну копию передадите мне. А эти документы, — Говоров кивнул на ксерокопии, — пусть остаются у вас.

Сластин без труда понял столь прозрачный намек и с готовностью кивнул.

— Когда у вас назначена встреча с Владом, — Говоров осекся, — с Алябьевым?

— Как только будет готов материал. Думаю, через два-три дня. Я сам должен ему позвонить.

— Что ж, не смею мешать, но — увидимся.

— Вы выполнили мое поручение? — спросил Алябьев.

— Да, — ответил Сластин. — только уверены ли вы, что хотите видеть это? Не слишком-то приятное зрелище.

Похожие вопросы он задавал всем клиентам, для которых выполнял работу такого профиля, и после запуска видео всегда наблюдал за их реакцией. Реакция, понятно, не была одинаковой. Кто-то приходил в ярость, кто-то — Сластин видел по выражению лиц — начинал завидовать. Видя, как извиваются в экстазе, как стонут от вожделения и кричат от страсти их некогда благоверные женушки, мужья-рогоносцы приходили в сонное уныние, а в потухших взглядах читалась пошлая, слепая зависть к молодым жеребцам, что с таким воодушевлением и усердием ублажали хранительниц их семейных очагов. А попадались личности — Сластин всякий раз не

переставал поражаться, — которым просто нравилось смотреть на подобные развлечения своих супружниц, и Сластина одолевала уверенность, что, дай его клиентам волю, они, не задумываясь, присоединились бы к тем, кого видели сейчас на экране. Таким Сластин сочувствовал с едва заметной усмешкой.

Реакция же Алябьева привела Сластина в легкое замешательство, поскольку он никогда подобной не наблюдал. Когда Сластин запускал программу, было видно, как нервничает Алябьев: его розовые щеки стали бледными, причем правая зашлась в нервном тике — настолько глубоком, что Алябьеву приходилось придерживать ее двумя пальцами. Но когда программа заработала и Сластин развернул ноутбук в сторону клиента, тик мгновенно прекратился, а щеки Алябьева приняли свой естественный оттенок. На лице его воцарилось неподдельное равнодушие, а в глазах читалась такая скука, что можно было подумать, будто Алябьев видит на экране совершенно постороннего человека.

И тут Сластин сделал открытие, которому поразился сам: Алябьев в один момент, в текущую секунду разлюбил свою жену. И это было истиной, ибо такой отсутствующий взгляд, в котором

сквозили беспредельная отрешенность и полнейшее безразличие к тому, что разворачивалось на экране, присущ лишь абсолютно незаинтересованному человеку.

Алябьев смотрел видео всего несколько секунд. Затем, развернув ноутбук экраном к Сластину, проговорил:

— Вы сказали, что эта съемка обойдется втридорога. Назовите точную цену.

И без того хитрая физиономия Сластина приняла поистине кошачье выражение. Покрасневшие глаза сузились, Сластин задрал их в потолок, словно что-то подсчитывая в уме, и ответил несвойственным ему елейным голоском, точно промурлыкал:

— Видите ли, в чем дело, Владислав Юрьевич. За последние несколько дней обстоятельства немного изменились — я получил о вас кое-какие сведения. Вы богатейший в регионе человек, глава крупнейшего холдинга, и брать с вас три цены просто неприлично. Пятнадцать тарифов — вот мое последнее слово.

Алябьев смотрел на Сластина во все глаза. Давно ему не доводилось сталкиваться с подобным хамством, со столь вопиющей дерзостью. А ведь Сластин понимает, что Алябьев может раздавить

его одним мизинцем, стоит лишь этим мизинцем пошевелить. На что же, интересно, он рассчитывает? Дело принимало забавный оборот.

— Что, если я заплачу только условленные три? — спросил Алябьев.

— Всякое может произойти — цифровая запись все-таки... А интернет — до того общедоступная штука, просто диву даешься!

«А вот это уже полный абзац!» — рассмеялся про себя Алябьев. Надо бы приструнить этого платного опера, да не просто приструнить — наказать по-настоящему.

— Вы знаете, — выдал он извиняющимся тоном, — у меня с собой нет наличности, чтобы уплатить вам по новой ставке. Но в ближайшие дни я обязательно навещу вас и рассчитаюсь сполна. Такой вариант устраивает?

— Договорились. Только попрошу не тянуть, поскольку...

— Насчет интернета я буду помнить все эти ближайшие дни, — заверил Алябьев и выложил на стол конверт, набитый стодолларовыми банкнотами.

Настроение у Шматова было превосходным. Скоро, скоро он избавится от рохли Вероники и сможет вплотную заняться шедевром, кото-

рый подчиняет себе его мозг вот уже несколько недель кряду. Да, она постоянно крутится в мыслях, оттого и настроение Максима поет на самой высокой ноте.

Казалось, никакая сила не в состоянии сокрушить его боевой задор, убить этот благоговейный трепет предвкушения. Казалось, но — увы... Такая сила нашлась.

Звонок в дверь прозвучал столь неожиданно, что в страхе Шматов задвинул ящик стола чересчур резко, прищемив при этом палец — до крови. Обхватив ранку губами, отправился в прихожую.

Когда, открыв дверь, Максим увидел, кто стоит за нею, он обомлел: на пороге приветливо улыбался Говоров. У Шматова при виде этой улыбки свело живот, сердце заработало медленно, с оттяжкой. Еще свежи были воспоминания о тех удалых молодцах, которые по приказу Говорова обрабатывали его, что боксерский мешок. И неожиданно для самого себя Шматов громко икнул. Говоров улыбнулся еще приветливей.

— Ну, ну, Максим, — ободряюще произнес он. — Я с самыми добрыми намерениями, уж ты поверь. Знаешь сам, кто старое помянет... В дом-то хоть пригласишь?

Шматов посторонился:

— В-входите.

Оба они прошли в тесную гостиную, Говоров без приглашения опустился в кресло. Предложил хозяину сделать то же самое, затем сказал:

— Алябьев узнал, что жена ему изменяет. И — с кем изменяет.

Шматов попытался придать лицу выражение полнейшего недоумения, сделать вид, что ровным счетом ничего не понимает. Но Говоров, в знак предостережения, приподнял вверх ладонь:

— Не нужно, Максим. Я даже догадываюсь об источнике информации для Алябьева. Скорее всего, это ты и есть — ты сообщил ему об изменах Вероники. Не могу уверенно утверждать, *что* тобою двигало — возможно, ее пустая голова тебе просто надоела. А ты, узнав со слов самой Вероники, что Алябьев глубоко порядочный человек, настоящий джентльмен, пришел к выводу, что преследовать он тебя не станет. Тем более с криминалитетом он не путается. Итак, поняв, что ни здоровьем, ни жизнью здесь ты не рискуешь, ты позвонил ему и сообщил, что его благоверная время от времени любит забраться под одеяло к некоему Максиму Шматову, проживающему по такому-то адресу. — Говоров прервался, чтобы закурить. Усмехнувшись, продолжил: — И я не

удивлюсь, если узнаю, что Алябьев даже деньжат тебе отвалил за информацию, открывшую ему глаза на его «дорогулю».

После этих слов плечи Максима опустились, он покраснел. Спросил, уже не заикаясь:

— Что вам нужно?

— Самую малость. Я хочу, чтобы ты до поры до времени не рвал с Вероникой.

— Но...

— Это не просьба, Шматов. — В голосе Говорова зазвенел металл. — Это приказ. И ослушаться ты права не имеешь..

У двери Говоров он обернулся.

— Эта наша встреча не последняя, еще увидимся. Можешь не провожать, я найду дорогу.

Выйдя из подъезда, Говоров забрался в машину, закурил. Он долго не запускал двигатель — размышлял. Вспомнилось ему, как пять лет тому назад, он и его друг Алябьев познакомились с Вероникой на одном не слишком знатном приеме. Говоров с ходу был очарован красотой этой женщины и месяца через два их не очень частых встреч сделал ей предложение. В ответ барышня выдала длинную тираду — полнейшую бессмыслицу, а после с милейшей улыбкой заявила, что точно такое же предложение она получила вчера

от Владика (во как — уже от Владика!) и, не раздумывая, приняла его. Помедлив, она добавила, что, дескать, вы, Георгий Васильевич, хоть и имеете вес в своем деле, но вы всего лишь герцог, а ей нужен только король.

У Говорова тогда едва хватило выдержки, чтобы не наградить ее «по-герцогски» оплеухой. Но вместо этого он скупо извинился и отправился прочь. Букет цветов и футляр с кольцом, загодя приготовленным, он похоронил в урне за ближайшим углом.

Со временем он возблагодарил судьбу за тот отказ Вероники, ибо понял, что глупее создания нет, наверное, на земле этой. Но червь уязвленного самолюбия тем не менее продолжал точить его изнутри. Слова о том, что «он — всего лишь герцог», не давали Говорову покоя, и приблизительно год назад он решил сделаться королем. Без дураков.

К цели своей он шел не торопясь, как бы исподволь, обдуманно, с фантазией. И вот наконец представился реальный шанс перешагнуть последний рубеж, отделяющий первого вице-президента компании от держателя контрольного пакета акций. А что до старинного друга... Что ж, значит, дружбе их пришла пора прекратиться. Да

дружба, в сущности, давно закончилась. Что-то не мог припомнить Георгий Васильевич Говоров, когда закадычный дружок его Владик Алябьев в последний раз приглашал своего закадычного дружка на день рождения, не говоря уж о том, чтобы посидеть за бутылочкой коньяка либо просто за кружкой пива. И подлинной близости, существовавшей между ними столько лет, уже не ощущалось. Остались лишь отношения — по-деловому четкие, рабочие, сухие.

Оттого и не испытывал Говоров угрызений совести по поводу так называемого «предательства». Не поворачивался у него язык назвать готовящийся замысел этим словом. С его точки зрения здесь не было ничего личного, был обычный бизнес — пресный и жестокий. А этот последний, решающий шаг виделся Говорову ни много ни мало заключительным этапом обычной шахматной партии. И плевать, что соперник — ни сном ни духом об этой партии. Зато когда все закончится, он, Говоров, с гордостью сможет заявить, что это был превосходный эндшпиль!

Докурив, Говоров выбросил окурок и запустил двигатель.

Следующим утром холл особняка Алябьевых наполнила мелодичная трель звонка. Вероника

пила кофе на открытой террасе, за столиком, застланным белоснежной скатертью. Услышав звонок, она крикнула горничной:

— Люся, пойди открой калитку!

— Михалыч откроет, — проворчала Люся. — Все равно на дворе возится.

Михалыч, дворник, состоявший в штате домашней прислуги Алябьевых, тоже услышал звонок и не спеша поплелся к калитке. Открыв, увидел молодого паренька, оседлавшего новенький скутер.

— Служба доставки, — отрекомендовался тот. — Пакет для Вероники Викторовны Алябьевой. Распишитесь.

Поставив в нужном месте свою закорючку, Михалыч забрал пакет и, так же не спеша, заковылял к дому.

— На, барыне передай, — проворчал он, всучив пакет горничной Люсе.

Вероника потягивала ароматный кофе вприкуску с миндальным пирожным и размышляла: о себе, о Владе, о Максиме и о жизни вообще, о своем к ней отношении. Она, естественно, справедливо полагала, что в жизни ей повезло. Она имеет все, о чем другая провинциалка — пусть даже, как Вероника, с высшим образованием — не смела бы и грезить в самых смелых своих мечтах. Конечно,

высшее образование Вероники оставило свой след лишь в дипломе, где процентов восемьдесят оценок равнялись трем баллам. Да и сил, чтобы заработать себе диплом, Вероника затратила куда как меньше, нежели остальные ее сокурсники. Способ, избранный ею для получения выпускного документа, оказался (по ее же собственному определению) пошлым до гениальности. На втором курсе Вероника закрутила сумасшедший роман с деканом своего факультета и морочила мужику голову вплоть до самой защиты. Но после того, как корочку ей выдали на руки, исчезла из отчего захолустья, даже не сказав своему папику-благодетелю «прощай». А он, бедняга, — Вероника так этого и не узнала никогда — после ее бегства слег с сердечным приступом и едва выкарабкался, благодаря, кстати, родной жене, которая была прекрасно осведомлена как о похождениях, так и о причинах болезни своего супруга.

Оказавшись в областном центре, Вероника собиралась устраиваться на работу по специальности (окончила она политех), но, к счастью своему, не успела. На какой-то вечеринке — она уже и не помнила, что это была за вечеринка, — судьба свела ее с Алябьевым, и, к удивлению своему, Вероника влюбилась. Влюбилась по-на-

стоящему — отчаянно, без оглядки.

Приятной наружности, очень симпатичный Влад оказался к тому же на редкость добрым и отзывчивым. О его счетах в различных банках Вероника в то время даже не задумывалась — он действительно интересовал ее только как личность. И когда через два месяца ей сделал предложение друг Влада Георгий Говоров, а Вероника наплела ему что-то там о королях да герцогах, она поступила так с единственной целью — позлить, уколоть Георгия Васильевича по одной лишь причине: он ей не нравился, было в нем нечто ненастоящее, фальшивое. Взять хотя бы его приторную улыбку и то, как при встречах он обнимал своего друга Алябьева. Даже его комплименты самой Веронике казались чересчур наигранными, неживыми, искусственными. Вот и отфутболила она Говорова тем сравнением знатных особ, и было ей совершенно наплевать, что наживает себе серьезного врага. Тогда было наплевать, да и сейчас — глубоко безразлично.

Влад сделал ей предложение днем раньше, и Вероника, понятно, не раздумывая, ответила согласием. Странно, но Владик до самой свадьбы не предпринимал попыток к телесной близости, ни разу даже не намекнул об этом. Единственным,

что он себе позволял, были легкие, нетребовательные поцелуи, которые он дарил ей при расставаньях у подъезда, где снимал ей квартиру...

Свадьбу играли по высшему разряду. Чего стоило одно лишь обручальное кольцо с платиновой инкрустацией и бриллиантом в десять каратов! А потом был четырехпалубный теплоход, ночной вояж по Волге и каюта-люкс размерами — так показалось Веронике — с тронный зал Зимнего дворца.

Только первая брачная ночь на бескрайнем ложе не принесла Веронике ожидаемой радости. Владик представил ей, на что оказался годен: несколько минут обильного интенсивного сопения вкупе с асинхронными сопению толчками, а после — молниеносная судорога, и Владик перекатился на спину, пыхтя, отдуваясь и не переставая называть Веронику самыми нежными словами. Присутствовали там и «прелесть моя», и «золотце», и «светлячок», и еще много-много чего ласкового, — но что ей было до того! Она страсти жаждала, вершины наслаждения, экстаза — всепоглощающего, опьяняющего, затмевающего последние крохи сознания, а в итоге — что?.. Вероника повернулась к мужу спиной

и через несколько минут услышала едва различимое похрапывание сквозь почти неслышный шелестящий присвист. Это могло бы показаться смешным, не окажись оно столь грустным.

Неудивительно, что после той первой брачной ночи целый месяц она смотрела на других мужиков глазами оголодавшей фурии. Так было и в швейцарских Альпах на горнолыжном курорте, и на Лазурном берегу Франции, и на пляжах Майами во Флориде, и даже в ледниках Гренландии.

Однако по возвращении домой Вероника и не помышляла о том, чтобы изменить мужу. Она и в самом деле настолько полюбила Влада, что о похождениях на сторону не могло и речи идти. Со временем она почти привыкла к его методам проведения сексуальных контактов и продолжала восхищаться им как личностью — незаурядной, недюжинной. В мыслях она превозносила его как человека необъятной души, сильного, изворотливого ума и немного завидовала его способности мыслить рационально, четко, с огоньком.

Но молодой организм требовал. Подспудно, на уровне подсознания, Вероника понимала, что долго так продолжаться не может, и однажды случилось то, что и должно было произойти рано или поздно, — Вероника изменила мужу. То была,

по большому счету, ничего не значащая для нее, мимолетная связь, вступая в которую Вероника преследовала одну цель — сбросить, стравить накопившееся за долгое время сексуальное напряжение. Цель была достигнута, и Вероника явилась домой, приготовившись старательно прятать от мужа свой виноватый взгляд.

Ей повезло — Влад в тот день укатил в очередную деловую поездку, и у Вероники оставалось достаточно времени на то, чтобы ее глаза приняли свое естественное, повседневное выражение. Влад в тот раз отсутствовал дольше обычного, Вероника до его приезда успела еще два раза окунуться в омут приключений. И странное дело, когда муж ее вернулся, она уже не чувствовала себя перед ним столь уж виноватой.

А спустя какое-то время постаралась убедить себя, что, несмотря ни на что, она по-прежнему любит мужа. Однако любит не так, как это обычно принято у большинства людей, а несколько иначе — «по-своему». Она постаралась убедить себя в этом, и у нее получилось. Да так удачно, что убеждение это стало едва ли не жизненным ее кредо.

До знакомства с Максимом Шматовым она обходилась мимолетными связями, которые ни к

чему не обязывали ни ее, ни случайных ее партнеров. К.ое с кем из них Веронике приходилось встречаться и после, с тем или иным она могла провести вечер в ресторане или клубе, но — не более. По завершении тех вечеров, Вероника неукоснительно возвращалась домой, к мужу.

При первой встрече с Максимом Вероника спинным мозгом почуяла опасность. Что-то подсказывало ей, что не стоит, нельзя продолжать это знакомство. «Остановись! — колола затылок мысль, исходящая откуда-то из-под мозжечка. — Не делай этого!..»

Через двадцать минут Вероника забиралась на заднее сиденье такси, дверцу которого услужливо распахивал перед нею Шматов.

Случилось это немногим более полугода назад. С первой же встречи Вероника разгадала в Максиме мужчину довольно редкой профессии. Но самое интересное, профессия Максима нисколько Веронику не трогала, а позже она и вовсе поймала себя на мысли, что ей нравится его содержать. Она давала ему деньги с удовольствием — удовольствием, граничащим с наслаждением, предваряющим оргазм.

Все эти месяцы ей удавалось удачно водить за нос своего Владика, но, как ни парадоксально,

она продолжала любить его, любить, понятное дело, по-своему. За пять лет замужества Вероника основательно привыкла к роскошной жизни, поэтому развод с Владом, узнай он о ее похождениях, никоим образом не устраивал Веронику — не устраивал по двум причинам. Первой, разумеется, был сам Влад, а вот второй причиной являлась неограниченная возможность тратить его деньги. На меха, на драгоценности, на маленькие женские капризы, на Макса, в конце концов...

«Нет! Развод с Владом равносилен катастрофе», — думала Вероника, сидя на просторной террасе и допивая утренний кофе.

— Чего тебе, Люся? — спросила она, завидев на пороге горничную.

— Посылка вам, Вероника Викторовна, — небрежно ответила та. — А от кого, там не указано. — Люся положила на стол большой конверт и удалилась.

В недоумении повертев конверт в руках, Вероника вскрыла его. Внутри лежали DVD-диск и требование, отпечатанное на машинке: «Просмотреть немедленно и без свидетелей». Пожав плечами, Вероника отправилась в спальню, вставила диск в проигрыватель.

То, что она увидела, поразило ее, как внезапный смертельный недуг, как удар кинжала, как выстрел из бесшумного оружия — неожиданный, едва различимый. На экране извивались в экстазе два сплетенных тела — ее и Максима. Веронику затошнило.

Подавив рвотные позывы, она нашла в себе силы досмотреть отрывок до конца. Слезы и страх душили ее, поскольку догадывалась Вероника — и, как выяснилось, догадывалась верно, — *что* последует далее. Через минуту изображение пропало, и Вероника, глядя на синий экран, услышала незнакомый трубный голос — такой, будто кто-то в пустое ведро вещал: «Вам придется заплатить. Мы знаем, что на ваше имя открыт счет, которым вы можете пользоваться без ограничений, не давая никаких объяснений супругу. Необходимо, чтобы до двенадцати часов сегодняшнего дня вы сняли с этого счета деньги и отнесли пакет в камеру хранения железнодорожного вокзала...»

Далее назывались номер и шифр уже забронированной ячейки камеры хранения и сумма, которую Вероника должна была уплатить. Услышав о количестве денег, она пришла в ужас, холодный пот выступил на лбу, вымочил кру-

жевной пеньюар. Вероника была близка к тихой истерике — сумма, названая неизвестным шантажистом, составляла ровно половину денег, хранящихся на ее счете.

Сколько она просидела в гнетущем параличе, Вероника не смогла бы сказать. Однако очнувшись и посмотрев на часы, сообразила, что до двенадцати времени более чем достаточно. Уничтожив злополучный диск, она стала собираться...

В банке она протянула в окошечко заполненный по всей форме бланк, спросила:

— Могу я снять это со своего счета?

Служащая лишь взглянула на цифру, и брови ее взлетели, точно отклеенные. Попросив Веронику подождать, она скрылась в служебном помещении, откуда появилась через несколько минут. Положив перед Вероникой бланк за подписью начальника, проговорила бесстрастно:

— В кассу пройдите, пожалуйста...

На вокзале, не глядя по сторонам, Вероника прошла в камеру хранения, отыскала ячейку, уложила в нее полиэтиленовый пакет, почти доверху набитый наличностью. Выйдя на улицу, села в поджидавшее ее такси и попросила водителя отвезти ее к ресторану — ее любимому

ресторану.

Убедившись, что Вероника уехала, мужчина, следивший за нею от самого банка, с усмешкой открыл ячейку, достал пакет с деньгами и неторопливой походкой покинул здание вокзала.

Влад Алябьев вернулся домой поздно вечером. Он нашел Веронику спящей, полностью одетой. Нагнувшись, чтобы раздеть ее, Влад обнаружил, что она безнадежно пьяна. Вздохнув, он все же снял с нее одежду, а после, разоблачившись сам, лег и сразу уснул.

Проснулась Вероника поздно, совершенно разбитая. Влада рядом, естественно, не было — стрелки часов показывали половину одиннадцатого. У Вероники разламывалась голова; мало того, она пребывала в состоянии бессильной злобы. Злобы на неизвестного шантажиста, выманившего у нее половину состояния, злобы на тот чертов день, когда она познакомилась со Шматовым, злобы на самого Шматова. Она злилась даже на горничную Люсю, принесшую ей тот окаянный конверт. Долгий, как результат обета безбрачия, список можно было продолжать до бесконечности, и лишь самой Веронике не нашлось бы в нем места.

Кроме того, что она отвратительно себя чувствовала и была зла на всё вокруг, ей требовалось с кем-нибудь поделиться свалившейся на нее бедой, поплакаться кому-то в жилетку. Да что там в жилетку! Вероника была готова рыдать даже в рукава от упомянутой жилетки, лишь бы нашелся человек, согласный утешить ее, разделить с нею ее паршивое настроение. Веронике не пришло на ум ничего лучше, как позвонить Максиму.

Отозвался он бодро:

— Слушаю!

— Я хочу приехать, Максик. — Голос Вероники звучал сипло и плаксиво. — Мне надо сообщить тебе что-то очень важное.

— Любой каприз, родная! — Бодрости в его голосе ничуть не убавилось. — Приедешь на своей?

— Нет. Возьму такси...

Через час она уже звонила в дверь Максима. Увидев Веронику, он был искренне поражен переменой, произошедшей с нею. Улыбка медленно сползла с лица Максима, он посторонился, впуская Веронику внутрь. Она вошла, обняла его.

— Что случилось, родная?

Вместо ответа она прижалась к нему теснее и сказала просто:

— Возьми меня...

Все началось и закончилось прямо здесь, в прихожей, в считанные минуты. Вероника стояла у стены, дрожа всем телом, и сжимала в кулаке пульсирующий орган Максима, извергающий на ее запястье вязкую, клейкую влагу.

— Стань на колени, — тихо попросил Максим.

Она выполнила его пожелание и возвела своего любовника на самый пик сладострастия. Только после того, как он с громким стоном вздрогнул последний раз, Вероника поднялась с колен, утерла пальцами уголки губ. Положила голову Максиму на грудь.

— Нам надо поговорить, — почти шепотом сказала она. Все ее тело продолжала бить мелкая дрожь только что испытанных мгновений. — Пойдем на кухню.

Она отправилась туда первой, он, еле волоча ноги, двинулся следом. Действительно, думал он, глядя на покачивающиеся бедра Вероники, требование Говорова необходимо исполнить — йто-то в этой женщине я проглядел.

На кухне, за стаканом крепкого чая, Вероника рассказала Максиму, какая с нею приключилась беда. Говорила она ровным, упавшим голосом, точно некий незримый судья уже вынес свой приговор и дело теперь только за конвоем. За-

кончив, спросила:

— Как быть, Максим? — Вопрос явно риторический. — Эти недоноски оберут меня до нитки.

— Оберут, — подтвердил Шматов, и на какие-то доли секунды ему стало нестерпимо жаль женщину, сидящую напротив. О том, что именно он является источником ее несчастий, Шматов в те мгновения не думал. Да и жалость его улетучилась тотчас, стоило ему вспомнить о ста тысячах долларов, что покоились сейчас в ящике его письменного стола. Он ответил: — Я не знаю, как тебе помочь, родная. Твой где сегодня?

— В городе.

— Допоздна?

Она пожала плечами:

— Скорее всего.

— Можешь остаться у меня до вечера? Я здорово по тебе соскучился. А вечером сходим в ресторан... Как тебе «Аэлита»? Только, чур, сегодня угощаю я.

Вероника смотрела на него с непонимающей улыбкой.

— Ты приглашаешь меня в «Аэлиту»?!

— Ну, во-первых, ты сама говорила, что твой терпеть не может это заведение. А во-вторых, вчера мне здорово подфартило в одном подпольном

казино. Так ты согласна?

Петр Полонский являл собою образчик шефа службы безопасности крупной компании. Высокий ростом, аккуратно подстриженный, в ладно скроенном костюме из дорогой ткани, он вошел в приемную Алябьева и поприветствовал Эллочку чем-то напоминающим взмах руки. Несколько секунд она смотрела на него молча, не отвечая на приветствие — ей нравилось им любоваться. Нравилось разглядывать могучую шею, точно ввинченную в широкие плечи, тяжелый подбородок, нравилось ловить на себе чуть насмешливый взгляд умных карих глаз. В итоге, очнувшись от оцепенения, которое накатывало на нее всякий раз при встрече с Полонским, Эллочка зачем-то переложила с места на место несколько папок с документами и деловито объявила:

— Шеф ждет, Петр Петрович. Можете войти. — Называть Алябьева за глаза шефом Эллочка позволяла себе только в присутствии Полонского. При всех же остальных сотрудниках компании она величала своего начальника не иначе как по имени-отчеству.

Улыбнувшись краешком рта, Полонский скрылся в кабинете Алябьева.

— Присаживайся, Петя, — предложил тот, зави-

дев Полонского. — Есть разговор.

И после обмена несколькими репликами относительно того, все ли спокойно в датском королевстве, сказал:

— Так, значит, Петро... С сегодняшнего дня передаешь все дела своему заместителю.

Ни один мускул не дрогнул на лице Полонского после этих слов.

— И поступаешь в мое личное распоряжение, — продолжил Алябьев. Затем, выждав несколько секунд, заговорил снова: — Тебе могу сказать всю правду — всю без утайки. Моя Вероника мне изменила, чего, в сущности, и следовало ожидать рано или поздно. Но я не о том. Я нанял частного детектива, владельца агентства «Pink'Er'Ton» — Иннокентия Сластина. Он выполнил мой заказ, представил доказательства измены — видеозапись — и теперь, гнида, шантажирует меня. Требует пятнадцать тарифов — *пока* требует только пятнадцать, — вместо трех условленных. В противном случае грозится запустить видео в интернет. На меня, конечно, его угрозы мало подействовали — к тому времени, пока он соберется их осуществить, с Вероникой я уже разведусь. Но проучить этого выскочку считаю необходимым. От всей души надеюсь, Петя, что

ты мне поможешь.

В свое время Полонский окончил Рязанское десантное училище, три года служил на Дальнем Востоке. А потом попал в Чечню, как раз к началу второй кампании. Воевал он отчаянно, до самозабвения, демонстрировал поистине чудеса отваги и мужества, пока не был тяжело ранен и отправлен в запас по состоянию здоровья.

На гражданке он не стал мыкаться по подземным переходам да электричкам с протянутой рукой, а пришел устраиваться в один из филиалов «Синтека» обычным грузчиком. И устроился. И работал грузчиком до тех пор, покуда случай не свел его с шайкой ловкачей, потрошивших товарные вагоны, прибывающие на адрес компании. Вагоны этой кодлой разворовывались с умом — грабители не забирали весь товар, брали лишь часть и снова пломбировали «пощипанные» вагоны точной копией «родной» пломбы.

Бывший офицер с первого дня решил вывести проходимцев на чистую воду и доложил о регулярных набегах на станцию непосредственно самому Алябьеву. Машина закрутилась, шайка была обезврежена вместе со своим предводителем. Предводителем оказался начальник транспортного отдела холдинговой компании

«Синтек».

Алябьев по заслугам оценил вклад Полонского в ликвидацию шайки — презентовал ему небольшую квартиру в одном из спальных районов города. А через два месяца приказом перевел с должности грузчика в службу безопасности, сразу на должность начальника одного из отделов службы. Благо образование и боевой опыт Полонского позволяли сделать это, не вступая в пререкания с законодательством и внутренними инструкциями.

Он постоянно держал Полонского в поле зрения, оказывая всяческое содействие, — другими словами, осуществляя всеобщую протекцию, а несколько лет назад назначил Полонского главой службы безопасности «Синтека».

Полонский отнюдь не считал Алябьева своим благодетелем, но пребывал в твердом убеждении, что долг платежом красен, и был предан шефу. Предан настолько, насколько вообще можно быть преданным в наше непростое время.

— Что от меня требуется, Владислав Юрьевич? — спокойно спросил Полонский.

— Многое. Сперва установи прослушку в конторе этого пинкертона, ну а после води его повсюду. Фиксируй все его контакты, фотографируй всех, с

кем он будет встречаться, даже, — Алябьев весело усмехнулся, — попробуй выяснить его ориентацию, сексуальную, я имею в виду. И будь уверен — отблагодарю я тебя по-царски.

Полонский собирался сказать, что это ни к чему, но, покумекав немного, решил не торопиться — очень уж ему нравилась Элла, секретарь Алябьева. И здесь же, в кабинете шефа, Полонский дал себе слово, что с живого Сластина он не слезет.

— Мне все ясно, Владислав Юрьевич, — сказал он. — Могу идти?

В приемной он снова мазнул взглядом по румяному личику Эллочки, мимоходом попрощался:

— Всего доброго, Элла.

Она лишь открыла рот, чтобы ответить, но Полонского уже и след простыл.

Говоров явился к Шматову спозаранку — тот еще спал. От резкого дверного звонка сердце Шматова едва не остановилось, он мгновенно проснулся. Мысль «кто бы это мог быть?» стучала в голове в такт часто бьющемуся сердцу все дорогу от кровати до двери. И все же у самой двери он набрался смелости и грубоватым голосом поинтересовался, кого там нелегкая принесла.

— Открой, Максим, — спокойно отозвался Гово-

ров. — Есть разговор.

Беседовали они на кухне, где на плите закипал чайник. Однако от предложенного чая Говоров отказался и перешел к главному, ради чего, собственно, и явился.

— Так это точно, что Вероника вскоре сядет на мель?

— Абсолютно. Половину всех своих денег она уже передала вымогателям. — В этом месте Говоров улыбнулся. Шматов закончил: — Гарантии, что больше они ее не потревожат, никакой.

— Просто отлично, Максим. Значит, так. После того как она останется без средств к существованию, ты должен убедить ее обратиться к мужу с одной просьбой... В общем, она должна уговорить Влада ввести ее в совет директоров холдинга.

— А он это сделает? — неуверенно спросил Шматов. — У него на руках весь компромат.

— Я постараюсь, чтобы сделал. Подарит ей два-три процента акций и введет. Есть у меня человечек — сам Билл Гейтс ему в подметки не годится, — который из этого видео сварганит стопроцентный заурядный фотошоп. Владик, узнав, что его надули, волосы на себе рвать станет и в совещательную комнату Веронику на руках отнесет.

— А я с этого что-нибудь поимею? — Шматов изо все сил постарался, чтобы его вопрос прозвучал как можно безразличней.

— Ты уедешь из этой хибары в новую квартиру на новой иномарке, плюс — обнаружишь на своем счету пару-тройку сотен тысяч долларов. Устраивает?

— Скажете тоже!

— Но, — Говоров поднял вверх палец, — только после того, как Вероника окажется в совете директоров.

— Я все понял, Георгий Васильевич.

Выходя из подъезда, Говоров не обратил внимания на припаркованную неподалеку бежевую «шестерку». Она отъехала со стоянки сразу же, как только «икс пятый» Говорова скрылся за углом.

От Шматова Говоров проехал в агентство «Pink'Er'Ton», где имел разговор со Сластиным. Тот сообщил, что Вероника снова навещала своего любовника, провела у него целый день, а вечером они отправились в ресторан «Аэлита». Расплачивался за ужин Шматов. После чего он довез любовницу до дома и отправился восвояси.

От Сластина Говоров вышел, мысленно потирая руки.

Через час с небольшим на стол Алябьева легли магнитофонная запись беседы Говорова со Сластиным и фотографии Говорова, выходящего из подъезда Шматова.

Алябьев взглянул на Полонского со смешанным чувством благодарности и некоторого недовольства.

— Относительно Жоры Говорова я тебе никаких указаний не давал, Петя. Какого лешего ты увязался за ним с утра пораньше?

— А он, Владислав Юрьевич, никогда мне не нравился. Всегда внушал смутные опасения. Как видите, мои подозрения подтвердились.

Алябьев молчал. Полонский воспользовался паузой, спросил:

— Воткнуть Шматову «жучка»?

— Да, да, Петя, воткни. Полюбопытствуем, что там за дела у них с моим Жориком...

Горничная разбудила Веронику в десятом часу утра. Вероника, еще настолько сонная, что казалась полуживой, простонала:

— Ну чего тебе, Люся?

— Пакет вам, Вероника Викторовна, — объявила горничная безразличным, как всегда, тоном. — Без подписи.

Веронику так и подбросило на кровати. Всю

сонливость сняло как рукой, и она властно потребовала:

— Дай сюда.

В конверте, как и в первый раз, находился DVD-диск. Слабый стон плачущей девочки вырвался из горла Вероники, благо Люся уже вышла из спальни и не видела, какие муки терзают ее хозяйку.

А далее все происходило по уже известному сценарию, с той лишь разницей, что после посещения Вероникой банка на ее счете осталось всего сто долларов.

— Максим, я — нищенка! У меня ничего нет, кроме паршивой сотни баксов! Есть, правда, несколько шуб и кое-какие драгоценности, но и их, я чувствую, у меня скоро выманят. К мужу я обратиться не могу, иначе придется вступать с ним в объяснения. А что я смогу ему объяснить?! С какими глазами я скажу ему *куда* подевались деньги с моего счета, *кому и за что* я их отдала? Что делать, Макс? Что мне делать?

Вероника примчалась к Шматову прямиком с вокзала и сидела теперь, вся съежившись и обхватив ладонями бокал с горячим чаем. Ей было плохо. Несмотря на лето за окном, ее знобило, она вся дрожала, точно кролик, перед которым

анаконда уже распахнула свою пасть.

— Что мне делать, Максик? — снова пискнула Вероника.

Шматов деловито затушил сигарету, без тени сожаления посмотрел на любовницу.

— Брось ныть! — резко приказал он. — Хватит, говорю, сопли распускать. Соберись, напряги извилины, пошевели мозгами хоть немножко-то!

Из глаз Вероники брызнули слезы. Она всхлипнула:

— Зачем ты так со мной? Неужели у тебя ко мне никаких чувств не осталось?

— Можно подумать, ты во мне все это время души не чаяла! Тоже мне, оскорбленная невинность...

— Максим!!!

— А я говорю — напряги извилины, — уже мягко повторил он, почти нежно. — Ты что, забыла, за кем замужем?

— О чем это ты?

— Твой муж — председатель совета директоров огромного холдинга.

— Ну и что?

— Дура ты, вот что! — зло бросил Шматов. — Неужели тебе до сих не пришло в голову потребовать от него ввести тебя в этот самый совет дирек-

торов! Даже с минимальным пакетом акций — двух-трех процентов будет вполне достаточно.

Вероника шмыгнула носом:

— Интересно, где я добуду эти два или три процента!

— У него попроси. Пусть он их тебе подарит...

Какое-то время по кухне кружила тишина. Затем раздался визг, почти победный визг, и Вероника, соскочив с табурета, плюхнулась Шматову на колени.

— Максик, ты гений, — проворковала она. — Ты сокровище мое.

Она сползла на пол, встала на колени и судорожными рывками принялась расстегивать брючный ремень любовника...

Запись этого разговора Алябьев слушал с каменным выражением лица. С таким же непроницаемым лицом напротив сидел Полонский. Когда в динамике раздалось шипение, а после — заключительный щелчок, Полонский сказал:

— Похоже, вашу супругу кто-то шантажирует, Владислав Юрьевич. Мне выяснить — кто?

Алябьев ответил не сразу, видимо, обдумывал что-то. Наконец он с усмешкой вскинул брови:

— А зачем? Пусть теперь и пожинает плоды «трудов» своих — будет ей впредь хорошая наука.

Можешь идти, Петя...

Люся отсутствовала — отправилась по магазинам, — поэтому, когда в дверь позвонили, идти открывать пришлось Веронике. На пороге стоял Говоров — как всегда подтянутый, изысканно одетый, благоухающий дорогим одеколоном. У Вероники не было желания впускать его, и она сказала лишь, что Влад в очередной командировке. Но Говоров, склонив голову набок, с улыбкой известил:

— А я к тебе, Вероника, — он помедлил, — Викторовна. Войти — то позволишь?

Она посторонилась, впуская его в холл, но, как только он вошел, сразу преградила дорогу. Ее поза говорила сама за себя: «Беседовать будем здесь».

— Ну, здесь так здесь, — пожал плечами Говоров. — Прослышал я про твои неприятности, милочка...

— Я вам, Георгий Васильевич, не милочка, и неприятностей у меня — никаких. Поэтому, если вам нечего больше сказать, будьте так любезны. — Она исполнила красноречивый жест.

— А помнишь, как я пять лет назад предлагал тебе выйти за меня?

— Георгий Васильевич!..

— Сейчас благодарю Бога, что этого не случи-

лось.

Вероника вспыхнула.

— Да и по поводу Владика я предупреждал, что тебя надолго не хватит. Помнишь? — Он продолжал улыбаться.

Вероника помолчала, собираясь с силами, и выдала:

— А помнишь, Жорик, я говорила, что Влад — король, а ты — всего лишь герцог? Помнишь? Так вот, не герцог ты — шут гороховый! Плебей!!! А теперь пшел вон, ублюдок! — Звон пощечины вспорол торжественную тишину холла, Вероника охнула, схватилась рукою за левую щеку. С трудом выдавила: — Повторяю, пшел вон, недоносок!

А когда щелкнул дверной замок, она рухнула на золотистую обивку канапе, стоявшего тут же, и зашлась в беззвучных рыданиях.

Сидя в невзрачной бежевой «шестерке», Полонский видел, как из калитки вышел Говоров и направился к своей машине. На лице первого вице-президента «Синтека» сияла злорадная ухмылка.

В открытом придорожном кафе, в нескольких километрах от города, расположившись в са-

мом дальнем углу беседки, разговаривали два человека. Одним из них был уже знакомый нам Георгий Говоров, а вторым, пожилым, лет пятидесяти восьми мужчиной — один из членов совета директоров «Синтека» Павел Константинович Разбе-гаев. Эти двое подъехали, один за другим, всего несколько минут назад, приветствиями обменялись, ну а обмениваться любезностями ни тот ни другой желанием не горели. Хотя на лице Говорова, по обыкновению, играла его знаменитая, слегка нагловатая улыбка. Он был совершенно спокоен, в отличие от Разбегаева, который то и дело крутил по сторонам головой, и был у Павла Константиновича при этом такой вид, будто бы он не на шутку встревожен чем-то. Наконец он спросил очень тихим голосом, совсем робким:

— Что случилось, Георгий Васильевич? К чему вся эта конспирация: встреча за городом, приезд не на своей машине (сам Говоров тоже приехал на такси) и прочее? Запахло жареным?

— Отнюдь, — успокоил его Говоров. — В датском королевстве все спокойно. Просто у меня к вам появилось предложение, от которого вы вряд ли откажетесь.

Разбегаев побелел от моментально нахлынув-

шего гнева:

— Разве я не говорил вам тогда, еще год назад, что больше ничего общего иметь с вами не желаю? За исключением, естественно, тех случаев, когда нас будут сталкивать интересы предприятия. Не говорил разве? — Разбегаев нервничал все сильнее.

Оставаясь спокойным и не обращая внимания на его судорожные подергивания, Говоров сказал:

— Я хочу, чтобы вы продали мне часть ваших акций. Меня устроили бы процентов, скажем, пять.

— Вы в своем уме?! Чего ради я должен соглашаться на это предложение? Если мне не изменяет память, год назад мы с вами решили, что я вам более ничего не должен. Не должен ведь?

— Не были должны, это верно, — ответил Говоров, прилепив к лицу наигранное разочарование — шутовскую маску.

— И что же изменилось?

— Обстоятельства, Павел Константинович. Обстоятельства, будь они неладны.

Разбегаев ненавидящим взглядом смерил Говорова. Сказал твердо:

— Не продам! Не продам ни за какие деньги.

— Дорогой Павел Константинович, — ухмыльнулся Говоров, — пока что у меня самые добрые намерения. Стоит мне лишь чуточку изменить свою позицию, и вы отдадите эти пять процентов абсолютно бесплатно, все равно что в пользу голодающих.

Полупрезрительно Разбегаев фыркнул:

— С какой это стати?

— Мы с вами оба знаем — с какой. Аферу с ценными бумагами АО «Вегас» не забыли еще?

Разбегаев вздохнул с облегчением:

— Там все чисто. Можете не сомневаться.

— Чисто только поверху. Стоит Алябьеву копнуть глубже, и вам, уважаемый Павел Константинович, костей не собрать.

— Но позвольте, это уже хамство! Вы, вы сами втянули меня в эту историю. Зачинщик — вы! И все вам удалось только потому, что моей жене срочно нужна была операция...

— Однако ж ваша супруга жива-здорова, а все подписи под документами «Вегаса» ваши. Ваши, Павел Константинович, и никуда от этого не сбежишь.

— Вы жалкий шантажист, — нервно сказал Разбегаев и повторил: — Шантажист.

Говоров мягко улыбнулся:

— Мне и слово-то такое незнакомо — шантаж. Зато знакомо другое — взаимовыручка. Я помог вам в прошлом году, вы поможете мне сегодня. Ну, в крайнем случае, через два дня, не позже. Жду вас здесь со всеми бумагами послезавтра, в это же время. И не задерживайтесь, пожалуйста. — Встав из-за стола, Говоров зашагал к ожидавшему его такси.

Какое-то время Разбегаев сидел, не веря, что все это происходит с ним, и что вообще все это происходит. Потом встряхнулся, взмахом руки подозвал официанта.

— Коньяку мне сообразите, любезный, — попросил он, — граммов двести. Спасибо.

Шут с ним, с сердцем, думал Павел Константинович. Тут и без спиртного не захочешь, а окочуришься. Выпив и почувствовав себя лучше, Разбегаев услышал над собою:

— Добрый вечер, Павел Константинович.

Подняв глаза, Разбегаев увидел Петра Полонского. И ему снова стало худо...

Когда Алябьев приехал из командировки, первым делом он подошел к доске объявлений в фойе офиса, где в траурной рамке висела фотография Разбегаева, а рядом — некролог. Алябьев

почти взлетел к себе на второй этаж, ворвался в приемную.

— Как это случилось? — спросил он Эллу, опустив приветствие.

Элла поняла, о чем идет речь. Они работали бок о бок не первый год и за это время научились понимать друг друга с полуслова. Понятное дело, большая заслуга в этом принадлежала Эллочке. Она ответила:

— Сердце, Владислав Юрьевич. Ему совсем нельзя было пить.

— Вызови Полонского, — приказал Алябьев, отпирая кабинет. — И юриста. Юрист пусть ждет, пока я не закончу с Петром.

— Вам снова пакет, Вероника Викторовна. — Люся положила на стол конверт и удалилась.

Достали, спокойно подумала Вероника. Ну ничего, они еще у нее попляшут. Когда она завладеет акциями «Синтека» и войдет в совет директоров (в том, что так и будет, Вероника не сомневалась), она наймет частного детектива и выведет этих негодяев на чистую воду. Они у нее еще попляшут...

Никакого диска на этот раз в конверте не оказалось. Находилась там компьютерная распечатка следующего текста без подписи:

«Мы знаем, что наличностью отныне вы нас порадовать не сможете. Однако нам известно, что у вас еще остались четыре очень дорогие шубы, а в банковской ячейке хранятся кое-какие драгоценности. Сложите все это в большую спортивную сумку и отнесите по известному вам адресу. Крайний срок — двенадцать часов сегодняшнего дня».

Ничего, думала Вероника, шубы — дело наживное. Вот только драгоценностей ей было немного жаль.

Она скинула с себя халат и стала собираться в банк.

Полонский сидел напротив Алябьева и излагал тому суть аферы с ценными бумагами АО «Вегас», которую в прошлом году провернули Говоров и Разбегаев.

— У Разбегаева тогда очень тяжело болела жена, поэтому он и согласился, — объяснил Полонский. — А вчера Говоров, угрожая разоблачением, потребовал у него пять процентов акций нашей компании. Разбегаеву ничего не оставалось, конечно, как согласиться. А перед моим появлением он заказал себе аж двести граммов коньяку и выпил их. Минут через пятнадцать он умер прямо у меня на глазах — просто уронил голову на стол

и перестал дышать... Что-либо предпринимать было уже бесполезно, — добавил Полонский с виноватым видом.

— Оставь, — бросил Алябьев. — Значит, так. Со Сластина наблюдение снимай, переключайся на Жорика — Говорова, то бишь. Хочу знать обо всех, с кем он будет встречаться. И насажай «жучков» к нему в кабинет и на квартиру. Иди, Петя...

Когда вошел глава юридического отдела, Алябьев дал ему указание подготовить бумаги, необходимые для оформления развода с гражданкой Алябьевой Вероникой Викторовной.

После ухода юриста он попросил Эллу связаться с водителем служебной автомашины и передать, чтобы тот ожидал его у подъезда офиса.

Устраиваясь на переднем сиденье, Алябьев приказал коротко:

— В прокуратуру...

Говоров позвонил Шматову из телефона-автомата.

— Слушай меня внимательно, Максим. Сегодня, в крайнем случае завтра, сообщи Веронике, что больше ты в ее услугах не нуждаешься. Все понял?

— Может быть, немного подождать? — неуверенно предложил Шматов. — Думаю, делу это

не помеха.

— Думаю здесь я, Шматов. Сказано — сделано. Повторяю: ты все понял?

— Да понял я, — вздохнул тот и повесил трубку.

Он прошел в комнату, тяжело опустился в кресло. Налил себе вина в высокий стакан, пригубил.

Что-то надломилось в этом человеке. Он уже не желал расставаться с Вероникой. Возможно, он слишком привык к ней, а возможно, это было чувство посильнее обычной привязанности. Но разобраться в своих ощущениях он до конца так и не успел. Стоило ему вспомнить горилл Говорова, что навещали его в позапрошлом году, как нужное решение пришло само собою.

В дверь позвонили. Он открыл — на пороге стояла Вероника. Когда она вошла, Шматов увидел слезы у нее в глазах.

«Плохи ее дела», — подумал он.

— Максим, — пропищала Вероника, — я совсем раздета. Все шубы и драгоценности пришлось отдать этим выродкам. Помоги мне, Максик!

— Как? — спросил он не без жалости.

— Помнишь, ты говорил, что выиграл в казино? Одолжи мне немного денег. Хотя бы тысяч пять долларов. Я скоро смогу их тебе вернуть.

— Да мы их с тобой почти все в «Аэлите» тогда оставили, — соврал Шматов. — Я сам на мели, родная... — Тут он запнулся и соврал еще раз: — Прости, Вероника, я женюсь. Уже день свадьбы назначен.

— Женись на здоровье, — с вымученной улыбка сказала она. — Но встречаться-то мы сможем?

— Вряд ли. А если точнее, то это вообще исключено.

Глаза ее буквально набухли от слез.

— Как ты мог?! — удивленно, с болью спросила она. — Как, Максим? Скотина неблагодарная!

Далее раздался звук пощечины, и каблучки Вероники дробно застучали по ступеням лестницы.

Максим лишь прикрыл дверь, не запирая ее на замок, а после поплелся к холодильнику, из которого достал непочатую бутылку водки...

Сластин сидел у себя в кабинете и раздумывал над тем, как бы ему разбогатеть — крупно и одномоментно. Он перебирал в уме различные варианты, вспоминал всех своих клиентов, но ни один не отвечал запросам Иннокентия Викентьевича. Даже Алябьев, который должен прийти сегодня и принести деньги, не тянул на спонсора такого масштаба. Той суммы, думал Сластин,

хватит на месяц, от силы на полтора, при его-то, Сластина, запросах. А клиентами, на которых можно было бы оформить крепкий компромат, пока что не пахло. Другими словами, дела у него шли ни шатко ни валко. Хреново это...

В дверь постучали — на пороге стоял Алябьев. Сластин подумал было, не попытаться ли вытянуть из него еще пару-тройку тысчонок, но, покумекав слегка, пришел к выводу, что слишком перегибать палку тоже не стоит.

— Проходите, Владислав Юрьевич, присаживайтесь, — предложил Сластин.

— Вот, принес, как договаривались, — объявил Алябьев, выкладывая на стол пухлый конверт. — Пересчитывать будете?

Сластин осклабился:

— Обязательно, Владислав Юрьевич.

Он вскрыл конверт и принялся лихорадочно пересчитывать деньги. Закончив, уложил их в верхний ящик стола.

— Я должен убедиться, что у вас не осталось копий того видео, — сказал Алябьев.

— Каким образом, интересно? Придется вам положиться на мое слово. Слов, кстати, я на ветер не бросаю.

— Что ж, похвально, — пробормотал Алябьев

и вдруг сказал громко, обращаясь неизвестно к кому: — Можно!

В ту же секунду в кабинете материализовались трое в штатском и два человека в форме. Предъявили Сластину удостоверения, представились.

— В верхнем ящике, — подсказал им Алябьев.

Кроме конверта с мечеными купюрами в столе были обнаружены копии протокола задержания сына бывшего главы города. Один из тех, что были одеты в штатское, поинтересовался:

— По этому поводу объяснения будут, Иннокентий Викентьевич?

Побелевший Сластин судорожно закивал:

— Меня шантажировали. Все оригиналы находятся у Георгия Васильевича Говорова, вице-президента компании «Синтек».

Алябьев вернулся домой поздно, очень уставшим. Вероника не ложилась — ждала мужа. Увидев, какой тяжелой поступью он входит в спальню, подошла к нему, помогла снять пиджак.

— На тебе лица нет, Владик, — с мягкой заботой сказала она. — Неприятности на работе? — И поймала себя на мысли, что впервые интересуется у мужа тем, как прошел его день. Впервые за все пять лет.

— Да нет, скорее наоборот — разоблачил одного ловкача. Знаешь, кто им оказался? Жора Говоров, чтоб ему... Хотел подмять под себя контрольный пакет. Друг лучший... — И Алябьев смачно выругался.

Все это он проговорил не глядя на Веронику, даже не повернувшись в ее сторону. В воздухе запахло электричеством. Она, словно почувствовав недоброе, спросила ласково:

— Ужин разогревать тебе? Люся приготовила сегодня...

— Да, пожалуй...

Какое-то время ужинали молча. Алябьев действительно проголодался — налегал на вареники с картошкой с тем же усердием, с каким обычно предавался работе. Лицо его было сосредоточенно, ножом и вилкой он орудовал с ловкостью заправского фокусника. Когда тарелка опустела, Вероника налила кофе. Кофе, сколько бы Алябьев его ни выпил, никогда не мешал ему уснуть, коли в том существовала необходимость. Пока он цедил из маленькой чашки крепкий напиток, они по-прежнему молчали. Наконец Вероника нарушила тишину:

— Влад, я хочу с тобой серьезно поговорить.

— Что ж, дорогуля, давай поговорим.

— Мне надоело сидеть дома, — начала Вероника. — Хочу работать. Ты не мог бы ввести меня в совет директоров? Все же высшее образование у меня имеется, нужно только кое-что вспомнить.

— С каким пакетом ты собираешься войти в совет?

— Думаю, ты не откажешь любимой женушке. Подаришь ей несколько акций. Процентов четырех-пяти будет в самый раз. — А сама думала в тот момент, на какой срок хватит ей этих пяти процентов, когда шантажисты про них прознают.

Влад молчал.

— Ну, Владик! Войди в мое положение — надоело мне находиться в роли домохозяйки.

Алябьев после этих слов побледнел настолько, что даже губы побелели. Он поднял на Веронику зловещий взгляд (она тут же поняла, что это конец) и проскрипел тихим, не своим голосом:

— Домохозяйка, говоришь? В саду — садовник, у ворот — охранник, уборка — на горничной, хозяйство — на экономке...

Какая ты, к чертям собачьим, домохозяйка?! — Он повысил голос, а после и вовсе перешел на крик: — Приживалка ты! Да к тому же еще и шлюха бесстыжая. Знаю я все про твоего Шматова, про эту проститутку с мужским членом! Это он,

кстати, мне глаза открыл на мою «дорогулю», он сообщил, что ты с ним встречаешься. — Алябьев зло усмехнулся. — Сказал, что надоела ему твоя тупая голова хуже горькой редьки. — И сразу же голос Алябьева погрустнел: — А мне всегда нравилась твоя недалекость. Иначе как наивностью — доброй, искренней — в мыслях я ее не называл. И я любил тебя, Вероника, любил просто за то, что ты есть... Хотя за что еще может любить мужчина женщину?! — Он пожал плечами. — Да, только за это... А Шматову твоему я даже денег заплатил за столь ценную информацию — сто тысяч долларов. — Он снова усмехнулся. — Иначе на что жить-то ему, бедолаге?

Вероника сидела ни живая ни мертвая, она казалась каменным изваянием, и лишь слезы, катившиеся по мраморным щекам, отличали эту женщину от статуи. Все же она нашла в себе силы вымолвить:

— Но и я ведь люблю тебя, Владик. Это правда.

Алябьев в ответ жахнул кулаком по столу, прошипел:

— Молчи, сука блудливая! Ни слова! Хочешь узнать еще кое-что? Это мне ты отдала все свои деньги, меха и драгоценности. Ты пришла ко мне раздетая, раздетой и уйдешь. И не вздумай со

мной судиться. У тебя на руках копия брачного контракта, а у меня — видеоматериал интересного содержания. Ты знаешь — какого. Поэтому о тяжбе даже не мечтай.

Алябьев взял с диванчика, на котором сидел, папку — Вероника не заметила, как он принес ее на кухню, — достал оттуда четыре листа бумаги, судя по всему, какой-то документ.

— Подписывай, — властно сказал он. — Здесь и здесь...

Она взяла ручку и подписала бумаги, ничего не видя перед собой — пелена слез застила ей глаза.

Алябьев отсчитал несколько тысячных купюр, положил на стол.

— Это тебе на билет, мотай обратно в свой Говнодрищенск. А впрочем, куда хочешь мотай. И если завтра в десять утра ты будешь еще находиться в доме, охранник вышвырнет тебя на улицу в том, во что ты будешь на тот момент одета. Все, дорогуля, спокойной ночи. Спать можешь на кушетке в гостиной.

Алябьев встал и вышел из кухни.

Стальной засов угрожающе лязгнул, дверь в камеру со скрипом отворилась.

— Сластин, на выход, — скомандовал конвоир. — Руки за спину, лицом к стене.

Конвойный запер дверь, приказал:

— По коридору вперед, по сторонам не оглядываемся.

Сластина вели на допрос. Он уже больше суток просидел на нарах изолятора временного содержания, и более всего ему хотелось есть. С питанием здесь было, прямо сказать, не ахти.

— Остановился, — снова приказал конвоир у двери допросной. — Лицом к стене.

Сластин почти уперся лбом в стену, выкрашенную в грязнозеленый цвет, и, когда дверь в допросную открылась, услышал:

— Иннокентий Викентьевич, и вы здесь! — Он узнал голос Говорова. — Надо же, какая встреча!

Рявкнул конвойный Говорова:

— Не разговаривать! По коридору прямо.

Говоров не унимался:

— А вы проситесь ко мне в камеру, господин Сластин. Я — в четвертой.

— Я вместо четвертой тебя сейчас в петушатник определю! — снова гаркнул конвоир и вытянул Говорова дубинкой промеж лопаток.

Раздался громкий стон — и снова приказ конвоира:

— Руки за спину!

«Боже мой! — с трепетом думал Сластин,

уткнувшись лбом в грязно-зеленую стену. — Куда я попал! Бог ты мой!»

— Заходим, — услышал он очередную команду...

Вероника, в простеньком одеянии — босоножках, потертых джинсах и блузочке, — сидела на нижней «боковушке» неприбранной плацкарты и с безучастным видом наблюдала за тем, что творилось на перроне. На перроне толпились отъезжающие — будущие ее соседи по вагону и те, кто их провожал. В открытое окошко врывался гомон толпы, смех, напором струилась радость, приправленная местами грустью предстоящей разлуки.

Что-то пролаял громкоговоритель. Вероника прислушалась — но нет, это прибывал новосибирский скорый. Она посмотрела на часы. Ее поезд — на Москву — отправится аж через несколько минут. Не отводя взгляда от окна, она подперла ладонью щеку. Глубоко вздохнула, хотела положить ногу на ногу, но что-то ей помешало. Ну, конечно! Это же багаж ее под ногами — небольшая спортивная сумка. Пяткой она задвинула ее под сиденье, продолжая смотреть в окно, на город, к которому уже успела привыкнуть. За пять-то лет... Какой же она все-таки была идиот-

кой — потерять такого мужика! И снова, как и пять лет назад, о деньгах на счетах Алябьева она не думала. Ни чуточки. Ее не терзала обида на Влада, Вероника была убеждена, что он поступил с нею справедливо. Что-то ждет ее теперь?

Москва — огромный город, где для каждого таится бессчетное множество возможностей. Кто знает, может быть ей повезет и она попадет на какую-нибудь вечеринку, наподобие той, что свела е с Владиком? А возможен и другой вариант, прямо противоположный, — еженощные бдения на Ленинградском шоссе. В свое время Вероника вдоволь была наслышана о Ленинградке.

«Но поживем — увидим», — подумала она, и в этот момент вагон с грохотом и лязгом дернулся, поезд плавно покатил на запад. Провожая взглядом знакомые постройки, Вероника глубоко вдохнула и выдохнула. Ей казалось, что она выдыхает из себя все, связывающее ее с этим городом. Она прощалась с ним навсегда и почему-то ни о чем не жалела.

Неожиданно она увидела, как у обочины дороги наряд милиции запихивал в «уазик» в стельку пьяного мужчину. Может быть, ей это просто померещилось — поезд уже набрал порядочную скорость, — но этот пьяный был здорово похож

на Максима. Вероника грустно улыбнулась чему-то, а поезд все набирал и набирал ход. Колеса методично отстукивали дробь на стыках рельсов, вагон плавно раскачивался из стороны в сторону.

С лица Вероники не сходила грустная улыбка. Откуда-то в ней возникла и укрепилась уверенность, что ничего плохого не ждет ее там, куда она направлялась. Ведь каждый человек, думала она, всегда имеет шанс на удачу, пусть даже этот шанс будет у человека последним...

Андрей ИВАХНЕНКО
СНЕГ

День тридцать первого декабря года две тысячи...того выделялся из долгой череды предыдущих прекрасной погодой. Крепкие морозы, лютовавшие добрую половину декабря, ослабили наконец свои ледяные тиски, а стальная масса облаков, скопившаяся в небе, высыпала на город тонны осадков. И продолжала сыпать.

Ясноволжск утопал в снегу. Снежинки падали тихо, ложились ровно. Ветра не было, столбик термометра, казалось, не собирался опускаться ниже отметки «минус восемь» по Цельсию.

Приземистый представительский «БМВ» черного цвета двигался по Горьковскому шоссе к выезду из города. Размеренно урчал мощный двигатель, машина шла, не превышая скорости. Водитель, впрочем, и при желании не смог бы нарушить скоростной режим. В это время суток

движение здесь было довольно плотным, да и снегоуборочная техника заметно затрудняла «работу» лихачам: коммунальные службы города в минувшую ночь включились на полную мощность. Салон автомобиля наполняли дым дорогих сигарет и аромат изысканного парфюма. Из стереодинамиков мягко струилось давно забытое «Аргентинское танго».

В салоне находились два человека. Пассажир — Равиль Фай-зиев, глава торговой сети «Нона», и водитель — Альберт Максимов, его официальный первый заместитель и вообще правая рука во всех их обоюдных начинаниях. Эти двое были друзьями с детства: вместе ходили в школу, вместе служили в армии, вместе отбывали срок. Были неразлучны, и дружбу их не могла порушить никакая, даже самая крепкая сила.

Они молчали практически всю дорогу, с того момента, как отъехали от своего офиса на Советской площади. Наконец Максимов спросил:

— Сколько мы проторчим в этом «Раю»?

— «Сам» сказал, что будет четвертого. Но, возможно, у него получится и раньше.

— Вот зараза! — вырвалось у Максимова. — А чем мы там заниматься будем четыре дня? На лыжах ходить и в проруби купаться? Это что,

по-твоему, Новый год?

— Не кипятись, Альберт, — спокойно осадил друга Файзи-ев. — Лес, тишина, воздух, кухня отменная. Хоть отдохнем по-человечески — задолбала работа. Ну, если хочешь, девочек пригласим... Знаю, там не положено, но для нас сделают исключение.

Максимов поморщился. Проворчал:

— Надоели шлюхи — куклы одноразовые. Чего-нибудь существенного хочется, своего чего-нибудь...

— Ну, дружок, здесь я тебе не помощник, — протянул Файзиев и неожиданно спросил: — Ты «снежка» прихватил?

Хохотнув, Максимов исполнил красноречивый жест:

— Тебе снега мало?

— Так взял или нет?

— Взял, взял пакетик. Хватит тебе на четыре дня. — Он помолчал немного, затем сказал: — Давай-ка еще раз всю схему прогоним. Значит, так. «Сам» приезжает...

— Он прежде позвонит, сообщит точное время. Мы к этому времени должны смотаться в офис, доставить в «Рай» деньги. Отдаем ему сумку, он пересчитывает и называет место и время получе-

ния груза. Забираем груз, а дальше — по старой схеме... Ты деньги в сейф убрал?

— Да.

— Шифр тот же?

— Тот самый.

— Никто — ничего? Все-таки три «лимона» баксов...

— Брось, Равиль. Ситуация не из новых, не в первый раз.

— Ну, значит, с наступающим?

— С наступающим, дружище! — И они звонко шлепнули ладонью о ладонь друг друга...

В пятнадцати километрах от Ясноволжска, практически уткнувшись в прибрежную кромку Лебяжьего озера и заняв собою добрых три гектара земли, уютно расположился спортивно-развлекательный комплекс с вводящим в искушение названием. Вывеска над центральными воротами о том и гласила: «Семейный спортивно-развлекательный комплекс «Лебяжий Рай»».

Территорию базы под плотными шапками красавиц-сосен занимали, в основном, одно-, двух- и трехкомнатные коттеджи в один этаж. В каждом — помимо ванны и туалета — имелось по крохотной сауне. Лишь одно двухэтажное зда-

ние присутствовало здесь — здание управления. С бухгалтерией и кабинетами: владельца (он же являлся и управляющим), шефа службы безопасности, массовика-затейника, руководителя культурных программ; с небольшой библиотекой, тренерской и центром медпомощи. Метрах в пятидесяти от офиса находился кинотеатр на сто мест, чуть поодаль — ресторан с танцполом, в северо-восточном углу комплекса притулилась нестандартная хоккейная коробка, а по обе стороны от нее — тренажерный зал и пункт проката инвентаря: лыж и коньков. Само собой, слово «Прокат» на тяжелой бронзовой табличке красовалось постольку поскольку. Лыжи и коньки предоставлялись совершенно бесплатно, ибо любая услуга входила в стоимость пребывания, даже ресторан и кинотеатр. Общежитием для персонала СРК «Лебяжий Рай» не располагал. Вся обслуга, с относительным комфортом и абсолютным удовольствием, размещалась в нескольких двухкомнатных коттеджах, специально для этой цели построенных.

Провести здесь выходные, новогодние каникулы или отпуск стоило недешево, а потому публика за забором этого своеобразного санатория гнездилась в массе своей весьма и весьма

зажиточная.

Для Григория Серова, шефа службы безопасности «Лебяжьего Рая», утро второго января началось, как любое другое утро. Проснувшись рано, без четверти шесть, он совершил легкую пробежку — положил тридцать «оборотов» вокруг хоккейной коробки по тропинке, протоптанной им же и сегодня основательно заметенной снегом. Вернувшись к себе, принял душ, позавтракал остатками вчерашнего ужина, бросил на батарею промокшие кроссовки и вышел на улицу — выкурить первую сигарету. Курил он с некоторых пор мало, считая, что тридцать пять — это как раз тот возраст, когда наступает пора серьезно задуматься о своем здоровье.

Серов курил не торопясь, делая небольшие затяжки, и обводил взглядом территорию. Было темно — стрелки часов медленно подбирались к семи, — но пространство вокруг заливал свет фонарей и праздничной иллюминации. Падал легкий снежок, и властвующую кругом тишину изредка нарушал лишь гул автомобилей, доносившийся с трассы М7.

Серов работал здесь несколько лет — начинал с должности ресторанного вышибалы. После того, как его самого вышибли с треском из органов.

...Однажды, после затянувшегося празднования Дня милиции, он за рулем своей «девятки» возвращался домой. Рядом сидела жена Людмила, они непринужденно болтали о всякой ерунде. Время от времени Серов тихонько посмеивался, когда Люда беззлобно проходилась относительно экстерьера жен некоторых сотрудников, присутствовавших на милицейском балу.

Детей у них пока что не было, но полтора месяца назад жена сообщила ему о своей беременности и примерно в то самое время присвоила себе эту манеру — почти не упускать возможности, чтобы легко и добродушно поддеть кого-нибудь из окружающих. В такие моменты Серов наиболее остро осознавал, насколько он обожает, насколько боготворит свою Людмилку, и буквально упивался этими мыслями и своим чувством.

На Чистопольской улице, при подъезде к учебному корпусу Энергетического университета, движение стало заметно интенсивнее. Посмеявшись снова — в этот раз по поводу цыганских бус супруги одного полковника, — Серов сбросил газ аккурат против редакции «Ясноволжских ведомостей». Он быстро перестроился в правый ряд и «короткими перебежками», наравне с остальными автомобилями в потоке, стал медленно

продвигаться к светофору.

Автобусная остановка была уже метрах в тридцати. Народу немного. Беременная женщина у края навеса говорила по телефону. Серов увидел двух молодчиков лет восемнадцати. Один из них выхватил из руки женщины телефон. Первые мгновения она стояла пораженная, не предпринимая попыток ни к сопротивлению, ни к тому, чтобы позвать на помощь. Несмотря на это, второй молодец ткнул беременную раскрытой ладонью в лицо. Та упала на пыльный асфальт, носом у нее пошла кровь. По-прежнему она хранила изумленное молчание. Грабители бросились наутек. Серов все это видел отчетливо, вот только действиям своим отчета уже не отдавал.

Приказав жене сидеть смирно, он выскочил из машины и бросился наперерез юнцам. Первого, того, что был к нему ближе, он сбил с ног мощным боковым ударом. Второй подельник инстинктивно замедлил ход, и его постигла более страшная участь. Серов ударил ногой в коленный сустав парня, раздался громкий хруст, а вслед за ним — истошный вопль. В этом вопле, потрясшем округу, перемешались и боль, и гнев, и ненависть, и отчаяние, и жалость к самому себе.

Подонок повалился наземь, обхватил руками поврежденное колено и продолжал надсадно выть. Подскочив, Серов врезал ему носком ботинка в лицо. Жутко чавкнула рассеченная плоть, губы мерзавца расплылись алым месивом. Первый, кого Серов уложил в самом начале, попытался подняться на ноги. Серов развернулся и всадил ему ногой под ребра.

Потом — еще удар!..

Еще!..

Еще!..

Парень стал задыхаться. Вокруг собиралась толпа. Отовсюду доносились реплики: «Он же убьет его!», «Остановите этого ненормального!», «А неплохо менты праздник-то отмечают!» Серов ничего этого не слышал. Фуражка давно слетела с его головы, капитанская шинель была заляпана кровью, а он все продолжал и продолжал наносить удары. Только появившийся из ниоткуда наряд ППС смог оттащить ничего не соображавшего Серова от его жертв и усадить на заднее сиденье «уазика»...

Следствие было недолгим, однако до суда дело не довели — как ни крути, а Серов задержал преступников. Его уволили с формулировкой «за превышение служебных полномочий». У Люды от

переживаний случился выкидыш, она обвинила во всем Серова и ушла. Навсегда. Через три месяца после тех событий Серов дал ей официальный развод. А еще через неделю забрюзжал вибратор его мобильного. Ответив, Серов услышал смутно знакомый голос:

— Здравствуйте, Григорий Семенович. Прознал про ваши неприятности. Не могли бы мы с вами встретиться?

— Это с кем?

— Вас Игорь Андреевич беспокоит, Арбузов. Помните такого?

Серов помнил. Он спросил:

— Чем обязан, интересно?

— Это не вы, это я вам кое-чем обязан. У вашего подъезда сейчас стоит машина, — Арбузов назвал марку и номер, — садитесь, и вас ко мне отвезут. Хочу поговорить с вами о вашем будущем...

Разговор с Арбузовым много времени не занял. Когда тот предложил Серову место кабацкого вышибалы, а Серов поинтересовался, за какие заслуги ему оказана такая «честь», Арбузов ответил:

— Несколько лет назад вы здорово меня выручили тем, что не посадили за решетку. Тем, что отмели прочь личные мотивы и, действуя строго

по закону, не лезли из кожи вон, чтобы всеми правдами и неправдами упечь в тюрьму. Я вам обязан, а долг красен только платежом.

— Слыхал я эти байки, — усмехнулся тогда Серов. — О временных союзах честных ментов с честными ворами. Слыхал...

— А ты, капитан, — не мент честный, ты — человек порядочный. Об этом даже то говорит, как ты отметелил тех ублюдков в День милиции... В общем, думайте, Григорий Семенович, сколько угодно. Как надумаете — позвоните.

Через несколько дней Серов принял решение...

А проработав два месяца, стал склоняться к мысли, что Арбузов тогда в самом деле действовал от чистого сердца. Слово «вышибала» в названии должности оказалось пустым звуком — никого здесь вышибать не требовалось. Этот ресторанчик был уютным семейным гнездышком, где в пляс пускались только по большим праздникам. Он, Серов, в ладно скроенном служебном костюме лишь добавлял солидности этому местечку, вселяя в постояльцев уверенность, что все они находятся под надежной защитой. Только вот от кого, собственно, можно было их защищать, Серов и сам затруднялся ответить.

В «рядовых» он проходил недолго. Уже через

полгода был произведен сразу в «майоры», а еще через год — аж в «полковники».

Работалось ему легко, жилось интересно. Та маленькая библиотека на первом этаже конторы была полностью в его распоряжении — он любил читать. В тренажерном зале висел боксерский мешок, рядом стояла пара его любимых двухпудовых гирь, а на стене висела скакалка, которой никто из посетителей и не думал пользоваться. Он встречался с разными людьми — постояльцами «санатория», заводил интересные знакомства. Именно интересные, ибо знакомства полезные мало что значили для Серова всю его сознательную жизнь.

Как-то ему довелось столкнуться с Мариной, дочкой Арбузова. Та, переведясь на заочное отделение института, работала теперь здесь, в ресторане, простой официанткой. Как слышал от кого-то из служащих Серов, работала наперекор воле отца. Арбузов поначалу был категорически против, но потом вроде бы смирился.

Серов рано утром возвращался с утренней пробежки по лесу — дело было летом — и, проходя мимо ресторана услышал:

— Григорий Семенович, вы нам не поможете?

Не столько его имя, произнесенное вслух,

сколько сам голос заставил Серова остановиться. Звонкий, чистый, словно горный ручей, голосок эхом прокатился в утренней тишине и, казалось, рассыпался хрустальными каплями по сочной траве. Серов обернулся. Из-под черных тонких бровей на него смотрели зеленые, точно изумруды, глаза. И снова — голос:

— У нас проблема, Григорий Семенович...

До того момента он ни разу не заговаривал с Мариной, а при встречах лишь обменивался с нею кивками. И он не раз слышал ее голос, но никогда голос этот не казался ему таким волшебным, таким проникновенным. Серов поинтересовался, что за проблема постигла Марину.

Оказалось, проблема лишь именовалась проблемой, а по сути... В общем, требовалось срочно выгрузить приезжую «Газель», которая прибыла слишком рано, а ресторанный грузчик вернется из города только к восьми часам. Охранника с ворот снимать нельзя, ну а остальные рабочие пока спят. И она, Марина, будет очень признательна, если Григорий Семенович окажет любезность и пришлет сюда охранника, временно сменив того на его посту.

Серов, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, но все же с улыбкой, пробубнил сквозь зубы:

— Показывай свою «Газель»...

Впоследствии они, встречаясь, всякий раз останавливались перекинуться парой слов, а то и вовсе разговаривали подолгу. Серову все нравилось в этой девчонке: и мягкие волны черных волос, и глаза-смарагды, и даже то, как она смешно морщила носик, когда улыбалась. Хотя улыбка эта порой приводила его в замешательство. Она бывала то озорной, то застенчивой, то задумчивой, но всегда и всегда — до конца мягкой и обаятельной.

Однажды Серов спросил Марину, почему она упорно обращается к нему по имени и отчеству, и получил ответ, что он, дескать, принадлежит к начальствующему составу их предприятия и она, Марина, по-другому просто не имеет права.

— Но ведь ты дочь хозяина, — улыбаясь, возразил Серов.

— А вы что же думаете, что я барская дочка, а папенька мой руками и ногами радеет за мое служебное благополучие?

Серов в замешательстве пожал плечами.

— Примите к сведению, Григорий Семенович, — серьезно сказала Марина, — если вы меня, к примеру, изнасилуете или, там, убьете, отец задушит вас собственными руками, и ему за это

ничего не будет. Но если вы приедете к нему и доложите, что я нерадиво отношусь к своим обязанностям, он уволит меня в два счета и не станет ничего выяснять и перепроверять. Потому как вы — руководитель подразделения, а отец на эти должности неврастеников и самодуров не назначает. Вот так-то...

В последние полгода Марина стала вести себя с ним не так, как раньше. Озорной блеск в ее глазах мелькал все реже и реже, она перестала смешно морщить носик, когда улыбалась. А сами улыбки стали скорее грустными и задумчивыми, нежели озорными и веселыми. Она не чуралась его, но при встречах старалась перевести разговор на темы куда более серьезные, чем пустые, о всякой житейской чепухе.

Серов как-то попытался проанализировать перемену, с нею произошедшую, но ничего толкового заключить не мог. Одна догадка, правда, пронзила его мозг, но он, точно испугавшись этой мысли, тут же отогнал ее прочь.

В последний раз он встретил Марину вчера, первого января, вечером. Осадков к тому времени не было уже сутки, Марина медленно брела с опущенной головой по утоптанной тропинке. Не поднимая головы, свернула к коттеджу,

возле которого Серов курил последнюю за день сигарету, и подошла. Только тогда она подняла голову и посмотрела на него полными слез глазами. Первым его порывом было спросить, что случилось. Однако увидев в этих глазах печаль и боль, не высказанную, не разделенную, отказался от этой затеи. Он давно понял, что происходит с Мариной, но боялся самому себе признаться, что давешняя его мимолетная догадка верна, и не мог сделать первый шаг навстречу. И отнюдь не Арбузов стоял на его пути. То была Люда, его бывшая жена, которую Серов так до конца и не забыл.

Марина заговорила:

— Григорий Семенович, зачем вы так? Разве вы дурак? Или слепой? Вы что, не видите, что происходит? Не видите, может быть?

— Марина, послушай...

— Дайте мне закончить! — Она повысила голос на полтона. Он был глухим и хрипловатым. — Я уже почти год хожу как в омут окунутая. Сначала все придуривалась: ля-ля — тополя, хиханьки-хаханьки... Потом попробовала тактику сменить, надеялась, задумается мужик, догадается, знаки начнет оказывать. Какое там!.. Не верю я, что вы не видите ничего и знаю, что у вас никого нет — вы ведь почти безвылазно здесь живете:

библиотека — спортзал, спортзал — библиотека. И не ревную я вас нисколечко ко всяким там, к которым вы раз в месяц в город мотаетесь, — я права не имею... Но все равно, знаете, как больно видеть ежедневно самого дорого тебе человека и не иметь возможности сказать ему главного. А если вас разница в возрасте смущает, то я вот что скажу: мой дедушка старше бабушки на восемнадцать лет — и ничего, до сих пор живут, как два грибочка под кусточком. А у нас с вами всего-то двенадцать!.. И папа мне в этом деле не указ — я сама могу свою жизнь строить, только нужно, чтобы вы тоже хоть немного помогли. А, Григорий Семенович?.. — Сейчас Марина по-настоящему плакала, уткнувшись лицом в прогулочную телогрейку Серова. Руками в варежках из козьего пуха она вцепилась в рукава телогрейки. — Можете теперь думать про меня все, что угодно, только помните: даже во времена Пушкина случалось, что женщины мужчинам первыми в любви признавались...

Она замолчала. Серов тоже молчал. Сердце его бешено колотилось, и более всего — от неожиданности, от легкого испуга; первый раз он оказался в такой ситуации. И как он мог ее успокоить? Сказать, что у нее вся жизнь впереди, а случай с

ним — нечаянная блажь? Что парни будут штабелями к ее ногам падать... Ну а что ж он сам-то не упал, а?

Марина подняла к нему заплаканное лицо, привычно смешно шмыгнула носом.

— Вы только не отвечайте сейчас ничего, — тихо попросила она. — Не хочу, чтобы из жалости вы сказали «да», а к вашему «нет» я сегодня не готова... Завтра я буду в порядке и смогу спокойно принять любой ваш ответ. Простите меня. — И она почти бегом бросилась к своему коттеджу. Через несколько секунд Серов услышал, как открылась и захлопнулась входная дверь.

...Да, вчера, первого января, он, Григорий Серов, впервые в жизни смалодушничал. Ему не хватило смелости сказать Марине твердое «нет». А он должен был сделать это именно вчера, потому... потому... да потому, черт возьми, что сегодня у него на это снова не хватит духу!!! И дело тут вовсе не в жалости, не в боязни обидеть человека, а в... «А в чем же?!» — удивился он. Перед глазами неожиданно возникло лицо Людмилы: размытые очертания на неясном, дымчатом фоне. Секунда, другая, и дымка стала гуще, а после, переместившись на задний план, вовсе скрыла от Серова его видение.

Что же это с ним? Что, мать вашу, происходит?! Он выбросил окурок, зачерпнул пригоршню снега, растер им пылающее лицо. Не зная, куда себя деть, сделал два десятка быстрых приседаний. Снова умылся снегом. Когда он отнял ладони, лицо его украшала какая-то шальная, блуждающая и слегка потерянная улыбка.

— Но ведь так не бывает, Гриша! — произнес он вслух. — Черт возьми, так не бывает!!!

Он уселся прямо в сугроб, посмотрел на соседний коттедж.

Окно было плотно зашторено, но в комнате горел свет. Внезапно в голову ему пришла гулящая затея — метнуть в окошко снежком. Он зачерпнул две пригоршни и принялся лепить средних размеров шарик — не слишком плотный, — чтобы, чего доброго, не разбить стекло. И вдруг услышал торопливые шаги, а после его позвали:

— Семеныч! Семеныч! — Он узнал голос Захарыча, местного дворника. Захарыч подбежал, встал рядом. — Там... там, Семеныч! Маришка!..

По лицу Захарыча Серов определил, что случилось нечто из ряда вон. Пальцы непроизвольно разжались, снежок выпал из покрасневших рук.

— Пошли, — торопил Захарыч. — Она там, за коттеджем...

Марину они нашли за ее домиком, она лежала, наполовину утопая в сугробе. Застывшее лицо было спокойно, глаза закрыты. Припорошенные снегом, черные волосы казались почти седыми. Правая рука, сжатая в кулачок, белизною своей могла помериться со снегом вокруг, зимняя курточка Марины была расстегнута. На белом свитере, под левой грудью чернело пятно заледеневшей крови.

Марина была мертва — Серов понял это с первого взгляда. И все же он прикоснулся к тыльной стороне ее ладони — лед.

— Трогал что-нибудь здесь? — спросил он Захарыча?

— Дык, нет... Сразу к тебе.

— Стой вон там, метрах в пяти, и чтобы муха у меня не пролетела. Ясно?

— Дык, где ж их щас возьмешь-то, мух этих, — растерянно пробормотал Захарыч и поплелся в указанном направлении. Занял свой пост.

С зажженной сигаретой в зубах Серов вошел в будку охранника. Дежурил сегодня Алексей Халтурин, молодой парень двадцати пяти лет. Работал он здесь уже три месяца и пока не вызвал со стороны Серова ни одного нарекания. Серов нервно выдохнул дым в потолок, спросил:

— После полуночи приезжал кто-нибудь?

Халтурин покачал головой.

— Уезжал?

Тот же ответ.

— Чего башкой мотаешь, как баран?! — повысил голос Серов. — Язык проглотил?

— Н-нет, — пролепетал Халтурин, ошарашенный поведением Серова. Он впервые видел шефа в таком настроении.

Серов набрал номер второго поста — калитки, через которую постояльцы выходили на лыжные прогулки. Он задал те же вопросы и, выслушав, бросил трубку. Снова поднял ее, набрал «02», сообщил об убийстве.

— Значит, так, — резко сказал он обомлевшему Халтурину. — Никого не впускать и тем более не выпускать. Чтоб ни одна живая душа... Ясно?

Халтурин робко кивнул.

— То же самое передай на калитку, — бросил Серов.

На улице он обошел каждую машину на стоянке. Особое внимание уделял количеству снега на крышах и капотах авто. Абсолютно все автомобили в этом смысле выглядели одинаково. Проверив стоянку, Серов отправился по периметру.

Приблизительно через полчаса, в промокших

по колено джинсах он вернулся к воротам, которые в этот момент бесшумно открывались. По ту сторону ворот Серов увидел микроавтобус следственно-оперативной бригады. «Фольксваген» мягко вкатился на территорию, притормозил.

Начинало светать.

Открыв переднюю дверцу, Серов узнал своего старого приятеля Марата Вахитова. Когда-то они вместе работали, какое-то время даже делили один кабинет. Вахитов тоже узнал знакомца, удивился:

— Ты что здесь делаешь? — С улыбкой пожал протянутую руку. — Ты вызывал? Показывай...

Пока криминалисты работали на месте преступления, Серов в нескольких словах обрисовал Вахитову, каким образом он здесь очутился. Сообщил, кем является убитая.

— А где отец? — спросил Вахитов.

— В отъезде. Обещал быть четвертого, но может приехать и раньше.

— Связаться бы с ним.

— Свяжемся.

— Надо пройтись по периметру, — сказал Вахитов. — Следы, даже заметенные снегом, будет видно.

— Уже... Следы имеются. Недалеко от того места,

где я ее нашел. Больше нигде никаких следов нет, поэтому уверен — этот гад отсюда на ту сторону перелез. Он из местных. То есть я хочу сказать, это либо постоялец, либо кто-то из обслуги. Своих я всех сейчас проверю, а постояльцы — на тебе, Марат.

Подошел эксперт-криминалист, обратился к Вахитову:

— Товарищ подполковник, недурно бы разузнать у ее подруг, когда барышня ела в последний раз. И *что* ела. Без этого время смерти будет трудно установить — она не один час на морозе пролежала.

— Сделаем, — пообещал Вахитов.

— И еще: у нее в кулаке мы нашли пуговицу. Похоже, от мужской дубленки — вырвана с мясом, в нитках застрял клочок меха. Имейте в виду.

— Как она убита?

— Ножом, предположительно. — И эксперт удалился.

— Это кто-то из местных, — убежденно не унимался Серов. — Охранники клянутся, что никто не въезжал и не выезжал.

— Или кто-то из охранников с убийцей в сговоре.

— Ты все же проверь всех постояльцев на пред-

мет одежды, — посоветовал Серов и зашагал прочь.

Он поднялся к себе в кабинет, сел за стол. Немного посидел, собираясь с духом, и, решившись, набрал номер Арбузова.

— Какие новости, Гриша? — спросил Арбузов, ответив на звонок. — Я уже совсем рядом, в Залесном. Скоро буду. Так как дела?

— Плохие новости, Игорь Андреевич. Марина — ее убили...

Серов услышал, как Арбузов не своим голосом приказал водителю прибавить скорость, а после — гудки.

Он снова закурил и задумался.

За именем Игорь Арбузов стояло очень многое. Две небольшие гостиницы в Ясноволжске, этот комплекс и автосалон в Набережных Челнах являлись сущей мелочью по сравнению с тем, что приносило ему действительно настоящие деньги. Арбузов владел крупным пакетом акций общества «Ясноволжский Оргсинтез», двумя нефтяными компаниями в Лениногорске и Сургуте, нефтеперерабатывающим заводом в Альметьевске, большой речной флотилией. Год назад он за бесценок выкупил одну захиревшую фирму авиаперевозок и за шесть месяцев полностью

обновил ее парк. Теперь самолеты с эмблемой «Ар-Авиа» можно было встретить в самых разных уголках планеты.

В молодые годы Арбузов девять лет провел за колючей проволокой. Освободившись в конце 70-х, поступил на службу к одному цеховику, имеющему немалое влияние в сфере теневой экономики. Арбузов проявил недюжинные способности, коммерческие прозорливость и смекалку, и цеховик приблизил его. Арбузов набирался опыта, вникал вдело, а когда почувствовал, что самостоятельно может вести игру, цеховик куда-то исчез — тело его так и не нашли. Еще немного усилий (не обошлось, понятно, без нескольких трупов) — и Арбузов взял осиротевшие вожжи в свои руки.

Женился он поздно — к тому моменту ему уже исполнилось сорок — на женщине моложе его на пятнадцать лет. Та подарила ему дочь, которую счастливые родители назвали Мариной. Но ничто не вечно на земле — так и счастье Арбузова не было долгим. Его жена умерла от рака, когда Марина заканчивала первый класс. Во второй раз Арбузов так и не женился — отчасти из нежелания видеть подле себя кого бы то ни было, кроме дочери, так похожей на мать. Но главная причина заключалась в том, что он не хотел, чтобы его

любимой дочке пришлось выполнять указания и ощущать на себе заботу чужой, посторонней женщины.

После смерти жены всю свою неистребованную любовь Арбузов перенес на дочь. Он никогда и ничего не запрещал ей, никогда не внушал, что хорошо, а что — плохо, но Марина, однако же, не выросла балованной дочуркою богатого папаши. Она превратилась в статную, красивую девушку, знающую, чего хочет от жизни. Она никогда не точила зубы на отцовское наследство, предпочитая зарабатывать самостоятельно и, проведя младые годы в роскоши, к последней вовсе не стремилась. Не потому, что та ей опостылела, а исключительно из убеждения, что роскошь — это излишество, причем совершенно не обязательное. Что внутренний, душевный комфорт, положи его на другую чашу весов, всегда перевесит те удобства, которые окружают тебя в быту.

Все это Серов знал. Что-то он выяснил, когда однажды на стол к нему легло дело Арбузова, что-то почерпнул из долгих разговоров с Мариной, а кое о чем поведал ему и сам Арбузов.

Серов никогда не замечал за Арбузовым приступов ярости, необузданного гнева, но сейчас не мог дать гарантии, что сегодня такого не случится.

Сделав последнюю затяжку, он затушил сигарету и спустился вниз.

На улице он подошел к Вахитову, и тут из стоящего напротив коттеджа показался мужчина — один из двух постояльцев, которые прибыли под вечер тридцать первого. Арбузов перед своим отъездом ясно дал понять Серову, что это его личные гости, а потому на все их выкрутасы нужно смотреть сквозь пальцы. Естественно, драк и прочих беспорядков они устраивать не станут, но если вдруг по их душу явится пара-тройка девиц известного поведения, то препятствий чинить не следует. Серов сказал, что понял, и приготовил свои пальцы, чтобы сквозь них смотреть на возможные проблемы. Однако ни девицы, ни другие гости за минувшие дни у этих людей не появились.

Вышедший на улицу постоялец был изрядно пьян, очень нетвердо держался на ногах, но выглядел каким-то растерянным. Взгляд его блуждал по сторонам, словно ища подмоги, широкая спина ссутулилась. Ничего общего с тем бравым молодцем, каким он прибыл сюда 31-го, подумал Серов. Мужчина был одет в домашнее трико, шлепанцы и легкую водолазку. Постояв несколько мгновений на крыльце, он завидел

группу людей и, шатаясь, направился к ним.

— Э, милиция! — бросил он небрежно. — А вы тут чего? А что это у вас тут?

Вдруг он заметил тело Марины в снегу. Его лицо слегка вытянулось, выражая легкое удивление:

— Труп? — Он недоверчиво покосился на Серова с Вахитовым. — Ну, здрасьте, я ваше здрасьте!.. — Он покачнулся и неуверенно указал на свой коттедж. — Так и у меня там то же самое — дружок мой, Равилька...

А далее последовал шутовской приглашающий жест:

— Прошу-с...

Переглянувшись, Серов с Вахитовым быстро зашагали в предложенном направлении. Полуодетый постоялец заковылял следом.

Труп они обнаружили в одной из спален. Мужчина, завалившись на бок, в одних трусах лежал на кровати. Глаза были закрыты, лицо выражало полнейшее умиротворение, словно бы покойник просто прикорнул на часок; под носом, над верхней губой виднелись остатки белого порошка. Серов перевел взгляд на прикроватную тумбочку. На ней, разбитая на аккуратные, ровные дорожки, была рассыпана горстка, возможно, того же самого порошка.

Вахитов повернулся к пьяному постояльцу:

— Рассказывай...

Выходило так, что вечера постоялец — звали его Альберт Максимов — хорошо набрался и уснул. Друг его — Равиль Файзиев — оставался бодрствовать. Проснувшись утром с сильного похмелья, Максимов сначала громко позвал Файзиева, но ответа не получил. «Приняв на грудь» около стакана, Максимов подождал, покуда ему не станет лучше, а почувствовав облегчение, отправился в соседнюю спальню будить дружка. Там он и нашел его, уже остывшего.

Пока Максимов рассказывал, Серов вышел в прихожую, где висели две дубленки, и внимательно осмотрел каждую. Все пуговицы на обеих были целы. Серов вернулся в комнату, Максимов к тому времени уже закончил.

— Вы на двор сегодня ночью выходили? — спросил Серов.

Максимов отрицательно качнул головой. Вахитов спросил:

— Работаешь где?

— Торговая сеть «Нона».

— Кем?

— Вице-президент компании, — не без гордости ответил Максимов. Серову показалось, что

гордость слегка наиграна.

— А президент кто?

— А президент — вон, на кровати, — проворчал Максимов. — Мне адвоката вызывать?

— Зачем?

Максимов расхлябанно улыбнулся:

— На всякий случай, начальник!..

Дверь отворилась, вошли медэксперт и криминалист. За их спинами робко маячил Захарыч. Он махнул Серову, подзывая к себе. Серов подошел.

— Там это, Семеныч... В общем, барин прибыли. Тебя требуют. — Захарыч махнул рукой в неопределенном направлении. — У себя он, Семеныч...

Когда Серов вошел в кабинет, Арбузов темной скалой возвышался над столом. Перед ним стояла наполовину початая бутылка коньяка и недавно опорожненный стакан. В пальцах Арбузов катал незажженную сигарету.

Из-под седых бровей он хмуро посмотрел на вошедшего, взглядом указал на стул. Потом прикурил и спросил:

— Как это могло случиться, Гриша? А главное — зачем?! Кому могла помешать моя девочка? Она же комара... Эх, да что там комара! Она грубого слова за всю жизнь не сказала, всегда была добра и ласкова со всеми...

Арбузов налил полный почти стакан, залпом его осушил. Затем поднял глаза. Этот взгляд поразил Серова. Он увидел, что Арбузова душит любовь. Та самая, до конца не отданная, не выплеснутая любовь, которую не нужно черпать с самого дна, ибо она, готовая вылиться через край, переполняла его душу. А еще Серов видел перед собой человека, которому стало незачем жить. Которому отныне безразличны его деньги, его работа, его личная власть над теми, кто у него в подчинении, и теми, кто от него просто зависит. Хотя лично он, Серов, не замечал, чтобы Арбузов когда-нибудь упивался своею властью. Он спросил:

— Вам в последнее время поступали угрозы?

Арбузов криво усмехнулся:

— Поступи они, думаешь, вызвал бы я тебя сейчас? Сам бы разобрался... Гриша, найди их. Или его. Переверни здесь все, вытряхни душу из каждого, но найди... А после отдай мне. Молчи-молчи, я знаю, что ты собираешься сказать. Ты просто отдай — и все! А уж я с этой молью сам разбираться буду, без тебя.

— Думаю, искать не только здесь придется. Здесь, даже если и было что, уже давно сплыло... Мне понадобятся корочка и оружие, Игорь Ан-

дреевич, и автомобиль. Автомобиль, если можно, попроще.

Арбузов достал из ящика стола удостоверение, бросил на стол. Серов открыл его и на короткий миг потерял дар речи. Это было его собственное удостоверение, возвращенное им в отдел кадров при увольнении, — серию и номер документа Серов помнил наизусть. Он поднял изумленный взгляд на Арбузова.

— Считай, что временно ты снова в строю, капитан, — проворчал тот. — Только перед теми, кто тебя знает, этой коркой светить не следует. Возьми пистолет. — Арбузов положил на стол «Макаров». — Глушитель брать будешь?

Серов покачал головой.

— Машину получишь позже, доверенность будет в бардачке. Куда подогнать?

— Я позвоню, — ответил Серов.

Подойдя к двери, он обернулся.

— Игорь Андреевич, хочу, чтобы вы знали: Маринка... Вчера она мне в любви призналась. По-настоящему.

Он успел заметить, как у Арбузова два раза дернулась правая щека, и закрыл за собою дверь.

Фраза относительно Марины не вырвалась у Серова, не была спонтанной. Серов произнес ее

намеренно, чтобы дать понять Арбузову, что он, Серов, будет теперь не столько выполнять просьбу (или распоряжение — как хотите) Арбузова, сколько действовать, побуждаемый личными мотивами. Теперь Арбузов знает, что шансы на успех подскочили на несколько пунктов, а ему, отцу, потерявшему дочь, эта уверенность сейчас ох как не помешает!

На улице Серов подошел к Вахитову — тот заканчивал говорить по телефону. Сказав, что ему все понятно и они скоро будут, Вахитов убрал трубку в карман. Озадаченно посмотрел на Серова. Сообщил:

— Еще один труп. Ни за что не угадаешь где. Головной офис «Ноны». Застрелен охранник.

Серов не закончил переодеваться, когда уже точно знал, откуда начинать поиски убийцы Марины. Поиски следовало начинать с головного офиса торговой сети «Нона»...

— Я об этих друзьях давненько наслышан, — сказал Вахитов в машине. «Фольксваген» двигался в сторону города. — О Максимове с Файзиевым. В молодости они в тюряжке оказались ненадолго, по освобождении вымогательством занялись. На «вырученные» деньги открыли сразу девять торговых павильончиков. Оттуда и название

пошло: «нона» по-латыни — девять.

— Девятая, — усмехнулся Серов. — С числительными у ребят не клеится.

— Так вот, теперь они владеют обширной сетью супермаркетов по всей республике, ночными клубами, ресторанами, имеют несколько гостиниц здесь, в Ясноволжске.

— И к чему ты мне об этом?

— В прошлом году ФСКН порядка двадцати курьеров-«бегун-ков» отловила, с кокаином. И всех — в ночных клубах «Ноны». В позапрошлом, там же — человек двенадцать. Три года назад взяли пятерых. И вот что примечательно: все курьеры попадались только в летние месяцы, с мая по октябрь. Остальные полгода — тишь да гладь...

— ...божья благодать, — пробубнил Серов и достал телефон. Набрал номер Арбузова, не называя имен, проговорил: — Через два часа машина должна стоять у центрального офиса «Ноны». Номер и марку сообщите позже.

...Убитый охранник сидел на своем стуле. Его плечи и простреленная голова покоились на столе. Стол был забрызган кровью и сгустками мозга, усыпан осколками черепа — кто-то выстрелил парню в затылок.

— Дисководы аппаратуры наблюдения пу-

сты, — докладывал Вахитову оперативник в штатском. — Дверь в помещение охраны приоткрыта. Вывод: охранник знал своего убийцу, раз открыл ему дверь и позволил оказаться у себя за спиной. Далее: все кабинеты в здании заперты, кроме бухгалтерии. Там — полный разгром, взломан сейф. Но деньги, чуть более ста тысяч рублей, не тронуты. Кое-кто из служащих уже прибыл, все они сейчас наверху.

Вахитов шагнул в застекленную кабину охраны, Серов отправился на второй этаж. Вошел в бухгалтерию.

Кто-то действительно учинил там совершенный кавардак: ящики столов были выпотрошены, пол усеян листами бумаги. За одним из столов дама средних лет перебирала папки с документами. Серов сделал каменное лицо.

— Капитан угрозыска, — грубовато буркнул он, устраиваясь на стуле рядом. — Представьтесь, пожалуйста.

— Главный бухгалтер, — пролепетала женщина. — Зинина Людмила Викторовна... Это просто ужас — то, что произошло. Кошмар какой-то!

— Что у вас пропало?

— А вот это уже абсурд, — сказала она, добавляя голосу уверенности. — Все деньги — до рубля

— на месте. Нет счетов за электричество.

— Только по офису или по компании в целом?

— По компании. Но кому они понадобились-то?

— Конкурентам, например. — Лицо Серова сделалось еще более мрачным. В голосе зазвенела угроза: — Значит, так, Людмила Викторовна. Мне доподлинно известно, что вся ваша бухгалтерия — сплошная липа. Те налоговики, которым вы регулярно откатываете, давно у нас в разработке — скоро мы их возьмем...

Зинина приоткрыла рот, чтобы выразить слабый протест, но Серов сделал предостерегающий жест:

— Не перебивайте. Просто ответьте, положа руку на сердце, можно ли по этим счетам за электричество выйти на остальные ваши махинации с налогами? — Серов вновь приподнял указательный палец: — Только честно!

Видимо, набравшись смелости, Зинина выдохнула:

— Нет! Можно лишь доказать сокрытие части расхода энергии.

— А это, конечно, сущий пустяк в сравнении с остальным.

— Вы правы, — пролепетала она, — сущий...

— Деньги точно все на месте?

— Говорю же вам — да. Одиннадцать пачек сторублевыми купюрами. Вчера лично их в сейф укладывала. Все на месте. Да и кто бы из-за ста десяти тысяч пошел на убийство!

— А из-за счетов по электричеству?

Она слабо пожала плечами:

— Тоже вряд ли...

Ясно, подумал Серов. Значит, искали и, возможно, забрали что-то другое. Да не отсюда. А бардак здесь — просто для отвода глаз.

— С вами приехали еще сотрудники. Кто именно и как их найти?..

Секретарь генерального директора Сонечка Ленская оказалась миловидной девушкой с круглым личиком и рыжеватыми волосами, забранными на затылке в обычный хвостик. Ее небольшой, слегка приплюснутый нос украшала россыпь бледноватых веснушек. По нескольку таких же прилипли к обеим щекам с ямочками. Пространство между бровями прорезала глубокая вертикальная складка, глаза застилала пелена смутной тревоги, и Серов интуитивно предположил, что тревога эта зародилась не сейчас и не сегодня.

Для начала он задал Соне несколько общих

вопросов, коих требовала процедура дознания, а затем спросил:

— Соня, а что вы можете сказать о своем шефе, кроме того, что он ваш шеф?

Она пожала плечами. Как-то неискренне пожала, словно что-то терзало ее изнутри, коробило, и проговорила:

— Но я действительно только это и могу сказать. Я...

— Соня, — продолжал мягко настаивать Серов, видя ее смятение.

Лицо девушки застыло на несколько мгновений, а потом она решилась:

— В течение долгого времени шеф с замом регулярно пользовались одной машиной. Это «Газель», прикрепленная к супермаркету «Нона-ПРОМ». Последний раз они брали ее двадцать восьмого декабря. Вечером того же дня водитель загнал машину во двор магазина, ушел домой, и больше его никто не видел.

— До сих пор?

— Да.

— Имя водителя?

— Вадим Адоратский.

— Прошло уже пять дней. Родственники заявление в милицию подали?

— Вся родня у него в Челнах. Заявление подавала я.

— Простите, но вы-то тут при чем?

На какое-то время веснушки Сонечки скрыл розовый румянец, и она смущенно ответила:

— Он... я... мы весной пожениться собираемся.

— А что, Вадим когда-нибудь рассказывал вам о цели тех поездок?

— Я спрашивала, но он все отмахивался. Обычные, мол, рейсы: то да се, привезти, отвезти.

Тут в приемную вошел мужчина в строгом костюме. Сонечка сразу умолкла и поздоровалась. Выяснилось, что вошедшего зовут Трофим Савельевич.

— Я вас оставлю, товарищ капитан, — сказала Соня. — Меня Людмила Викторовна просила зайти зачем-то. — И поспешила ретироваться.

Серов предъявил мужчине удостоверение, представился. Тот ответил:

— Ершов Трофим Савельевич. Начальник службы безопасности.

Серову не понравился взгляд Ершова: цепкий, проницательный. Но это бы еще полбеды, ведь Ершову по долгу службы приходилось присматриваться к людям, изучать их. Более всего Серова отвратила настороженность в этом взгляде, при-

чем неприязненная настороженность. Опять же интуитивно, Серов предположил, что Ершов на чем свет стоит поносит человека, совершившего убийство охранника и последовавший за этим визит сотрудников милиции. Он спросил:

— Как думаете, кого мог впустить в помещение убитый?

— Никого, — твердо ответил Ершов. — В ночное время это категорически воспрещено.

— Однако же это случилось, вы сами могли убедиться. Кто инспектирует охрану по ночам?

— Мой заместитель.

— У него свободный график или он появляется в определенные часы?

— В определенные. Свободный график — у меня. Я был здесь сегодня в два часа ночи, о чем оставил запись в журнале проверок. Все было в ажуре.

— А заместитель?

— Он приезжал в ноль часов и в три часа. Запись также имеется.

Значит, подумал Серов, охранника убили уже после трех часов ночи. Он вновь задал вопрос:

— Кто имеет доступ к этому вашему журналу проверок?

— Я, мой зам и руководство фирмы.

— Максимов с Файзиевым?

— Они самые.

— А охранники?

— Журнал постоянно в опечатанном сейфе. Мы сами его оттуда достаем, а перед уходом снова опечатываем сейф.

— Когда смена караула?

— В начале рабочего дня — с восьми до девяти утра.

— Как полагаете, Трофим Савельевич, зачем кому-то понадобилось убивать охранника?

— Понятия не имею, товарищ капитан.

«Все-то ты имеешь, — подумал Серов. — Ведь тебе, бес, прекрасно известно, что диск с аппаратуры видеонаблюдения похищен. А раз похищен диск, значит, нельзя было оставлять и охранника — это хотя бы одна из версий. Прокололся ты, Трофим Савельевич, прокололся...»

— Вы меня извините, — сказал Ершов, — но мне надо сделать один звонок с городского телефона. — И взглядом он указал на аппарат на столе у секретарши.

Серов сделал приглашающий жест:

— Ради бога. Мне и так уже пора.

В коридоре Серова догнала Сонечка. Она по-прежнему была встревожена.

— Вы должны немедленно ехать в «Нону-

ПРОМ», — сказала твердо, почти потребовала она. — Там найдете Александра Михайловича Ульянова — это директор, он все выходные и праздники сидит на работе, потому что просто помешан на ней. Может быть, у него что-нибудь сможете узнать про Вадима.

Серова забавляло ее сосредоточенное личико, усеянное веснушками, и он попытался сделать Сонечке своеобразный комплимент:

— Вот как ни посмотрю я на вас, — заявил он с грустной улыбкой, — так все мне чудится, будто на улице апрель.

— Эх, товарищ капитан, — вздохнула она с безнадегой, — видели бы вы меня в апреле!..

На первом этаже Серов подошел к Вахитову.

— Я поехал, — сообщил он. — Все объясню позднее. А ты, Марат, попробуй узнать у своего человека из ФСКН, когда начинали отлавливать «бегунков» с кокаином. Я так понимаю, что их периодами брали. Так вот — нужно начало каждого нового периода. Хочется знать, пусть приблизительно, время поставки той ли иной очередной партии наркотика. Хотя бы за минувший год.

— Попробую...

На улице со стоянки ему «моргнула» фарами белая «семерка». Серов подошел, узнал водителя

Арбузова. Тот вылез, напомнил, что документы в бардачке, и пожелал удачи. Серов забрался за руль.

...В супермаркете ««Нона-ПРОМ» — огромном хозяйственно-промышленном магазине — Серов встретился с его директором Александром Михайловичем Ульяновым и сразу понял, что мало чего добьется от него, просто задавая вопросы. То был низенький, плюгавенький мужичонка лет сорока пяти с неприятной острой мордочкой. Его маленькие, как у свиньи, бегающие глазки лучились осторожностью, по всей видимости — врожденною, и Ульянов, похоже, даже гордился этой чертой своего характера. «Сфотографировав» предъявленное удостоверение, Ульянов вкрадчиво поинтересовался:

— Так по какому вопросу?

— В офисе сегодня охранника убили, — ответил Серов с безразличным видом, — так что мне теперь надо просмотреть все путевые листы за минувший год. Они ведь у вас все в целости, да, Александр Михайлович?

— Нужны абсолютно все путевки?

— Меня интересует «Газель», закрепленная за Вадимом Адоратским.

— Но...

— Ведите, показывайте, чего уж там. — И Серов похлопал Ульянова по плечу с таким видом, будто бы имел самые добрые намерения.

Путевки Серов разбирал часа три. Иногда он прерывал свое занятие и обращался к Ульянову с репликами наподобие: «А вот здесь путевой лист отсутствует». Серов делал пометку у себя в блокноте и спрашивал: «Как вы это объясните?»

Ульянов в такие моменты спокойно пожимал плечами и отвечал, что, возможно, это логисты что-то напутали. «Запарка, знаете ли, — добавлял он всякий раз. — Каждый день запарка...»

Закончив просмотр толстенной кипы бумаги, Серов позвонил Вахитову и спросил, выполнена ли его просьба относительно разговора с сотрудником ФСКН. Тот ответил, что все готово.

— Тогда давай я продиктую тебе несколько дат, а ты скажешь, совпадают они хотя бы приблизительно или нет. — И он назвал Вахитову те дни, когда путевки Адоратскому не выписывались.

Вахитов хмыкнул и ответил довольным голосом:

— Все в цвет, начальник!

Серов посмотрел на Ульянова:

— Где сейчас Адоратский?

— Не могу знать, товарищ капитан. Послед-

ний раз я видел его вечером двадцать восьмого декабря.

Серов взглянул на свой список. Поинтересовался:

— В тот день он находился в распоряжении Файзиева и Максимова?

В некотором замешательстве Ульянов ответил утвердительно. Серов потребовал:

— Адрес мне его дайте...

Приехав по этому адресу, Адоратского Серов не обнаружил. Зато ему посчастливилось по душам побеседовать с его квартирной хозяйкой. Худая, словно пересохшая вобла, высокая женщина лет пятидесяти сообщила Серову, что ее постоялец не появляется уже пятый день.

— Но вполне возможно, — прибавила она, — что Вадим сейчас на своей новой квартире, которую снял для себя и своей подружки.

На вопрос Серова, зачем, дескать, ему могла понадобиться другая квартира, хозяйка безапелляционным тоном ответила, что не позволяет приводить сюда женщин.

— Даже невест? — уточнил Серов.

— Даже. От этих современных молодых барышень сплошные неприятности.

Прибавив, что нового адреса квартиранта она

не знает, хозяйка захлопнула дверь перед самым носом Серова.

Пожалев, что не узнал у Сонечки номера ее мобильного (звонить в офис он не решился из осмотрительности), Серов отправился снова на Советскую площадь.

Недалеко от цели Серов увидел Соню. Она только-только обогнула угол здания, и тут ее окликнули из припаркованной у тротуара «девятки». Соня подошла, склонилась над приоткрытым задним окошком, начала что-то объяснять пассажиру. По всей видимости, дорогу. Во всяком случае, Серова на эту мысль натолкнули жесты, которыми она сопровождала свой монолог. Тем временем с переднего сиденья вылез дюжий детина, пошире открыл заднюю дверцу и просто впихнул Соню в салон. Сам прыгнул туда же, и «девятка», тронувшись с пробуксовкой, двинула вдоль по улице Космонавтов.

Слегка присвистнув, Серов, не раздумывая, начал преследование.

Ехали быстро. Уже через три минуты Серов проезжал то место, где в былые времена находился поселок Нефтяников. Далее, миновав развязку на Южной магистрали и деревню Клыки, преследуемые привели Серова к повороту на поселок

Константиновка. Углубившись в чащу коттеджей — разномастных, разноэтажных, но неизменно производящих должное впечатление, — похитители Сонечки затормозили у одного из домов. Им оказался довольно большой, в три этажа, коттедж, облицованный мрамором. Преграждал подступы к обители хозяина высокий забор, увенчанный коньком зеленой черепицы.

Пока водитель «девятки», выйдя из машины, набирал электронный код въезда, Серов, не останавливаясь, проехал мимо и затормозил лишь метрах в ста от коттеджа.

Выждав для верности около двух-трех минут, он пешком направился в ту сторону, откуда приехал...

— Что за бикса?

— Того лоха, с камерой, баба.

— А самого не нашли что ли еще?

— Где-то кроется, козел. Может быть, эта сучка сейчас и расколется. Троша умеет допросы с пристрастием учинять.

— А он где?

— По ходу — на работе. Там беда какая-то стряслась — ментов целая армия понаехала. Но его уже сюда вызвали, скоро будет.

— Телку-то куда поволокли?

— Куда-куда!.. В гараж, понятное дело. Он у Троши и для этих целей приспособлен. Вообще, мужик — красавчик!.. Ну ладно, хорош трепаться, айда по точкам. Не то приедет — чего доброго, выговор влепит, что не на местах. Пошли...

Оставив машину в ста метрах от коттеджа, Серов пешком вернулся обратно. Теперь он стоял у самой калитки и слушал разговор двух охранников. Из последней реплики Серов заключил, что действовать следует незамедлительно, в противном случае, перебравшись через забор, он рискует мгновенно быть застреленным. Либо же его просто заставят лечь на землю — на расстоянии тем двоим справиться с ним будет гораздо проще. Серову нужна была короткая дистанция. Ближний бой — вот что являлось залогом его успешного проникновения внутрь.

Раздумывал он не долее секунды. Слегка покачнувшись, словно входя в образ, он что было силы пнул по калитке. Выкрикнул заплетающимся языком:

— От-ткрывайте, суки! Дайте-ка на водку! Рубликов п-пятьде-сят — достаточно... — И снова — глухой пинок на уровне пояса.

Он услышал, как один из охранников изумленно воскликнул:

— Чего это там? Ты слыхал?!..

— Ага. Открой-ка, сейчас выпишем ему деньжонок.

Щелкнул замок, дверь распахнулась. Серов увидел подле себя коренастого парня, приблизительно одних с ним габаритов. Протянув руку, тот схватил Серова за ворот и рывком втащил во двор.

Но был тут же сбит с ног ударом в основание переносицы. Ударил Серов головой, держа обе руки наготове, чтобы иметь возможность отразить нападение второго бандита. Тот ждать себя не заставил и всей своей массой — не менее ста килограммов, как определил Серов, — двинулся в наступление.

Короткий прямой в лоб не уложил его, лишь остановил на несколько мгновений. Но и тех мгновений оказалось достаточно, чтобы Серов успел подобраться и нанести правый боковой в челюсть. Однако и этот удар не свалил бандита, но все же противник Серова едва не упал, здорово накренившись в правую сторону. После чего Серов рассчитанным точным ударом в левый висок поверг своего врага наземь. Парень мешком повалился к его ногам и застыл без движения. Изо рта у него вытекала струйка багровой крови,

немигающий взгляд был устремлен куда-то в нижний створ ворот.

«Этот готов, — отметил Серов не без удовлетворения. — Надо заканчивать с первым».

Он подскочил к бандиту, который уже делал первые попытки подняться, и снова опрокинул его ударом, опять же — в основание переносицы. Тот громко застонал, закрыв руками испачканное кровью лицо. Серов присел рядом, приподнял голову бедолаги, поддерживая ее ладонью. Вторую ладонь он положил на подбородок бандита.

— Ворота в подвал закрыты, — сказал он негромко. — Должен быть еще один вход.

— Есть — через хату. В холле, слева дверь — она там одна. Затем по ступенькам вниз...

Серов покивал, точно давая понять, что ему все ясно, а после коротким движением свернул бандиту шею. Нащупав у него за поясом оружие, Серов вытащил пистолет.

Им оказался автоматический «Кольт» 45-го калибра. Допотопная модель — 1911-го года. И тем не менее — Серов знал это определенно точно — «Кольт 1911А1» слыл самым «живучим» пистолетом из всех, когда-либо созданных. Имеется в виду, что, будучи сконструированным в одиннадцатом году, этот монстр калибра 11,43

мм состоял на вооружении армии и полиции Соединенных Штатов до тех самых пор, покуда в 1989-м не был заменен «Береттой». Даже детище Георга Люгера «Парабеллум», рожденный на закате девятнадцатого столетия, не побил его рекорд. «Вальтер» пришел на смену «Парабеллуму» уже в 1938-м...

Наскоро пройдясь по карманам покойника, Серов нашел две запасные обоймы и убрал их к себе в карман. Пистолет Серов заткнул за пояс. Тела он оттащил за будку охраны. После, забросав свежим снегом брызги крови, двинулся к парадному подъезду.

Охранник — тот, которого Серов убил последним, — не обманул его. В холле с левой стороны была всего одна дверь. Приоткрыв ее, он увидел ведущие вниз ступени и услышал голоса. Похитители разговаривали громко, никого не опасаясь. И действительно, чего им было бояться! Они находились в своих стенах.

Проведя анализ наличного арсенала, Серов подвел итог: восемь патронов у «Макарова», семь — у «американца», плюс две запасные обоймы к нему, также по семь патронов в каждой. Всего — двадцать девять патронов. Внизу три человека ожидают приезда четвертого, и Серов готов был

побиться об заклад, что этим четвертым окажется Трофим Савельевич Ершов. Итак, по семь патронов на брата, подумал он. Должно хватить. Но все же прикрыл дверь и, отойдя в глубь холла, набрал номер Вахитова. Он сообщил подполковнику, как отыскать коттедж, и прибавил:

— Захвати спецназ, Марат, и поторопись...

Снова открыл дверь в подвал, услышал, как слабо вскрикнула Сонечка. Что ж, на то, чтобы ожидать подкрепления, времени не оставалось. Серов достал оба пистолета, снял их с предохранителей и шагнул на первую ступеньку лестницы...

Спустившись вниз, он практически нос к носу столкнулся с одним из бандитов. Парень к этому времени уже успел скинуть верхнюю одежду и теперь стоял перед Серовым в толстом бежевом джемпере. Серов узнал его. Это был тот самый бугай, который на Советской площади втолкнул Соню на заднее сиденье «девятки». Из-за пояса у него выглядывала рукоятка пистолета. Увидев стволы в руках Серова, он рывком потянулся за оружием, но Серов оказался расторопнее — выстрелил прямо от бедра, не целясь.

Грохот «Кольта», казалось, разорвал пространство вокруг. Пуля угодила парню в грудь, отбросила его на капот представительской «Вольво»,

стоявшей в гараже. И сразу откуда-то из противоположного угла подвала раздалось несколько выстрелов. Пули изрешетили стену над головой Серова, за шиворот ему посыпалась штукатурка. Юркнув в сторону, он укрылся за правым передним крылом «Вольво». Услышал, как на капоте в предсмертной агонии хрипит подстреленный бандит.

Из дальнего угла гаража послышался громкий голос:

— Ты кто такой?

— Проблема твоя, — пробормотал Серов вполголоса. Гусиным шагом он перебрался к заднему крылу автомобиля, а затем переместился за багажник.

И снова — тот же голос:

— Давай-ка, братишка, сперва потолкуем! Чего сразу шма-лять-то?

— Ага, сейчас и потолкуем. — Серов также произнес это почти шепотом.

Он выпрямился в полный рост и двинулся на противников. Задеть Соню Серов не боялся — бандиты находились уже метрах в пяти от стула, к которому она была привязана.

Вытянув вперед обе руки, он обрушил на «шестерок» Ершова целый град пуль. Стояли они

между двумя опорными колоннами — другими словами, были полностью открыты. Бандит, тот, что стоял слева, все же успел сделать несколько выстрелов, но ни одна из пуль не достигла цели. А Серов попал — сначала в живот одному, потом в голову второму. Того, которому пуля Серова угодила в живот, он добил также выстрелом в лоб. Бандиты медленно сползли по стене на пол. Мертвыми...

Едва Серов успел перезарядить «Кольт», как со стороны лестницы раздался выстрел. Он почувствовал, как ему обожгло шею с правой стороны. Превозмогая боль, он кувырком перекатился за квадратную опорную колонну. В последнюю секунду успел заметить у подножия лестницы Трофима Савельевича с «Береттой» наизготовку.

Серов спрятался за колонной, опустился на пол. Левой ладонью провел под правым ухом, там, где кожу саднило более всего. И успокоился — обычная царапина, не более...

— Может, дуэль устроим, капитан, — голос Ершова эхом отскочил от стен подвала. — Шагов с двадцати, все честь по чести... Как стрелялись прадеды наши и прапрадеды. Что молчишь, капитан?

— Повременю! — крикнул Серов, и тотчас загре-

мели выстрелы. Звук их приближался, несколько осколков штукатурки выбило из угла колонны, они оцарапали Серову щеку.

Ершов продолжал стрелять, приближаясь к укрытию своего противника, но вдруг послышался сухой щелчок — Ершов выхолостил всю обойму. Серов, не теряя времени, выглянул и выстрелил Ершову в грудь. Тот замер на мгновение, медленно опустился на колени, а после повалился на бок. Серов подошел — Ершов тяжело, прерывисто дышал. Серов уселся прямо на пол подле умирающего, спросил:

— Зачем вам Соня понадобилась, Трофим Савельевич?

Тот посмотрел на Серова глазами, на которые уже опустились сумерки надвигающейся смерти, и ответил:

— Вадим Адоратский скрылся. А нужен был до зарезу...

— Для чего?

— Он шефу с замом наркоту доставлял — кокаин. Недавно я срисовал его: он снимал на камеру и того и другого, а они в тот день — я точно знал — были заряжены новой партией. Доложил, поскольку сам находился в доле, но Вадик каким-то образом исхитрился смыться. Партия очень боль-

шая — три миллиона долларов.

— Адоратский что, охотился за этой партией наркотика?

— Выходит, так...

— Куда бы он ее дел, интересно!

— Н-не знаю... — У Ершова горлом пошла кровь, он испустил дух.

Под потолком мерцали четыре лампы дневного освещения, все пространство подвала наполнял запах пороховой гари. Одну из стен, окрашенных в светло-серый, не удручающий цвет, портили две паутины алых брызг. Под каждой из этих кровавых клякс — труп. Еще одно тело было распластано на капоте «Вольво»; на бежевом джемпере бандита расплывалось темно-красное пятно, лобовое стекло автомобиля забрызгано кровью.

Последний противник Серова — Ершов — умер несколько секунд назад. Рядом с ним валялась его «Беретта» с затвором, зафиксированным в крайнем заднем положении — Трофим Савельевич выстрелял всю обойму.

Серов сидел подле умершего прямо на полу, сжимая в руке «Кольт» 45-го калибра. Теперь для него кое-что становилось понятным — Ершов перед смертью успел закончить свой рассказ.

Серова била легкая дрожь — очень давно уже он не испытывал подобных встрясок. Наконец он поднялся, озираясь в поисках ножа либо иного инструмента, каким можно было бы перерезать веревки.

Большую красивую финку, по всей видимости ручной работы, он отыскал в бардачке «Вольво» и направился в дальний угол гаража, где, привязанная к стулу, сидела Сонечка. Нижняя губа ее была разбита, из носа вытекала струйка крови. Взгляд затуманен недавней болью, теперь — уходящей.

Серов перерезал веревки, которыми девушка была привязана, попытался помочь ей подняться. Сонечка не смогла — снова тяжело опустилась на стул. Подняла на Серова глаза — в них тлели последние искры пережитого кошмара.

— Как вы сюда проникли, товарищ капитан? — слабо спросила она. — Охрана же у ворот!..

— Мне повезло, Соня. — Серов нежно провел рукой по ее волосам. — Мне здорово повезло...

Внезапно со стороны лестницы послышался громкий топот, подвал заполонили бойцы ОМОНа. Во главе вышагивал Вахитов, с неудовольствием оглядываясь по сторонам — наличие четырех трупов здесь и двух на улице ему явно не пришлось по душе.

— Значит, ты уже?.. — спросил он без тени улыбки. — Хоть бы одного в живых оставил. С кого теперь показания брать прикажешь!..

Серов протянул ему «Кольт» («Макаров» он успел спрятать под куртку).

— С меня возьми. Ершов мне перед смертью кое-что интересное успел-таки поведать.

И Серов рассказал Вахитову то, что успел услышать от Ершова. Когда он закончил, Вахитов спросил:

— Ну и где нам теперь искать этих Адоратского с Максимовым? Последнего мы отпустили сегодня.

Серов повернулся к девушке, которая начала приходить в себя.

— Соня, Вадим со старой квартиры съехал. Не знаешь, где он снял новую?

— Нет. Он только как-то говорил мне, что скоро мы заживем По-человечески, купим новую квартиру и весной сможем пожениться.

— Боюсь, что свадьба не состоится, — вздохнул Серов. — Если, конечно, ты не отважишься ждать его лет двадцать.

Она сделалась испуганной:

— Откуда ждать?

— Из тюрьмы, — устало обронил Серов и повер-

нулся к Вахитову. — Домашний адрес Максимова имеется?

Вахитов пожал плечами:

— Поехали, чего уж там...

— И меня с собой возьмите, — попросила Соня. — Пожалуйста...

Прибыв по нужному адресу, у самой квартиры Альберта Максимова они обнаружили его труп. Максимов был застрелен, пистолет с глушителем валялся рядом.

Приказав Соне оставаться на площадке, Вахитов с Серовым вошли в квартиру — дверь была приоткрыта. Принялись за осмотр жилища. Осматривая гардероб убитого хозяина, Вахитов окликнул Серова:

— Гриш, подойди.

Серов увидел дубленку на вешалке. В том месте, где когда-то была пришита средняя пуговица, сейчас торчал клочок светлого меха...

Они прошли в комнату, подошли к распахнутому настежь платяному шкафу. Увидели расстегнутую спортивную сумку, к сожалению пустую, а на полу — бумажный листок. На листке бумаги был нацарапан телефон.

Неожиданно позади раздался голос Сонечки:

— Мне страшно в подъезде — там ведь покой-

ник на полу. И я знаю, кто это писал. Это Вадика почерк.

— А я знаю, чей это телефон, — проговорил Серов. — Поехали — ка, друг, с тобой на Лебяжье.

— В «Лебяжий Рай»? — уточнила Соня. — У Вадика там друг охранником работает — Лешей Халтуриным зовут.

— Как он туда воткнулся, интересно? — спросил Серов.

— Вадим говорил, его туда Альберт Георгиевич устроил. Максимов, — Соня кивнула в сторону входной двери.

В этот момент в квартиру вошли люди в милицейской форме.

— Кто такие? — спросил старший, полный майор лет тридцати.

— Все нормально, майор. — Вахитов предъявил удостоверение. — Подполковник Вахитов, УВД Ясноволжска.

— А вы-то здесь каким образом оказались? Тоже вызов приняли?

— Убийство расследуем, майор. Другое убийство, но оба они, похоже, связаны. Нам сейчас ехать надо, а вы, пожалуйста, во-он ту дубленочку захватите, мы ее у вас попозже заберем.

— И барышню подбросьте до дома, — вставил

Серов. — Будем вам очень признательны. — Он повернулся к Соне: — Что на Вадиме надето было, когда ты видела его в последний раз?

— Красный пуховик и черная бейсболка... А вы меня с собой не возьмете?

— К сожалению, — развел руками Вахитов.

Охрана в «Лебяжьем Раю» менялась по вечерам, поэтому по приезде туда Серов с Вахитовым прямиком направились в будку у центральных ворот, где дежурил Халтурин. Войдя, Серов без лишних слов отправил того в угол сокрушительным ударом. Потом пристегнул наручниками к трубе отопления.

— И чтобы даже не рыпнулся у меня ни разу! — рявкнул он на ошалевшего охранника. — Рассказывай...

— Что?.. Что рассказывать, Григорий Семенович?

— Все рассказывай, гнида! И не дрожи ни о чем. Максимов твой — покойник. Шлепнул его Адоратский.

Сразу заметно успокоившись, Халтурин рассказал все о том, что происходило минувшей ночью, и о том, какие события этой ночи предшествовали.

Напоследок Серов поддал Халтурину носком

ботинка под ребра, предупредив:

— Сиди смирно, ублюдок. Дернешь отсюда, я тебя даже в Антарктиде отыщу. И тогда уж пеняй на себя.

Выйдя из будки, они двинулись к зданию конторы и вовсе не удивились, когда из парадного подъезда показался парень в красном пуховике и черной бейсболке. В руке он нес увесистый полиэтиленовый пакет.

— На ловца и зверь бежит, — ухмыльнулся Серов. — Кстати, причину смерти Файзиева установили?

— Да. Ему в кокаин цианид был подмешан.

— Вот, значит, как! Однако три миллиона — не шутки...

Поравнявшись с Адоратским, друзья ловко, проворно и со знанием дела уложили того мордой в снег, заломили за спину руки, Вахитов защелкнул наручники.

— Давай его ко мне, — предложил Серов, и они поволокли Адоратского в коттедж Серова.

Там бросили на диван. Вахитов сказал:

— Слушаем. У тебя полный пакет зелени, так что давай: где раздобыл, каким образом, кто наколку дал, кто помогал и так далее. И учти: твоя вина в убийстве Максимова сомнений не

вызывает, поэтому давай с самого начала.

...Когда Адоратский закончил, Серов попросил Вахитова:

— Ты обожди меня здесь. Я тебя кликну...

Арбузов, как обычно, гороподобным монументом возвышался над письменным столом. Серов подошел, положил перед ним пистолет.

— Избавьтесь, Игорь Андреевич, — сказал он. — Слишком много на нем повисло.

Арбузов безразлично пожал плечами:

— Новости есть, Гриша?

— Масса новостей. Главная такова, что вы несколько лет назад организовали поставку в Ясноволжск кокаина. Не могу сказать, как вы до сего дня ввозили его в Россию, но к нам его доставляли по Волге, судами вашей флотилии. Неудивительно, что «бегунков» отлавливали только в период навигации. Но пол года назад на полную мощность заработала ваша авиакомпания, результат — недавно поступила первая «зимняя» партия. Те три «лимона», что приволок вам сегодня Адоратский, как раз и предназначались на закупку этой партии. Далее, Максимов и Файзиев, как всегда, предполагали реализовывать наркотик через сеть своих ночных клубов. Но в этот раз вы почему-то решили отказаться от

их услуг и дали указание Адоратскому лишить друзей тех самых трех миллионов... А все-таки интересно, Игорь Андреевич, почему?

На лице Арбузова блуждала вся та же ко всему безучастность. Он, казалось, впал в состояние прострации — этакой осязаемой прострации, когда человек полностью отдает себе отчет в происходящем, но выкарабкиваться из своего прозрачного транса не спешит. Может быть, потому, что попросту не хочет.

Сидел так Арбузов еще несколько секунд.

— Я могу объяснить, Гриша... Видишь ли, доходы стали падать, это раз. А во-вторых, Файзиев с Максимовым порядком примелькались, ФСКН массу курьеров в их клубах повязала — мне срочно нужно было менять партнеров. Но просто так этих людей не сменишь — очень большой авторитет имеют в городе, поэтому понадобился веский предлог. А какой предлог может быть весомее неуплаты оговоренных денег за партию? Вот тебе и весь ответ.

— А нельзя было просто заказать обоих?

— Нет — слишком очевидно.

— Однако же вы предполагали, что Адоратский убьет Максимова, чтобы завладеть деньгами.

— Одного можно было списать. Кто ж мог знать,

что и Файзиев сгинет от передоза!

— А он не от передоза сгинул, Игорь Андреевич. По всей видимости, его Максимов отравил, цианистый калий ему в кокаин подмешал. Решил слинять с вашими деньгами в неизвестном направлении. Потому и отравил. Затем отправился в офис, чтобы забрать деньги, и там ему пришлось застрелить охранника. Никто не должен был знать, что он там побывал, иначе ему крышка. За Файзиева и за три «лимона». Вот и убил охранника. — Серов умолк на несколько секунд. — А теперь, Игорь Андреевич, приготовьтесь к самому главному... Максимову было важно, чтобы никто не видел, как он покидает территорию базы, иначе его алиби упало бы ниже плинтуса: по легенде, он всю ночь проспал пьяный. Когда он уже находился почти у самых ворот, навстречу ему попалась Марина и даже поздоровалась с ним. На камере, с которой Адоратский стоял на пригорке за забором, это хорошо видно. О том же мне и Халтурин поведал... Ее Максимов убил, Игорь Андреевич. Ножом. Чтобы тремя «лимонами» без проблем завладеть. А причиной всему — ваш кокаин, господин Арбузов. — Серов буквально выплевывал эти фразы в лицо Арбузову, мгновенно изменившемуся в лице, и казалось,

что монумент за столом превратился в обычную статуэтку.

Арбузов трясущимися руками налил себе стакан коньяку и залпом осушил его.

— Не может быть, Гриша, — просипел он. — Кокаин... Кокаин... Налоги...

И вдруг Арбузов рассмеялся громоподобным, нервным хохотом. Серов не стал дожидаться, пока тот закончит, и, не прощаясь, медленно вышел из кабинета.

Он спустился вниз — снег снова валил хлопьями. Достал сигарету, чиркнул зажигалкой, выпустил первую струю дыма. Серов не успел докурить и до половины, когда из окон второго этажа конторы грянул выстрел.

Выбросив сигарету, Серов энергичным шагом направился к своему коттеджу, собирать вещи...

Е. КОВАЛОВ
МЕДОВЫЙ ТКАЧ

Е. КОВАЛОВ

МЕДОВЫЙ ТКАЧ

Ловко орудуя лапками и хвостиком, существо плело матовую паутинку. Оно было размером с кошку. Густая золотистая шерстка покрывала почти все тельце, лишь передние лапки, каждая с шестью гибкими трехсуставчатыми пальчиками, были голые и морщинисто-розовые. Полуметровый хвост, раздваивающийся в последней трети и заканчивающийся подвижной чешуйчатой рогатинкой, у основания также был укутан пухом. На концах рогатинки постоянно выступали густеющие прозрачные капли, которые существо сначала собирало пальчиками в комочек, а потом уминало и растягивало, образуя ровную клейкую нить.

Существо было древнее. Много миллионов лет назад эти создания населяли приболотные папоротниковые заросли, где вили гнезда, откладывали яйца, выращивали детенышей и громким стрекотом отпугивали хищников. Но времена изменились. Исчезли густые заросли папоротников и хвощей, высохли болота, вымерли одни животные, им на смену пришли другие. Погибли и золотистошерстые существа. Но остались многочисленные кладки яиц, пережившие тысячелетия. Иногда, подчиняясь неумолимым процессам эрозии почв, эти пятнисто-алые го-

рошины пригоршнями высыпались со стенок вновь образовавшихся оврагов и балок, и ветер подхватывал их, поднимал высоко-высоко и рассеивал среди облаков.

Ночью была сильная гроза. Вспышки молний перемежались хрипловато-надтреснутыми окриками грома. Так случилось, что одно из пятнисто-алых яиц, захваченных северным ветром на склонах Можайских карьеров и спрятанных им глубоко в теле кучевого облака, попалось на светящемся пути грозового разряда, и маленький, казалось, навечно замурованный зародыш проснулся еще до того, как упал на землю.

— Слямалясь! Видишь, она слямалясь? Ведь правда она слямалясь? Снова слямалясь! — Стриженный «под ноль» ушастый мальчик лет пяти беспрерывно твердил эти слова на каждой остановке вечерней электрички.

— Петька, перестань! Сколько можно? Голова уже болит от твоей болтовни! — Мама мальчика, полная до отсутствия шеи, крашеная блондинка с большими ромбовидными серьгами, напоминающими рыболовные блесны, обложенная многочисленными цветастыми пакетами, достала банан.

— На, ешь и молчи. Мне послушать надо, а то

пропустим остановку.

— Жаво-хрр-нки... хрр...рожно... двери закрыва... хррся... хррующая остановка... хрр-рав-хррца...

— Ну вот. Опять ничего не разобрала. То ли «Здравница», то ли «Голицыно». Вы случайно не знаете, какая следующая остановка? — Мамаша обернулась, и массивные золотистые пластины серег чиркнули по спинке скамьи.

— По-моему, «Здравница». — Ольга отложила ручку и газету с кроссвордом и посмотрела в пыльное окно. За стеклом с длинным зигзагом трещины мелькали частые бетонные столбики ограды платформы. — Мы со всеми остановками едем. Значит, будет «Здравница».

— Ой, так нам же сходить! Петька, давай скорее доедай! — Женщина суетливо зашуршала свертками.

«У самой щеки, как подушки-думочки, да еще такие серьги навесила. Фи, безвкусица! А вот мне ее украшения очень бы пошли», — подумала девушка.

В вагоне кроме нее и этой пары никого не было. Ольга наклонилась и достала из-под скамьи корзинку, сверху завязанную марлей. Отогнув край ткани, она заглянула внутрь. Там, свернувшись калачиком, лежал черный котенок. Он

поднял мордочку с белыми усами и чуть слышно муркнул.

— Укачало Пусю бедного. Потерпи немного. Скоро к бабуле приедем. У нее минтайчик всегда есть. Пуся ведь любит минтай-чик? — Ольга провела пальцем по шерстке.

Она подобрала котика на платформе «Одинцово», когда ждала поезд. Дрожащий и тощий, он вылез из-под соседней скамейки и, чихая, подошел к девушке. Вскоре котенок перекочевал в корзинку для ягод, где удовлетворенно свернулся калачиком и заснул.

За окном замелькали черно-белые полосы шлагбаума на переезде; электричка притормозила, вагон качнуло, и ручка, лежавшая рядом на скамейке, скатилась на пол. Ольга поставила корзинку рядом с отопителем под сиденьем и наклонилась, чтобы подобрать ручку. Взяв ее, она подняла глаза и увидела, как говорливый мальчик, увлекаемый мамой к выходу, швырнул банановую кожуру на пол и хитро посмотрел на Ольгу. Девушка покачала головой, а Петька показал ей язык и дрыгнул ногой, закрывая раздвижную дверь в тамбур.

— Хрр-рав-хррца, — потревоженной змеей зашипел дверной компрессор.

Сквозь потеки грязи на окне было видно, как на перрон выходит волочащая сына мама. Трещина на стекле прошла как раз между ними, тело мальчика словно захлестнулось проволочной петлей, и девушке показалось, что электричка не хочет отпускать мальчика. Опять засипела пневматика.

— Сяндалик! Мамуся, сяндалик!

Ольга кинулась в тамбур. Между двумя толстыми резиновыми валиками амортизаторов дверей был зажат синий Петькин сандалик. Она попыталась схватить его за болтающийся ремешок, но тот был горяч, очень горяч, поэтому пришлось отдернуть руку. Блестящая пряжка вдруг приобрела малиновый оттенок, двери начали медленно сжиматься, из сандалика потекла голубая жидкость.

Сквозь надпись «не прислоняться» Ольга посмотрела на перрон: между «не» и «п», рядом с открывшей алый, накрашенный рот мамашей на одной ноге стоял Петька. Резиновые прокладки сомкнулись. В тамбуре почему-то запахло лаком для ногтей. На месте сандалика остались два быстро высыхающих пятна...

«Хр-р-ожно, двери хр-ры-ваются... хр-ру-ющая...» За железными стенками тамбура что-то щелкну-

ло, заскрипело и заскрежетало, грязный окурок ожил и покатился по полу, женщина с мальчиком проплыли вдоль букв и исчезли за ржавой рамкой окошка. Через некоторое время нарастающий стук колес приобрел размеренную цикличность, и, прислушиваясь к его баюканью, Ольга подумала: «А может, ничего и не было? Вот обычный заплеванный тамбур, облупленный стоп-кран с сорванной пломбой, вокруг мусор, пыль, резина, металл и старая краска... Все как всегда...»

Но прежде чем вернуться в вагон, она все-таки прикоснулась кончиками пальцев к никелированным ручкам. И только ощутив приятную прохладу, раздвинула двери, вошла внутрь и села. Однако прохлада из пальцев быстро ушла, и девушка почувствовала, как горячими толчками затукала кровь в ладонях и к горлу подкатил комок.

«Одна, я ведь здесь совсем одна. Еще только Пусик, но ведь он такой маленький!»

И стены вагона стали разрастаться, стремясь закрыть широкие окна своей грязно-кремовой обивкой, а раздвижные двери — совсем уже не двери, но чмокающие рты какого-то гигантского червя, и она, Ольга, находится в постоянно сокращающемся желудке пиявки.

Как только приоткрылись двери на станции «Голицыно», Ольга пулей выскочила из вагона.

— Ну и что? Таких случаев полно на транспорте. Обязательно кто-нибудь зазевается и чего-нибудь себе защемит. — Капитан милиции Анатолий Коляда достал из кармана дезодорант для рта. — Вот вчера приходили две местные достопримечательности, слесари-алконавты Константинов и Логинов с автобусного завода. Пьянь пьянью, а туда же — права качали. Мол, у одного сумку защемило дверями, а другой пытался помочь, да и вырвал из телогрейки кусок ваты. Так в голос здесь и орали: «Тр-ребуем компенсации! И не тр-рожьте нас!» — Капитан живо изобразил имевшую место сценку, и Ольга невольно улыбнулась.

— Ох, настырные... А у тебя ерунда какая-то. Хорошо еще, что пацан ногу не сломал...

Два месяца назад Коляда поставил себе новые коронки, но нерадивый дантист что-то сделал не так, и зубы продолжали гнить, распространяя неприятный запах. Анатолия Сергеевича это очень раздражало: все-таки с людьми приходится работать. Но было недосуг искать более квалифицированного врача, и капитан спасался пока импортной ментоловой пшикал кой.

— Да как вы не понимаете? Ведь сандалик исчез! Размяк и стек! Впитался насухо и исчез! — Ольга всплеснула руками и задела стакан с водой, стоявший на столе. Вокруг его дна образовалась неровная темная окантовка из пролитой воды, быстро впитавшейся в сукно.

Анатолий Сергеевич в очередной раз посмотрел на девушку, сидевшую напротив за столом в душной, прокуренной и пропитавшейся запахом пота комнате Голицынского линейного отдела внутренних дел. Ольга немного успокоилась и сидела, опираясь на локти. Русые волосы, немного вытянутое лицо, усыпанное веснушками, прямой нос, выгоревшие брови, родинка слева на шее — ничего особенного, такие девицы с пластиковыми пакетами, на которых изображены какие-нибудь джинсовые страсти, во множестве разъезжают туда-сюда по железной дороге.

Но ее глаза... От небольших темных зрачков расходились размытые серые полоски, очерчивая неровные зеленоватые сектора радужки с изумрудными зернами окантовки. Какой-то завораживающий, гипнотический узор, и Анатолий Сергеевич вдруг вспомнил, как в молодости, вечерами возвращаясь после проводов своей будущей жены, любил останавливаться на пе-

шеходном путепроводе-мостике, взметнувшемся высоко над рельсами, и, вдыхая запах от печек поездов дальнего следования, ждать электричку. Хитросплетения сетки проводов начинали нервно вибрировать, по ним пробегало быстрое цыканье, на некоторое время все замолкало, погрузившись в паузу ожидания — музыку тишины. Вдруг, на самой глубокой немой ноте, издалека доносился резкий саксофонный глас, и опять ненадолго возвращалась тишина. Потом пробегали всполохи и, словно из-за ширмы, выкатывались яркие огни, плывущие над бесконечными иглами освещенных рельсов, все ближе и ближе, до различения поделенной на мелкие квадратики поверхности стекол фар, и — «шш-шырп, туу-тутуух» — проскакивал пучок света, оставалась лишь толстая гусеница вагонов, которая, раскачиваясь и постукивая колесами на стыках, торопливо продавливала членики своего перетянутого тела в проем путепровода.

Глаза девушки, сидящей перед капитаном, очень напоминали те стремительно приближающиеся фары электрички: такая же еле уловимая ячеистая структура, те же зерна-катафоты, россыпи бледно-зеленых пятнышек, и те же линзочки, складывающиеся дробящимся скоростным узо-

ром. И, смешиваясь с узором радужки, постепенно исчезало недовольство капитана тем, что он на службе, а сегодня по телевизору футбол, что приходится сидеть здесь, а не одному дома без тещи и жены, которые уехали окучивать картошку, да и дочь Лариска уже ускакала с женихом на танцы, и это, может быть, единственный вечер на неделе, когда можно расслабиться и насладиться покоем, украсив его парой бутылочек холодного пивка...

— Давай-ка успокойся и рассказывай все по порядку.

— Да, в общем-то, я уже почти все рассказала...

Милиционер снял фуражку и положил ее на стол. Из корзинки, стоявшей на стуле рядом с Ольгой, высунулся котенок, вопросительно посмотрел на незнакомый предмет и, не обнаружив опасности, принялся умываться. Анатолий Сергеевич отметил, что уже не испытывает недовольства очередным происшествием, а, наоборот, хочет как можно дольше сидеть и разговаривать с Ольгой в этой казенной комнате, где днем обычно толпятся потные безбилетные дачники, попрошайки с картинно неумытыми детьми на руках, цветасто-пыльные цыганки с босыми ногами и прочий люд, по желанию или по об-

стоятельствам связавший определенную часть своей жизни с железной дорогой. Он заглянул в лежащий на столе протокол.

— Ну, и какие теперь у тебя планы?

— Вообще-то, я к бабушке в деревню ехала, в Тимохово. Навестить хотела. А теперь боюсь...

— Чего же ты боишься, глупенькая?

— Ее, электрички. Или чего-то рядом с ней... — Ольга провела ладонью по лбу. — Ну, не знаю я... Я всегда железную дорогу любила, а теперь... Тот сандалик исчезающий все время перед глазами, голубенький такой... Жутковато...

Капитан Коляда представил, что и его Лариска может вот так же сказать «жутковато», вот так же сидеть на казенном стуле перед незнакомым и обремененным своими заботами служащим, вот так же далеко от дома захлебываться в море своих эмоций, ища поддержки. Он посмотрел на часы.

— Хорошо, Александрова Ольга, поедем-ка мы вместе. И тебе, и мне будет спокойней. Тимохово ведь где-то между Звенигородом и Скоротово находится?

— Да. Но ехать лучше до Звенигорода, оттуда автобус ходит.

...Капельки на двойном хвостике существа иссякли, и оно прервало работу. Темные кожистые

веки медленно опустились, открыв рубиновые глаза без белков. Золотистая шерстка на темечке встопорщилась, из нее параболическими антеннами поднялись два гладких розовых ушка. Существо замерло в ожидании.

Где-то невдалеке раздалось мерное жужжание — то толстый шмель деловито искал сладкий клеверный нектар. Кузовок его был уже почти полон, и скоро надо было возвращаться в гнездо, но электрическая сила древнего животного изменила траекторию полета шмеля, и он, не прерывая жужжания, спланировал и сел перед вытянутой мордочкой рубиновоглазого существа. Двенадцать гибких пальчиков плотно охватили мохнатое, терпеливо замершее тельце насекомого и аккуратно счистили с него порошок цветочной пыльцы. Длинный остренький язычок слизал ее без остатка, и на рогатинке хвоста опять появилась россыпь капелек. Шмель вздрогнул крылышками, сбрасывая с себя непонятное оцепенение, и взлетел, а Медовый Ткач опять принялся плести многоугольную паутину, прикрепляя поперечные нити к рельсам, а продольные — к шпалам...

В тамбуре второго от конца вагона Коляда и Ольга столкнулись с маленьким белобрысым

мужичком. В левой руке тот держал авоську, наполненную помидорами.

— О! Господин начальничек, я вас приветствую!

— Какой я тебе господин? — Анатолий Сергеевич поправил фуражку и принюхался. — Смотрю, Константинов, ты опять наклюкался?

— Э-э-э, не то говорите! Теперь у нас все в господах ходят, новое равноправие. Эмман-сюпас-ция. И власть — господа, и мы, работяги, тоже господа. — Константинов переложил авоську в другую руку и откашлялся. — А что до вашего провокационного вопроса про «наклюкался», так я вам категорически заявляю, что нет! Пока только чисто символически. Меня вот жена снова за овощами в Голицыне посылала. Ведь тогда в сумке помидоры были, а жена не верит, что электричка их погубила. Вжж-ииик! И одна томат-паста с зернышками осталась! Жена говорит: «Пропил, падла, опять все, а остаток для конспирации сам и раздавил!» Ну, и пришлось с расстройства маненько пригубить... Хоть бы вы ей объяснили, Клавке моей, что не виноват я, что, мол, наоборот, понес непопр-пправи-мый материальный ущерб.

— Пить надо меньше, и никакого ущерба бы

не было. — По тону чувствовалось, что капитану уже порядком надоел говорливый автослесарь. — Дружок-то твой где?

— Лоо-гии-ноов-то? — Константинов произнес фамилию закадычного друга-собутыльника, растягивая гласные. — Куда ж я без него, голубя моего сизокрылого, денусь? Он, отец родной, меня в Захарово поджидает. Щас пойдем на пушкинские места расслабиться и подзарядиться маненько. Вы не думайте про нас, мол, занюханные забулдыги какие. Мы с Логиновым люди культурные, поэтические, можно сказать. Как по сто пятьдесят примем у Захаровского пруда, так друг другу не что-нибудь там, а стихи читаем. В прошлый раз он мне про Лукоморье, а я ему про красный паспорт из штанины. Маяковского то есть. Вот так и развиваем свой культурный уровень. А вы все «пить меньше, пить меньше», мы ведь пьем не просто так, а для протирки своего оптического аппарата, этого, как его, крруг-озора, очищаем свой исторический взгляд на п-ппоезию.

— Ну ладно, ладно. Запел соловьем. Горбатых — могила исправит. — Анатолий Сергеевич уже улыбался. — Ты хоть помидоры свои на этот раз не загуби. И веди себя поприличней. В тамбуре не кури. Видишь табличку?

— А кто курит, господин начальник? Кто курит-то? Вон на стекле тоже написано «не писоться», а кто писается, а?

Капитан посмотрел на стекло. В традиционной надписи «не прислоняться» было стерто несколько букв.

— Ладно, не куролесь. Ты лучше пока здесь побудь, а то вот девушка боится одна ехать. Мне же надо пройти до первого вагона и обратно.

— Будь спок, начальник! За Константиновым, как за камнем или этим, как его, за мррам-мурром.

— Анатолий Сергеевич! Может быть, и я с вами? — неуверенно попросила Ольга.

— И охота тебе по грязным тамбурам таскаться! — Коляда приоткрыл дверь в вагон. — Садись вон у окна и отгадывай свой кроссворд. Константинов мужик ничего, мухи не обидит. Болтлив только, но он в тамбуре постоит, мешать не будет. А я быстро, только туда и обратно.

Уже горели плафоны освещения. Ольга покорно прошла в середину вагона, поставила корзинку с котенком под сиденье, села и развернула газету с кроссвордом.

...За станцией «Голицыне» один из путей ответвлялся на Звенигород и сворачивал вправо.

Рельсы здесь были уложены по большой дуге, и электричка шла плавно и тихо. Слева размещались пруды, где в хорошую погоду купались ребятишки, а справа красовалось здание пограничного училища. От путей к зданию простиралась большая пустошь, заросшая где полынью и крапивой, а где пыльными кустами бузины. На этой пустоши и обосновался Медовый Ткач, проделав долгий путь от Жаворонков, где опустилось оплодотворенное молнией яйцо.

Его паутина была уже закончена. Многочисленные еле заметные нити тянулись в основном на восток, к Москве, обвязывая редким чувствительным коконом рельсы и шпалы. Все было готово, и, сжимая передними лапками две особенно толстые паутинки, Медовый Ткач внимал их колебаниям.

Что-то дрогнуло в сложной конструкции висячих перекладин и перемычек, существо напряглось и подобрало под себя хвост. Но добыча пока еще была далеко — всего лишь где-то до Голицыно электричка порвала несколько ниточек. Смеркалось, и пока еще не густые полосы тумана настаивались в низинках и ложбинках на всем протяжении голицынской пустоши...

Приближалась платформа «Захарово», бывшая

«Школьная», куда Ольга пару раз приезжала с классом на экскурсию в места, где жил великий поэт. Кажется, здесь и должен выйти ее временный горе-телохранитель Константинов. Где же он? Ольга посмотрела сквозь стекло в тамбур. Так и есть — курит. Словно почувствовав недовольство девушки, Константинов обернулся и сделал рукой с зажатой между пальцами беломориной успокаивающий жест: не шуми, мол, все в порядке.

В этот момент воздух в вагоне стал вязким, словно большое мокрое стеганое одеяло накрыло Ольгу с головой. Стало трудно дышать и пришлось даже делать глотательные движения, чтобы протолкнуть в себя куски воздуха-ваты. Потом одеяло перекрутилось в толстый жгут и разорвалось, мгновенно разбежавшись звуком лопнувшей струны под сиденьями. Часто-часто затренькало сердце. Розовый огонек папиросы Константинова засветился неестественно ярко, ярче, еще ярче, и раздалось «тсс-шшш». Шипел котенок, выгнувшийся дугой в корзинке. Марля сползла на пол, и на миг Ольге показалось, что на груди у Пуськи вместо белой манишки засверкала красная полоса. Из тамбура раздался истошный визг. Автослесарь Константинов, дер-

жась одной рукой за нос, а из другой не выпуская драгоценной авоськи с помидорами, подпрыгивал и приседал. Ольга догадалась, что он прижег себе нос папиросой, и как будто почувствовала слабый запах паленой кожи. Через некоторое время Константинов перестал приседать и прыгать и лишь стоял, прислонившись к стенке тамбура, и, ничуть не смущаясь близким присутствием девушки, поливал вселенную отборной русской руганью.

Электричка под аккомпанемент его матерка остановилась на платформе «Захарово», и бедолага вывалился из вагона прямо в объятия своего дружка. Логинов, приняв почти на грудь раненого товарища, решил, что того кто-то обидел, и в порыве праведной мести рванулся было к еще открытому дверному проему, но Константинов удержал его за рукав и церемонно вручил авоську. Затем вытащил из нее большой переспелый помидор, от которого отгрыз и выплюнул приличный кусок, после чего с размаху приляпал мокрый овощ к своему носу. И снова завизжал. Наверное, помидор лишь усилил боль. Тогда Логинов достал из кармана нераспечатанную бутылку водки и поднес ее вплотную к лицу друга. Константинов перестал орать и, присло-

нив покрасневший, в помидорных потеках нос к холодной поллитровке, быстро-быстро замахал руками, словно мучимая жаждой бабочка у живительного источника. Но бутылка вдруг выскользнула из рук Логинова и, ударившись об асфальт, брызнула влагой и осколками во все стороны!

Что было дальше, девушка не увидела, потому что электричка дернулась и, медленно разгоняясь, отъехала от платформы.

Происшествие очень позабавило девушку, и она даже перестала нервничать из-за отсутствия милиционера. Беспокойный червячок страха временно затаился где-то глубоко внутри. Мерно застукали колеса на стыках, в такт им нормализовалось сердцебиение, и, чтобы окончательно успокоиться, Ольга вернулась к отгадыванию слов.

...Это должна была быть большая добыча. Полная меда. Напряглись чувствительные нити паутины, существо опять выставило из шерстки кончики ушей и услышало запах меда, большого меда, своего меда. Из-за поворота появился передний вагон электрички, в вечернем тумане разошелся световой конус, бликами бежавший по рельсам далеко впереди поезда. Медовый Ткач

распушил шерстку на загривке. Паутинка за паутинкой, продольный стежок, поперечная гибкая перекладинка — электричка рвала ячеистую ткань, а пальчики древнего существа впитывали каждое колебание, каждый толчок. От этих рывков и дерганий в его лапки теплой волной вливалась сила — таково было свойство сплетенной им конструкции. Топорщащиеся шерстинки нателе Медового Ткача приобрели восковую прозрачность, хвост свился под животом в тугое кольцо, и, не выпуская из лапок концы нитей, он медленно приподнялся над землей, ненадолго завис над пожухлыми травинками и, потихоньку разгоняясь, полетел к составу...

Рука не плясала в такт движению, писать на этом участке пути было удобно, и Оля увлеклась отгадыванием кроссворда: «Большое сухопутное млекопитающее из четырех букв. Хмм... Если воинское звание, как у Анатолия Сергеевича — «капитан», то животное должно оканчиваться на «н». Кто же это может быть?»

— Слон! А, Слон! Смотри, какая краля в нашем вагоне присутствует!

Обернувшись, Ольга увидела, как в вагон один за другим вошли четыре парня. Они были примерно одного с ней возраста.

— Слышь, братаны, может, не поедем в общагу к медичкам, а здесь заякорим? А, Юрец?

— Прекрати, Пон. Вечно ты всех с панталыку сбиваешь. — Отстранив товарища, тот, которого назвали Юрцом, прошел вперед и подсел к девушке, а остальные расселись в соседнем отсеке.

Оля вспомнила, что раньше уже видела этого высокого красивого парня. Где-то в Одинцово: то ли на дискотеке в ДК, то ли во время какой-то драки, а может, где-нибудь в магазине. И парня по кличке «Слон» она тоже узнала: в прошлом году он участвовал в соревнованиях по борьбе на кубок области.

— Вы, девушка, не обращайте на этих лохов внимания. — Манера речи парня сразу не понравилась девушке. — Эй, Зяма, доставай фишульки, — велел он, даже не повернувшись.

Сидевший с краю костлявый парень незамедлительно достал колоду карт и, ловко ее перетасовав, стал раздавать на четверых.

— О, Киса Воробьянинов! — сказал Юрец, увидев высунувшуюся из корзинки мордочку котенка. — Какая прелестная тварь!

Девушка наклонилась и стала поправлять марлю на корзинке, и тут Юрец с легким прикусом поцеловал ее в родинку на шее.

— Что вы делаете? — Оля резко распрямилась, и на ее бледных щеках выступили красные пятна.

— Вы так разволновались, что мне это очень даже приятно, — растягивая слова, сказал Юрец и положил руку ей на коленку.

Обмылок ледышки медленно завертелся внутри, будя задремавшего было тревожного червячка, и, прислушиваясь к его вращательным движениям, Оля зажмурилась, а гладкая рука парня начала двигаться вверх, навстречу кусочку внезапно появившегося льда.

«Что со мной? Почему меня вдруг парализовало? К моему бедру еще не прикасалась чужая рука... И этот холодный кусок внутри... Вот-вот он сольется с его рукой, но нельзя, нельзя им этого позволить!»

Девушка размахнулась и ударила. Ударила в пустоту и открыла глаза. Юрца рядом не было. Он уже сидел рядом с дружками и, не глядя в ее сторону, рассматривал доставшиеся карты.

...Медовый Ткач, пролетев над всем составом, опустился на крышу второго от конца вагона, словно притянутый магнитным полем. Сев, он отпустил остатки порванной паутины: тонкая нить сложилась одним концом в спираль прямо перед ним, вторым же свободно повисла на

уровне окон вагона. Медовый Ткач ждал. И чуткие кончики пальцев, и тонкие перепонки ушек, и светло-коричневые чешуйки на хвосте — все-все подсказывало ему: «Близко!»

Парни резались в карты. Желтоватый свет заполнял вагонное пространство, а Ольга смотрела на заоконную чернильную пустоту и представляла, как войдет в вагон капитан милиции, как она нарочно поздоровается с ним по имени-отчеству и какое при этом лицо станет у Юрца. Ведь они все трусы! Трусы!

Между тем Анатолий Сергеевич, дойдя до середины состава, в очередном тамбуре наткнулся на заклинившую дверь. В ожидании следующей остановки он достал свою ментоловую пшикалку и освежил рот.

— Зяма-то наш опять проиграл, — услышала девушка голос одного из парней, — давай, чувачок, действуй! Но, прошу тебя, Зямок, с вдохновеньем!

«Взз-тляямп, взз-тляямп», — какие-то незнакомые звуки заполнили вагон. Оля повернула голову и увидела, что тощий Зяма, подпрыгивая как кузнечик, перемещался от сиденья к сиденью и ловко чиркал по ним небольшим ножичком.

Кожзаменитель на сиденьях расползался, словно кожура взрезанных помидоров.

— Зачем ты портишь? — закричала девушка и тут же увидела прямо перед собой хищно-птичье, перекошенное лицо.

Сталь лезвия сверкнула между их лицами и исчезла. И проволочки усов, неровный белый бантик на черном фоне, острые ушки, испуганные желтые пуговки глаз, — вместо ножичка в руке Зямы кулечком болтался Пуська.

— Не трогай! Отпусти котенка! — Оле показалось, что эти слова выкрикнула не она, а кто-то гигантский и невидимый воспользовался ее ртом, как метательным орудием, и швырнул их в лицо парню.

— Отпустить? Да с удовольствием! — Зяма ухмыльнулся, обнажив желтые прокуренные зубы, выставил руку с котенком в окно и разжал пальцы.

— Ну, ты прямо как Шварценеггер отпускаешь! — заурчал толстый Пон.

...Медовый Ткач дождался своей первой добычи. Это был хороший мед, очень свежий и мягкий. Медовый Ткач вошел в него легко и беззаботно, и даже позволил себе немного порезвиться, поплавать и понырять, прежде чем впитать его в

себя. Медовый Ткач сжал и разжал пальчики, свернул и развернул хвостик, приоткрыл глаза и, аккуратно переставляя лапки, начал движение по крыше...

— Гад! Гадыыы! — Оля отпихнула Зяму и бросилась по проходу в конец вагона. Там, на стене, в обрамлении желтого ящичка с прорезями, была большая черная кнопка. Но на пол пути кто-то схватил ее за воротник и рванул назад с такой силой, что зубы с клацаньем ударились друг о друга. Девушка попробовала развернуться, но чьи-то цепкие пальцы обхватили шею, и — вперед, вперед, вперед наклонялась голова. Оля упала, предварительно получив хлесткий удар коленом ниже спины. Трое парней схватили Ольгу за руки и волоком вытащили в тамбур. Юрец шел сзади. Там они прислонили девушку к стенке, и Зяма, больно защемив грудь, дохнул ей в лицо чем-то кислым.

— Еще раз откроешь рот, выбью зубы, — прошипел он.

Оля дернулась, но Слон и Пон крепко держали ее за руки.

— Джентльмены, отпустите даму, — сказал Юрец. — Не собираетесь же вы, в самом деле, совершать прямо здесь акт разнузданного насилия.

У вас на это времени, между прочим, совсем нет. Вон Хлюпино на подходе. Отпустите-ка ее.

Оля почувствовала, что хватка парней ослабла.

— Но в то же время девушка вела себя крайне нехорошо. Ей, видите ли, не понравилось, что мы плохо обращаемся с электричеч-кой. Портим государственное имущество. Ей, конечно же, не нравится, что и надписи на стеклышках изменены: «не прислоняться» кто-то исправил на «не писоться». — Юрец почесал подбородок.

— Я думаю, краля, чтобы разойтись мирно, так сказать, завершить партейку как бы вничью, надо одним мирром помазаться. То есть чтобы и ты, красотка, порядочек нарушила. Придется тебе пописать, в нарушение всех местных правил. — И Юрец ткнул пальцем в исковерканную надпись.

— Нет!

— Ты не поняла, или нам показалось, или вправду сказала «нет»?

— Отпустите меня!

— Ну, конечно, отпустим! Одну прелестную тварь уже отпустили.

Зяма как-то странно дернул локтем, и Ольга почувствовала обжигающую боль в низу живота.

— Ну, так как? Ждем-с!

И вновь толчок боли.

— Постой-ка, Зяма, не увлекайся! Девочка молчит, а молчание, как известно, знак согласия.

Боль переместилась на внутреннюю поверхность левого бедра и стала образовывать теплое пятно, а пятно выпустило длинное щупальце, побежавшее вниз. И зажурчало...

— Ты смотри, пись-пись сделала! — В голосе Юрца послышались удивленно-радостные интонации.

Слон, Зяма и Пон захлопали в ладоши.

— А ведь девушку предупреждали: «не писоться»! Ай-ай-ай, как нехорошо получается! Стыдно!

— Бессовестная, — сказал Слон. — Нарушила и даже глазом не моргнула.

— На ее месте я бы просто со стыда сгорел, — вставил Пон.

— И я хочу вас спросить, братаны, а место ли бессовестным в наших прекрасных электричках?

— Не-а, не место, — почти хором ответили братаны.

— Я тоже так считаю. Ну-ка, взяли за ручки и в стоечку ее. — Парни схватили девушку, наклонили лицом к двери, и, когда у платформы «Хлюпино» двери открылись, Юрец с размаха

наподдал Оле ногой. Девушка выпала на платформу, ободрав колени и локти.

...Вторая добыча оказалась намного крупнее. Очень сладкий и душистый мед, хотя немного тяжеловат. Но сил после первой порции прибавилось, и Медовый Ткач смог затащить мед на крышу. Это была настоящая удача — целых две добычи за короткое время. И охотничье чутье подсказывало, что это еще не все. Но пока надо было управиться со второй добычей, и существо принялось плести вокруг нее узор из полупрозрачных нитей...

Развалившись на свежепорезанных сиденьях, Юрец и Пон курили импортные ароматизированные сигареты.

— Зря мы, Юрец, девчонку отпустили. Могли бы неплохо с ней покувыркаться. — Пон засунул руку под мышку, почесал, а потом понюхал пальцы.

— Утихни, Пон. — Юрец картинно затянулся и выпустил колечко дыма. — Сейчас в общаге без проблем накувыркаешься. А с этой кралей на криминал можно было нарваться. Видал, как она к ментовской кнопке рванула?

— Это она к стоп-крану рванула, чтобы элек-

тричку остановить и кота своего найти. Дура сердобольная.

— Вот пускай и ищет его трупик. Только сначала надо бельишко застирать. — Юрец улыбнулся.

— А если она взаправду сейчас ментам звонит?

— Откуда? Даже если и найдет работающий автомат, то что она им скажет? Что в тамбуре наделала? А? Подумай своей дурьей башкой!

— Все равно зря отпустили. — Пон прищемил пальцами прыщ на щеке.

Увидев набрякшую желто-зеленую каплю гноя, Юрец отвернулся к проходу между сиденьями и сплюнул.

— Где там наши лохи запропастились?

В это время худосочный Зяма и флегматик Слон, оставшиеся в тамбуре, придумали новую забаву: им удалось разжать двери, вставив между ними пустую пивную бутылку, и Зяма, высунув руку в образовавшуюся щель, скоблил снаружи все тем же ножичком некоторые буквы в еще никем не тронутой надписи «не прислоняться». Слон страховал Зяму, держа за руку, хотя вероятность, что тот вывалится была небольшой.

— Ты, Слоник, пока не подсматривай, потом увидишь, что получится. Это тебе сюрпризик такой будет, — сказал Зяма приятелю, и тот по-

корно отвернулся.

Через минуту-другую «шедевр» был готов, и Зяма выбил ногой бутылку, после чего двери резко захлопнулись.

— «Не слон я», — прочитал Слон.

— Ах-ха-ха-ха! — заржал Зяма, тыкая пальцем в товарища. — Слоник говорит, что он не слон, а сам штиблеты сорок пятого размера носит! Вот умора! Какой же ты, Костя, не слон? Самый настоящий слонище!

— Не слон я, — зло повторил Костя и засунул руки в карманы. Он очень не любил свое прозвище и стеснялся размера своей обуви. Но приходилось терпеть, поскольку кроме Зямы, Пона и Юрца друзей у него не было, а в их компании повелось называть друг друга по кличкам.

— Заткнись, Зяма. — Костя представил, как будут смеяться, прочитав надпись, Пон и Юрец, и ему стало тоскливо.

— Сейчас ты сотрешь это, понял?

— А если не сотру? — Зяма ухмыльнулся и ловко перекинул ножичек из левой руки в правую.

— Сотрешь, — твердо сказал Костя.

Уж перочинным-то ножиком его испугать было трудно. Он собрался и приготовился применить один из своих коронных приемов, но в этот мо-

мент лицо Зямы изменилось. Выпучив глаза, тот открывал и закрывал рот, силясь сказать что-то. Сначала Костя, зная натуру своего дружка, подумал, что это очередная уловка. Однако Зяма, прижавшийся спиной к дверям, был явно чем-то напуган. На всякий случай Костя отступил на шаг, и только потом обернулся. За грязным стеклом, освещенное призрачным светом, в перевернутом положении колебалось лицо той самой девчонки, которую они некоторое время назад выпихнули из тамбура. Перекрученные плети волос свисали вниз, и на них, цепко ухватившись лапами, висел черный котенок с белыми усами и белым же неровным бантиком на груди. Котенок шипел. Его нестерпимое шипение быстро заполнило маленькое пространство тамбура, впиталось в металлические стены, заползло под панели потолка и пола и вмиг подчинило себе все механизмы, среди которых первым откликнулся компрессор: двери, к которым прислонился Зяма, открылись. Зяма качнулся чуть-чуть вперед, а потом стал медленно заваливаться назад в распахнутую ночь. Костя рванулся, чтобы удержать приятеля, но рука напоролась на лезвие ножа, — почувствовав укол, он отдернул ее; время, до того текшее неспешно, вдруг пустилось вскачь, и...

спустя мгновение помогать уже было некому.

Костя стоял, упершись руками в закрытые двери, где на стеклах светились красноватым светом надписи «не писоться» и «не слон я». Тонкая струйка крови текла из ладони.

...Ни страха, ни удивления не почувствовала Ольга, когда что-то подхватило ее с асфальта платформы и подняло на крышу электрички. С того момента, когда она неожиданно для себя подчинилась наглым требованиям парней и справила в тамбуре малую нужду, все происходящее вокруг стало неважным. Это была какая-то очень плохая копия видеофильма, в которой из-за низкого качества некоторые эпизоды исчезают, другие становятся совершенно нереальными, и связующая логическая нить рвется. И подъем вверх происходил не с ней, а с героиней этого видеофильма.

Оля зажмурилась с надеждой, что сейчас очнется и окажется дома на диване перед мерцающим экраном телевизора. Но, приоткрыв веки, она увидела перед собой не знакомую домашнюю обстановку, а белесое в отраженном вагонном свете переплетение каких-то нитей, сквозь которое на нее в упор смотрели красносмородиновые глаза. Потом она увидела мохнатые лапки с кожаными

пальчиками, из которых тянулись паутинки, все гуще ее опутывающие.

Оля поняла, что только благодаря этим многочисленным ниточкам она удерживается на крыше вагона. Мимо проносились гнущиеся под ветром ветки деревьев, наверху зловеще раскачивались и щелкали серые, дышащие электричеством провода, а рядом лежал полупрозрачный кокон, внутри которого Оля сумела разглядеть неподвижное тельце котенка.

Медовый Ткач наконец-то закончил плести узор вокруг большой добычи. Теперь можно было и насладиться медом. Проведя пальчиками по высунувшимся ушкам, он раздвинул паутину в центре узора и просунул в образовавшееся отверстие юркий язычок.

В кино или во сне можно быть кем угодно. Можно бегать по воде и парить над землей, можно сражаться с фантастическими чудищами и побеждать своих самых давних врагов. Во сне чувство страха притупляется, ведь самое страшное остается там, в реальной жизни. А здесь какое-то непонятно-смешное существо как бы угрожает. Когда глаза существа приблизились вплотную к дыре в коконе и перед лицом Ольги зазмеился язычок, она, недолго думая, ловко прищемила

его кончик большим и указательным пальцами и резко крутанула.

Неожиданный импульс боли пронзил Медового Ткача, и он отпрянул, испытав почти то же чувство, которое служило медом всем представителям его племени. Медом для Ткачей был страх. Они никогда не питались плотью пойманной добычи. За грудиной, перед упорным трехкамерным сердцем у каждого из представителей этого древнего вида располагался плоский железистый орган. И когда добыча трепетала и дрожала от беспомощности, орган набухал и увеличивался, чутко улавливая страх, излучаемый жертвой в процессе агонии и перед смертью. Под действием плененной эмоции в загрудинной железе начинали вырабатываться питательные вещества, поддерживающие жизнь в телах Ткачей.

Но Медовый Ткач с голицынской пустоши совершил роковую ошибку: он попытался справиться старым способом с новым для него объектом. Теперь Ткач был на грани испуга. Древний инстинкт подсказал ему, что ни в коем случае нельзя поддаваться этому чувству, потому что самому можно стать жертвой.

Он поднял свой полуметровый хвост, еще выше высунул ушки, из последних сил исторг из

гортани отпугивающий крик и хлестанул странную добычу, стремясь смести источник ошибки со своей территории. Но новый импульс боли, доселе не знакомый ни ему, ни его предкам, пронзил Медового Ткача. И волны липкого страха захлестнули древнее существо. Уже свисая с крыши мчащейся электрички на тонких и прочных нитях, Ткач почувствовал, как железа у него за грудиной съеживается и начинает необычно часто пульсировать...

— Что-то ты, Слон, бледный какой-то. — Юрец протянул подсевшему Косте пачку сигарет. — И ладонь, смотрю, раскровил. Опять, что ли, с Зямой поцапался?

Костя взял трясущимися руками сигарету и прикурил от зажигалки Пона.

— Где он там застрял? — Юрец пнул Костю в бок. — Успели бы до Звенигорода пару партеек сыграть.

Костя снова ничего не ответил, лишь неопределенно махнул рукой куда-то в сторону и, не мигая, уставился в пол прямо перед собой.

— Пон-то наш весь испереживался, что кралю рано отпустили. Я ему толкую, что в общаге нас лучшие во всем Поречье телки дожидаются, а он на бледную дохлятину позарился. — Юрец

манерно скривился.

— А чего ж ты сам эту «дохлятину» в шейку поцеловал? — съехидничал Пон.

— Дурко ты. Не поцеловал, а укусил я ее. Кстати, кожа у нее горькая. Так что кувыркаться с ней я лично тебе не рекомендовал бы. Не отплевался бы потом.

— Я ж не сосаться с этой горькой собирался. — Пон швырнул окурок и раздавил его кроссовкой. Потом встал и выставил голову в открытое окно.

Поезд, замедляя ход, приближался к платформе «Скоротово». Когда открылись двери, Пон краем глаза заметил, что через несколько вагонов впереди по ходу поезда кто-то вышел наружу, быстрым шагом прошел до следующих дверей и обратно впрыгнул в поезд. Еще на безлюдную платформу выскочил мужик с велосипедом, а за ним — влюбленная парочка. Мужик сел в седло, и велосипед сразу же заметался по асфальту — ужасающая восьмерка на заднем колесе препятствовала нормальному движению. Но кое-как мужику удалось выровнять машину, он прямо-таки «продындыкал» вниз по короткой лестнице и исчез среди кустов. Парень с девушкой остались на платформе и слились в затяжном поцелуе.

Глядя на них, Пон хмыкнул. Ему захотелось

крикнуть в ночной воздух что-нибудь обидное. Но на ум ничего не приходило, и тогда он решил поточнее плюнуть в эту парочку. Электричка начала разгоняться. Пон высунулся подальше и собрал во рту дельную порцию слюны, но в последний момент по его толстым щекам чиркнуло что-то бархатистое.

...Странный видеофильм продолжался. Красносмородиновые глаза то приближались к Олиному лицу, то отдалялись; в широкой дыре белесого кокона, прямо перед ней, все еще судорожно плясал хлыстик язычка, мерно цвиркали провода над головой.

Во сне можно превращаться во что угодно и не беспокоиться о последствиях, а просто наслаждаться этими превращениями. И Оля увидела, как бежит сквозь густые цветастые заросли. Пересекающиеся ветки раскрашены всеми цветами радуги. Вокруг какой-то карнавал меняющихся цветных штрихов и полосок. Голубая листва чуть шевелится на фоне красных тонких стволиков, зеленые сгустки рассыпаются желтыми звездами трилистников, синие точки сливаются в бегущие спирали, раскрываются фиолетовые бутоны и открывают оранжевые высохшие плети разлапистых кустов. Спереди все мелькает

в бешеном темпе цветного письма, а сзади ее настигают неумолимые убыстряющиеся удары. С каждым ударом она чувствует приступ мгновенной чесотки. Чаще и чаще. И вот уже чешется вся спина от лопаток до крестца. Зуд плотным пледом присосался к ней. Оля на ходу поводит плечами — что-то мешает между лопатками. И кадр меняется: она видит себя со стороны.

Большая полукруглая пустошь, на которой кто-то замешал все вообразимые краски. Это буйство разноцветья образует огромный, медленно вращающийся водоворот, окруженный двойной рамкой серебристой ленты. Оля словно вращает окуляр подзорной трубы, и перспектива меняется, предметы приближаются. Теперь уже можно рассмотреть отдельные ветки на многочисленных зарослях кустов в центре конуса цветовой воронки. Сквозь них продирается девушка. В ушах у нее болтаются золотистые серьги, похожие на рыболовные блесны, а на ногах симпатичненькие ярко-синие сандалики. Оля осознает, что эта девушка она сама и есть. Так интересно следить за собой со стороны! Фигурка все ближе и ближе, и уже можно разглядеть, что на спине у девушки шерсть.

«Так вот что мешает мне, вот почему зуд и

чешется...» И Оля еще раз поводит плечами. Длинные волосы, прорывают одежду и торчат в разные стороны, под ними появляется густой золотистый подшерсток, — все это она и видит откуда-то сверху, и одновременно ощущает всем своим телом. Она физически чувствует жутко приятный процесс роста родных желтых остей шерсти. Одежды на теле остается меньше и меньше, почти все покрыл мех, и на животе мех складывается узором в виде неровного бантика, в точности как у Пуськи на грудке, и все очень-очень хорошо и славно, так бы вечно... но вдруг, совершенно неожиданно, появляется та самая ледышка, которую ей пытался преподнести гадкий Юрец, и, неприятно пихаясь, нагло лезет в нее. Острым бритвенным лезвием прорывается боль, и Оля, зажмурив глаза, кричит...

Но с задержкой, через паузу, изо рта ее вырывается лишь пронзительное верещание, переходящее в кошачье шипение. Когда крик глуховатым эхом замирает вдали, глазам Ольги открывается глубокая пропасть, на дне которой блестит зеркало водоема. Она стоит на обрыве, теплый ветер приятно перебирает шерстку, ей комфортно и свободно. Теперь, с этим потрясающим мехом, Оля очень красивая, ее феерической

красоте подвластно все вокруг. Ей так к лицу эти золотистые серьги в ушах и мягкие синие сандалики. «Хоп, хоп, хоп» — и даже перспектива, подчиняясь Олиной воле, изменяется, водная поверхность приближается почти вплотную к ее глазам. «Ха-ха-ха!» — как смешно! Оказывается, это совсем не озеро и даже не пруд, а потное лицо Зямы, того самого Зямы, который выкинул Пуську в окно, и лицо раздувается и покрывается прыщами, уплощается нос, наливаются валики губ, и вот уже перед Ольгой колыхается в цветных бликах физиономия другого парня из той же компании, кажется, они называли его Поном...

— Э-э-э! Пон, ты далеко ли? — закричал Юрец, увидев, как ноги его дружка медленно отрываются от пола, а рыхлое тело уползает в окно. — Держи его, Слон! Вывалится!

Костино оцепенение мигом исчезло, он вскочил, обхватил торчащие ноги ниже колен и сразу понял, что удержать Пона невозможно. Неведомая сила прямо-таки высасывала его из мчавшейся электрички. Сопротивляться ей было бесполезно: и вес, и накачанные мышцы, и приобретенная тренировками ловкость Кости — сейчас все это не значило ровным счетом ни-че-го.

Пона все больше вытаскивало из вагона. Костя,

уже повиснув в воздухе, понял, что если сейчас же не отпустит приятеля, то и сам вылетит наружу. Ища поддержки, он обернулся назад, к Юрцу, но тот сидел закинув ногу на ногу, словно зритель в кино. Костя разжал руки. С треском лопнуло стекло, осколки посыпались внутрь вагона, тело Пона зависло снаружи и некоторое время плавно летело рядом с электричкой. Потом оно конвульсивно задергалось и взмыло куда-то вверх. В едином порыве Костя и Юрец бросились к окну и посмотрели наверх: там, на фоне звезд; на краю вагона копошилась темная масса, из которой торчали дрожащие ноги в модных кроссовках. Вдруг копошение прекратилось, ноги перестали дрожать, и между ними начал медленно выдвигаться продолговатый предмет, смахивающий на человеческую голову с каким-то диковинным наростом. На этом наросте загорелась бордовая зигзагообразная полоса. Юрец и Костя инстинктивно отпрянули.

— Слон, ты видел? Что это было? — шепотом спросил Юрец.

— Ничего не знаю, знаю ничего, Зяму знаю, Зяма тоже выпал, тоже выпал Зяма, выпал тоже... — забормотал Костя.

Чем ближе поезд подъезжал к Звенигороду,

тем тревожнее становилось капитану Коляде. Он так и не смог выйти в «Хлюпино», потому что заклиненными оказались еще и входные двери, а пока он пересекал пустой вагон в надежде успеть в другой тамбур, поезд тронулся. Безусловно, можно было вернуться обратно, но Анатолий Сергеевич не любил бросать что-либо на полпути. Он стоял и ждал следующей остановки.

На платформе «Скоротово» ему удалось наконец-то выбраться из надоевшего вагона и продолжить затянувшуюся инспекцию. Мелькали редкие лица усталых пассажиров. Чем ближе к головному вагону, тем их становилось больше, капитан же беспрестанно думал о том, что Ольга осталась одна слишком надолго.

Ну вот наконец-то и Звенигород. Милиционер покинул электричку вместе со спешащими к автобусам пассажирами и пошел в конец состава, выглядывая, не показалась ли на платформе Александрова Оля. Навстречу ему попались два бледных парня, явно не местные. Было заметно, что они чем-то взволнованы: один, скорее всего спортсмен, не переставая, бубнил себе под нос, второй шел, задрав голову, и выглядывал что-то на крыше поезда.

Сначала Коляда хотел было проверить у них

документы, но потом прикинул, что парни вроде бы трезвые, и поспешил дальше.

Из электрички Оля так и не вышла, и там, где оставил девушку капитан, никого не было. Лишь в середине вагона на порезанных сиденьях сверкали осколки стекла, а в проходе валялась опрокинутая корзинка и ветер из разбитого окна теребил на полу кусок марли.

«Эх, все-таки надо было остановить тех двоих», — подумал капитан Коляда, схватил корзину, развернулся и побежал туда, где бывшие невольники железной дороги уже вскакивали в чадящие бензиновыми парами машины, и некоторым счастливцам среди них даже удалось занять сидячие места в ярко освещенных и пыльных внутренностях автобусов.

...Ольга чувствовала себя прекрасно. Появилась легкость, ничто не тяготило, потрясающая красота ласковыми волнами растеклась по поверхности тела и через многочисленные корешки мягоньких волосиков впиталась и заполнила все ее внутреннее пространство, вплоть до тех темных закоулков, в которых когда-то таились противные червячки страха. Теперь она была переполнена мелодичным перезвоном колокольчиков. А разноцветье! Какие цвета она могла

теперь видеть! Оля открыла для себя, что в радуге на самом деле не семь, а девять цветов. Два дополнительных цвета размещались по краям доступного всем спектра и придавали радуге законченность, оформленность и глубину. Оля не знала названий этих цветов, да и нужны ли были какие-то куцые слова для их описания? Было просто очень хорошо. Как она могла раньше смотреть на радугу и радоваться? Ведь без девятого и восьмого цветов радуга не радуга, а инвалид! Бедные, бедные люди!

А в это время Пусик плавал в теплом рыбном супе. Супа было много. У котика был длинный язычок. На конце язычка расширение, размером с грудничковую ложечку. Лакать с помощью такого расширения очень удобно. Иногда в окружающей жидкости попадались шевелящиеся сгусточки. Пусик их аккуратненько прикусывал. На вкус — кусочки вареного минтая. Сгустки попискивали. Котик их отпускал, а потом опять ловил. Пытаясь уплыть, они издавали странные звуки вроде: «зяма-он-зяма-пон», но ловкий котик их снова ловил и прикусывал посильнее.

Перебирая родовую память, Медовый Ткач не нашел аналогичной ситуации, в которую попадали бы представители его древнего племени. С

такой добычей никто из них не встречался.

Размышляя над произошедшим, а способность к логическому мышлению и анализу причинно-следственных связей появилась у него совсем недавно, Ткач пришел к выводу, что, в общем-то, плохого в данной ситуации было не так уж много.

Да, он стал состоять из трех частей. Да, парализовало орган, управляющий процессом отделения страха от добычи. Но зато теперь поставлялись огромные количества меда и значительно увеличились возможности его усвоения. Появилась как бы гигантская воронка, в которую две новые составляющие постоянно ссыпали такое количество необходимой для питания субстанции, что и не снилось его древним предкам. Оставалось только перерабатывать поставляемое питание. Ах, как вкусно! Ткач представил, что лежит в теплой, чуть сырой пещере, свернувшись калачиком на чудесной подстилке из прелой листвы, и сытое довольство овладело им...

— Стойте, стервецы! — С корзиной в руках, запыхавшийся капитан Коляда подбежал к парням, остановившимся около старой колонки, из которой бил тоненький фонтанчик воды. — Ну-ка, быстро говорите, где девушка?

— Пон вверх упал, упал Пон вверх, стекло хрр-рясь! Зяма спиной прыг, прыг Зяма спиной... — разобрал милиционер слова спортсмена.

— Слушайте, кэптэн, не трогайте нас, а? Ехала какая-то с нами в вагоне, так она вышла в Хлюпино.

— Нарушила она, она нарушила, рушила она... она бессовестная... — продолжал тараторить второй парень.

— Вы Слона не слушайте, он немного того. Лучше бы разобрались, кто у вас на крышах вагонов ездит?

— Вот что, парень, девушка со мной в Зве-ни-го-род ехала. Понял? В Зве-ни-го-род! Зачем ей в Хлюпино понадобилось выходить?

— Ая откуда знаю? Вышла, и все...

— Рушила она на, Пон вверх упал, Зяма спиной прыг...

— Да заткнись ты, Слон!

— Я тебе дам «заткнись!» — Анатолий Сергеевич крепко схватил Юрца за запястье. — Пройдемте в тот вагон, где вы ехали. Там разберемся, кто выпал, а кто вышел, а кто окно разбил и сиденья порезал.

Милиционер подтолкнул безвольного Слона, пропустил ребят вперед и повел их к электричке,

которая была готова через несколько минут отправиться обратно в Москву.

...Медовый Ткач понял, что пришел срок. Для того ответственного дела, которое ему предстояло совершить, необходимо было полностью расслабиться. Однако беспокойные вопросы мешали ему насладиться сытостью и покоем. Не подведут ли его две новые части? Сделают ли все как надо? Ведь у них родовая память отсутствует и предстоящее для них внове. Хватит ли меда?

Но Ткач зря беспокоился: его новые составляющие, осознав важность предстоящего процесса, активно приступили к поиску источника меда. Пусик уже съел весь супчик. Теперь маленький, но очень сильный котик стоял на дне большой конусообразной миски. Передними лапками он прижимал к покатому дну два сгусточка, которые непрерывно свистели: «юрец-ц-цц-кост-й-а-аа».

В злополучный вагон капитан Коляда ввел парней, когда электричка уже набрала скорость и приближалась к переезду между Звенигородом и Скоротово. На переезде стоял автобус, и, увидев мелькнувшие в окне сочные желтые огни, милиционер подумал, что, наверное, это тот самый автобус, на котором Александрова Ольга собира-

лась доехать к бабушке.

Коляда усадил парней и начал допрос.

— Ну-ка, вот ты, — встряхнул он Юрца, — говори быстро и четко. Что здесь произошло? И нечего мне какие-то «крыши» выдумывать!

— Минтайчик вареный вкусный, вкусный вареный, как Зяма с Поном... Пон с Зямой плавают быстро, но ловкий кот их все равно цап... близко-близко большая воронка, воронка большая всех засосет... — все громче бормотал Слон.

Капитан Коляда почувствовал резкий запах лака для ногтей. На секунду погас свет, а когда опять зажглись плафоны, в раздвинутых дверях стояла Ольга Александрова.

Юрец вскочил, и они все уставились на девушку. На голове у нее, крест-накрест опутанный русыми прядями волос, сидел котенок с ромбиками зрачков в огромных глазах. Он пристально смотрел на оцепеневшую троицу. На белой грудке котика, клинышком сходившейся книзу, светилась темно-красная полоса. В розовых отблесках этого света бессистемные разводы веснушек на лице девушки складывались в зыбкий узор. Капитан Коляда успел автоматически отметить, что россыпи веснушек образуют полуконтрастные спирали, сходящиеся центрами к темным

провалам глазниц девушки.

Юрец, стоявший слева от милиционера, вдруг начал приподниматься. Капитан посмотрел вниз и увидел, что тот стоит на вспучившемся полу. Горб под его ногами все рос и рос, и тут линолеум проломился.

— А-а-а! — заорал Юрец, стремительно опускаясь в пролом под ставший нестерпимо громким стук колес.

Раздались чавкающие звуки, полоса на груди котенка засветилась ярче, под полом что-то захрустело, голова Юрца была уже на уровне пола; веснушчатые спирали на лице Ольги, все еще неподвижно стоявшей в дверях, закружились в безумном галопе; и, когда макушка парня скрылась в образовавшейся воронке, к щеке капитана Коляды что-то плотно прилипло. Ногтем он подцепил непонятный предмет, взял двумя пальцами и рассмотрел. Это был маленький белый кусочек кости с налипшими крупинками черной грязи, пористыми ошметками костного мозга и мелкими капельками крови. Щеку немного саднило.

— Не хочу-ууу! Больно-ооо! — теперь уже кричал сползающий со скамьи Слон. Его разогнутые ноги тоже стали погружаться в образовавшуюся воронку. Капитан Коляда, размахнувшись, швыр-

нул плетеную корзину в темную дыру. Раздался пронзительный щелчок, хлопнули рваные края разломанного линолеума, и нисходящее движение Слона прекратилось.

— Слон, ты как? — стараясь перекричать стук колес и всхлипы ветра в образовавшемся посередине вагона провале, проревел Анатолий Сергеевич и сел рядом с юношей.

— Да... не слон... я, а Костя... — прошептал обескровленными губами полулежащий на скамье парень. — Ноги... мои ноги...

Переведя взгляд ниже, капитан Коляда увидел две штанины, висящие над провалом, в котором мелькали шпалы. Штанины были пустые и мокрые. Из них длинными макаронинами тянулись темные сопли, запутывались друг в друге и исчезали в дыре. Пузыри растянутой ткани на местах бывших коленных чашечек мерно поднимались и опускались.

— Что ж ты делаешь, дрянь та... — закричал было Анатолий Сергеевич, обращаясь к Ольге, чья необычная голова торчала над спинками сидений, и осекся. Только теперь он смог разглядеть глаза девушки. Сейчас они ничуть не напоминали фары электрички, хотя и сохранили ячеистую структуру. Катафоты в радужке стали крупнее и

поменяли цвет: россыпи красно-коричневых пятнышек, словно мелкие косточки каких-то ягод, складывались дробящимся узором. «Что же это за ягоды? — подумал капитан. — Ах да! Это же...» Действительно, сходство было потрясающим: те же мелкие прожилки, полупрозрачная мякоть и пунктиры разбегающихся зерен-семян. Над милиционером нависли две крупные, аккуратно разрезанные крыжовины.

Капитан Коляда почувствовал, как его тело стало невесомым, ветер подхватил его, словно осенний лист, поднял, и он полетел в центр этих ягод-глаз, и что-то бархатистое прикоснулось к ссадине на щеке...

Анатолий Сергеевич Коляда сидел в старом кресле перед телевизором и смотрел футбол. В преддверии семейного торжества шумное женское население квартиры отбыло в длительный поход по магазинам. Дома он был один, чувствовал себя прекрасно и наслаждался игрой московского «Спартака».

Любимец публики Федор Черенков прошел по правому краю, сместился в центр и ударил по воротам. Вратарь прыгнул, но было поздно — мяч, чиркнув по перекладине, попал в «девятку». Трибуны взорвались радостным ревом. Капитан

Коляда взял открытую бутылку пива, чокнулся с экраном, подражая герою артиста Мкртчяна в фильме «Кавказская пленница», и сделал большой глоток за успех любимой команды.

«Как же хорошо, когда не пахнет изо рта и не ломит зубы. Можно спокойно пить холодное пивко!» — подумал Анатолий Сергеевич. В этот момент прозвучал свисток арбитра, и его трель совпала со звонком во входную дверь. Коляда поднялся, надел шлепанцы и пошел в прихожую. На пороге стояли улыбающиеся автослесари Константинов и Логинов. Как ни странно — трезвые.

— Дорогой вы наш, Анатолий Сергеевич! — начал Логинов. — Коллектив Голицынского автобусного завода с глубоким удовлетворением узнал о предстоящей свадьбе вашей дочери Ларисы Анатольевны. В связи с этим на последнем профсоюзном собрании было решено преподнести будущим молодоженам ценный подарок. Давай, друган.

Константинов вывез из-за угла сверкающую хромом детскую коляску.

— Это мы сами сделали. — Константинов подкатил коляску вплотную к порогу. — Из сэкономленных от «мерсов» запчастей. Рама — зверь, сносу не будет. Ход мягкий, плавный.

Вашим внукам, пусть их будет больше, кататься не перекататься. А вам и вашим детям возить не перевозить...

— И внукам, и детям, — задумчиво повторил запавшие слова милиционер, когда возбужденные и шумные автослесари наконец-то отбыли восвояси.

Он сел обратно в кресло. Вот-вот должен был начаться второй тайм. Коляда вытянул ноги, скрестил руки на животе и осторожно провел кончиком языка по небу. Затем достал из нагрудного кармана миниатюрное зеркальце. Капитан не расставался с ним вот уже две недели — после того, как поздно ночью, вернувшись с дежурства, стащил его из косметички дочери. Наверное, в десятый раз за день Анатолий Сергеевич закинул голову, широко раскрыл рот и поднес к лицу добытое зеркальце. В серебристом квадратике он увидел отражение розового свода своего мягкого неба с четырьмя пятнисто-алыми горошинами посередине.

«Мои пусечки! Как себя чувствуете? Потерпите еще чуть-чуть! Вот и колясочка для вас есть, лишь бы она не слямалась...»

INFO

(386)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художники
Андрей СИМАНЧУК,
Владимир ДОЛГОВ

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06, (495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir_isk@orc.ru

Учредитель и издатель журнала
ООО «Книги «Искателя»
© «Книги «Искателя»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-35888 от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах.

Подписано в печать 17 02.2011. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л 8,4.
Лицензия № 06095 Заказ № К-5057.

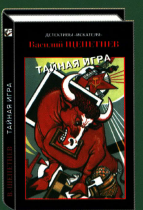
Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

.....

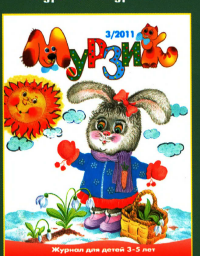
Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2026

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ



журнал «Мурзик»



журнал «Колокольчик»

ISSN 0130-7665